

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Баринова Елена Сергеевна

**СЕМЕЙНОЕ САМОСОЗНАНИЕ МУЖЧИНЫ:
СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук,
профессор **Н. Н. Васягина**

Екатеринбург – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО САМОСОЗНАНИЯ МУЖЧИНЫ.....	14
1.1. Исследование феноменологии семейного самосознания в психологической науке.....	14
1.2. Мужчина как субъект семейных отношений.....	27
Выводы по первой главе.....	57
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЕЙНОГО САМОСОЗНАНИЯ МУЖЧИНЫ.....	59
2.1. Организация и методы исследования семейного самосознания мужчины.....	59
2.2. Содержательная наполненность структурных компонентов семейного самосознания мужчины.....	71
2.3. Особенности семейного самосознания мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье.....	97
2.4. Типологические особенности мужчин, отражающие специфику их семейного самосознания	103
Выводы по второй главе.....	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	119
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	122
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	137
Приложение А. Анкета «Я и моя семья».....	137
Приложение Б. Параметры содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины.....	138
Приложение В. Факторные структуры компонентов семейного самосознания мужчины.....	140
Приложение Г. Различия параметров семейного самосознания мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье.....	142
Приложение Д. Факторные структуры семейного самосознания мужчин разных типов.....	144

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Последние несколько десятилетий российское общество характеризуется различными социально-экономическими, демографическими и политико-правовыми переменами, которые напрямую отражаются на современной семье, испытывающей процесс модификации своих функций, обусловленный как трансформациями самого общественного устройства, так и связанным с ними процессом перехода от традиционной (расширенной, многодетной) семьи к нуклеарной (автономной, малодетной).

Развитие современной российской семьи отличается усилением автономности личности, а именно преобладанием субъектного начала, профессиональной и экономической независимостью от семьи, демократизацией и эгалитаризацией семейно-брачных отношений, равенством вкладов обоих супругов в обеспечение экономического благосостояния семьи, свободой выхода и самопричисления (Т. В. Андреева, Е. В. Екжанова, С. В. Ковалев, В. А. Сысенко, Л. Б. Шнейдер и др.). Феминизация семьи привела к тому, что основные семейные функции сосредоточились в руках женщины, при этом лидерство мужчины зачастую становится формальным, а авторитет отца подменяется материнским или двойным (матери и отца) (В. П. Борисенков, Б. М. Бим-Бад, Е. А. Бокша, С. Н. Гавров и др.). На фоне этого уменьшается прочность брачно-семейных отношений (в 2017 году на 1000 браков приходилось 582 развода, в 2018 – 776), растёт количество неполных семей (30% в 2018 году), сохраняется высокий уровень внебрачной рождаемости (пик в 2005 году 30%, в 2018 году – 23,8%). Обозначенные выше тенденции, наряду с экономическими, социальными, историческими причинами, обусловлены и психологическими факторами. В связи с этим особый интерес приобретает исследование феномена семейного самосознания личности, как осознания себя членом семьи и субъектом семейных отношений.

Степень научной разработанности проблемы исследования. Обращение к современным зарубежным и отечественным психологическим исследованиям свидетельствует о том, что к настоящему моменту достаточно широко изучены

различные аспекты функционирования как семьи в целом, так и отдельных её подсистем. В сфере супружеских отношений исследованы особенности ролевой структуры семьи (Ю. Е. Алешина, В. Н. Дружинин, О. В. Карабанова, К. Кирпатрик, М. Мид, В. Сатир, М. Сейгер, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис), параметры удовлетворенности браком (Ю. Е. Алешина, С. И. Голод, О. А. Добрынина, А. Г. Лидерс и др.), влияние гендерных стереотипов на гармоничность супружеских отношений (И. Г. Дорошина). Детско-родительские отношения рассматриваются в качестве важнейшей детерминанты психического развития и процесса социализации ребёнка, в связи с чем детально изучены типы семейного воспитания и особенности отношения к родительству через призму ролевой позиции матери и отца (А. Я. Варга, О. Г. Калина, О. А. Карабанова, В. В. Столин, А. Б. Холмогорова, Т. И. Шульга, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис и др.). Межпоколенные отношения изучены в контексте становления прародительства как этапа жизненного пути (О. В. Краснова, Н. Ф. Шахматов, Л. Б. Шнейдер), выявлены особенности межпоколенной связи в семье (Е. В. Куфтяк, У. Ю. Севастьянова), выделены типологии прародителей (R. Aisenberg, J. Treas, О. В. Краснова и др.). Взаимоотношения между сиблингами чаще всего рассматриваются применительно к несовершеннолетним детям, как один из факторов социализации личности (А. Адлер, Д. Бокум, Г. Крайг, Р. Ричардсон, У. Тоумен, З. Фрейд), кроме этого представлены различные типологии взаимоотношений взрослых братьев и сестер (M. Katoch, S. Nandwana, R. Steward, О. В. Алмазова и др.).

Семейное самосознание в психологической науке рассматривается в качестве субъективной характеристики семейной сферы и исследуется на групповом и индивидуальном уровне. Как феномен, функционирующий на групповом уровне, семейное самосознание рассматривается в контексте субъективного восприятия семьи её членами, которое описывается следующими понятиями: «образ Мы» (О. А. Карабанова, Т. М. Мишина, А. В. Черников), «эмоциональное и когнитивное Мы семьи» (Л. Б. Шнейдер и др.), «карта семьи» (С. Минухин, Ч. Фишман), «семейные мифы» (А. Я. Варга, О. А. Карабанова и др.), «семейный нарратив» (Е. Е. Сапогова), «семейная ментальность» (Е. А. Морозова и др.). На

наш взгляд, в понятиях «имплицитная теория семьи» (Л. Р. Барнхил, А. Г. Лидерс, О. А. Минеева), «внутренний образ семьи» (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис), «семейная идентичность» (Н. Аккерман) фокус внимания исследователей смещается с группового уровня функционирования семейного самосознания на индивидуальный уровень его изучения. В качестве индивидуальной психологической реальности было исследовано семейное самосознание женщины в совокупности трёх компонентов, характеризующих представления женщины о себе как о матери, жене, дочери; её отношение к себе как члену семьи; выполняемые ей семейные роли и функции (К. В. Адушкина, Н. Н. Васягина).

Наряду с изучением общих аспектов функционирования семейного самосознания, в психологической науке представлены работы, направленные на исследование его отдельных аспектов, а именно: изучение материнства (Н. Н. Васягина, Ю.С. Газизова, Е. И. Захарова, А. С. Спиваковская, Г. Г. Филиппова, Л. Б. Шнейдер и др.) и отцовства (Ю. В. Борисенко, Р. В. Овчарова, А. Г. Портнова, Ю. А. Токарева и др.) как части личностной сферы; изучение материнства как особой стадии идентификации женщины и развития самосознания матери (Н. Н. Васягина, С. А. Минюрова, Е. Н. Рыбакова, Е. А. Тетерлева, Н. А. Устинова, М. Ю. Чибисова); негативное психологическое наследование родительских функций (Т. М. Мишина, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис и др.); влияние субъективных образов родителей на выбор будущих супругов и функционирование семейной сферы (О. С. Прилепских, Е. Ю. Трошина и др.); самореализация личности в семейной сфере (Ю. В. Евсеенкова, Л. А. Коростылёва, И. В. Корсун, И. В. Ткаченко и др.).

Вышеизложенное позволяет выделить ряд **противоречий** между:

- объективной потребностью общества в сохранении института семьи, и недостаточной изученностью вопросов изменения ролевой структуры современной семьи;
- эгалитаризацией семейных отношений, снижением в них активности мужчины и фрагментарностью исследований, направленных на изучение мужчины как субъекта семейных отношений;

– обширностью исследовательских наработок и концепций, раскрывающих объективные психологические аспекты организации и функционирования семьи, и ограниченностью работ, направленных на исследование семьи через призму субъективного видения семейной ситуации и себя в ней отдельными членами семьи;

– появлением работ, раскрывающих особенности осознания женщиной себя членом семьи, её отношение к себе как субъекту семейных отношений, особенности реализации женщиной семейных ролей и функций, и отсутствием работ, направленных на изучение семейного самосознания мужчины.

Не изученность в сочетании с высокой значимостью делают актуальной **проблему**, послужившей основой для проведения **настоящего исследования**, а именно: каково содержание семейного самосознания мужчины и как в нём отражены специфика его представлений о себе как о члене семьи, его отношение к себе как семьянину, особенности реализации им семейных ролей и функций.

Цель исследования – изучение структурной организации и содержательной наполненности семейного самосознания мужчины.

Объект исследования – семейное самосознание мужчины.

Предмет исследования – структурная организация и содержательная наполненность семейного самосознания мужчины.

Гипотеза исследования заключается в следующих предположениях:

– семейное самосознание мужчины представляет собой часть самосознания личности мужчины, направленную на осознание себя членом семьи, субъектом семейных отношений;

– структуру семейного самосознания мужчины составляет совокупность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, каждый из которых имеет специфическую содержательную наполненность и приобретает своеобразное смысловое наполнение, преломляясь через спектр различных семейных отношений;

– существуют значимые различия в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье;

– на основе анализа комбинации элементов, составляющих содержательную наполненность структурных компонентов семейного самосознания, можно эмпирически верифицировать типологию, отражающую особенности осознания мужчиной себя в семье, специфику отношения к себе как члену семьи, особенности реализации семейных ролей и функций.

Задачи исследования:

1. Обобщить теоретические представления о феноменологии семейного самосознания в психологической науке.

2. Рассмотреть функционально-ролевую структуру семьи и специфику отражения супружеских, детско-родительских и родственных отношений в семейном самосознании мужчины.

3. Провести эмпирическое исследование содержательной наполненности структурных компонентов и описать общие особенности семейного самосознания мужчины.

4. Изучить различия семейного самосознания мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье.

5. Верифицировать типологию и описать типы мужчин, отражающие особенности их семейного самосознания.

Этапы исследования. Исследование проводилось в период с 2015 по 2019 гг. и включало три этапа:

– поисково-подготовительный: проводился теоретический анализ научной литературы, уточнялись цель, объект, предмет, задачи и гипотеза исследования, подбирался диагностический инструментарий;

– эмпирический: изучались наиболее значимые для мужчины семейные роли, содержательная наполненность структурных компонентов семейного самосознания мужчины, различия семейного самосознания мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье, была верифицирована типология и описаны типы мужчин, отражающие особенности их семейного самосознания.

– контрольно-обобщающий: подводились общие итоги теоретико-эмпирического исследования, были осмыслены полученные результаты, сформулированы обобщающие выводы, оформлен текст диссертации.

Методологической основой исследования являются: основополагающие принципы психологии: системности, единства сознания и деятельности, развития и психического детерминизма (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Ломов, С. Л. Рубинштейн и др.); концепции, раскрывающие представления о самосознании как социальном феномене и выделении в его структуре когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов (Р. Бернс, Н. С. Глуханюк, И. С. Кон, А. Н. Леонтьев, М. И. Лисина, К. Роджерс, С. Л. Рубинштейн, В. В. Столин, И. И. Чеснокова и др.); представления о семейном самосознании как индивидуальной психологической реальности (К. В. Адушкина, Н. Н. Васягина); конкретные исследования мужчины как субъекта семейных отношений (Ю. Е. Алешина, Ю. В. Борисенко, А. Я. Варга, Л. Я. Гозман, О. В. Карабанова, С. В. Ковалев, А. Г. Лидерс, Р. В. Овчарова, Л. Б. Шнейдер, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис и др.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нём решена актуальная для современной психологической науки задача изучения семейного самосознания мужчины. А именно:

– Семейное самосознание мужчины рассмотрено в качестве индивидуальной психологической реальности в единстве когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов, приобретающих своеобразное смысловое наполнение в результате преломления сквозь призму супружеских, детско-родительских и родственных отношений.

– Выявлено, что наиболее значимыми семейными ролями для современного мужчины являются роли мужа и отца, через призму которых мужчина осознаёт себя в семье; при этом ценность семьи и семейных отношений определяется возможностью проявить маскулинность (продолжить фамилию и род, быть главой семьи, «добытчиком»).

– Изучена содержательная наполненность структурных компонентов семейного самосознания мужчины: описывая себя как члена семьи, мужчина видит себя любящим, внимательным, заботливым мужем и любящим, строгим, требовательным отцом (когнитивный компонент); испытывает самоуважение и самопринятие в роли супруга, ориентируется на мнение жены при оценивании себя в роли отца (эмоциональный компонент); жизнь без семьи для мужчины не привлекательна, выстраивает доверительные отношения с женой, во взаимодействии с ребёнком, компенсируя воспитательную неуверенность, проявляет авторитарность (поведенческий компонент).

– Определены общие особенности семейного самосознания мужчины: противопоставление семейных, профессиональных ролей и хобби, парадоксальная идентификация, когнитивная простота (когнитивный компонент); аутосимпатия, ожидание позитивного отношения от членов семьи, удовлетворенность семейной жизнью (эмоциональный компонент); дифференцированность паттернов супружеских и детско-родительских отношений, противоречивость воспитательной позиции, комплементарность семейных ролей, принятие ответственности за материальное благополучие семьи, делегирование психотерапевтических функций супруге (поведенческий компонент).

– Показано, что доминирующая роль в семейном самосознании мужчины принадлежит супружеским отношениям, в то время как отношение мужчины к себе как семьянину определяется самореализацией в отцовстве.

– Раскрыты значимые различия в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье; показано, что длительность брака и стаж отцовства влияют на успешность совмещения мужчиной семейных и профессиональных ролей, его отношение к себе как члену семьи и формирование родительских паттернов, а количество детей в семье влияет на удовлетворенность мужчины супружескими отношениями.

– Эмпирически верифицирована типология и описаны типы мужчин, отражающие специфику их осознания себя в семье, отношения к себе как семьянину, особенности реализации семейных ролей и функций; выделены

речевые маркеры идентификации каждого из типов (авторитетный, невротичный, зависимый), даны рекомендации по гармонизации семейного самосознания мужчин.

Теоретическая значимость исследования: расширено предметное поле исследований феномена семейного самосознания и психологических особенностей мужчины как субъекта семейных отношений; обобщены теоретические представления о семейном самосознании мужчины как индивидуальной психологической реальности; эмпирически определена содержательная наполненность когнитивного, эмоционального, поведенческого компонентов семейного самосознания мужчины; выявлены различия в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье; выделена и описана типология, отражающая особенности осознания мужчиной себя в семье, специфику его отношения к себе как члену семьи, особенности реализации им семейных ролей и функций.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в индивидуальном и семейном консультировании, при сопровождении мужчины как субъекта семейных отношений; а также в процессе реализации программ высшего профессионального образования по психологическим и психолого-педагогическим направлениям подготовки, в учебных курсах «Психология семьи», «Психология родительства», «Семейное консультирование» и т. п.; при повышении квалификации и профессиональной переподготовке специалистов, профессиональная деятельность которых связана с сопровождением семьи и семейных отношений.

Методы исследования. Для решения поставленных задач и проверки исходных положений использовался комплекс взаимосвязанных и взаимодополняющих методов: обзорно-аналитические и теоретические (анализ литературных источников, реферирование, классификация и обобщение, моделирование); психодиагностические; методы математической статистики (критерий оценки нормальности распределения Колмогорова-Смирнова, однофакторный дисперсионный анализ, кластерный анализ, факторный анализ с

использованием пакета прикладных статистических программ Statistica ver 10), графические методы представления данных.

Положения, выносимые на защиту:

1. Семейное самосознание мужчины – сложное структурное образование, направленное на осознание им себя членом семьи и субъектом семейных отношений. В каждом из компонентов семейного самосознания (когнитивный, эмоциональный, поведенческий) находят отражение значимые семейные роли (муж, отец) и семейные отношения (супружеские, детско-родительские).

2. Содержательная наполненность структурных компонентов семейного самосознания раскрывает специфику представления мужчины о себе как о члене семьи, его отношении к себе как семьянину, особенности реализации им семейных ролей и функций и позволяет выделить общие особенности семейного самосознания мужчины: противопоставление семейных, профессиональных ролей и хобби, парадоксальная идентификация, когнитивная простота (когнитивный компонент); аутосимпатия, ожидание позитивного отношения от членов семьи, удовлетворенность семейной жизнью (эмоциональный компонент); дифференцированность паттернов супружеских и детско-родительских отношений, противоречивость воспитательной позиции, комплементарность семейных ролей, принятие ответственности за материальное благополучие семьи, делегирование психотерапевтических функций супруге (поведенческий компонент). При этом доминирующая роль в семейном самосознании мужчины принадлежит супружеским отношениям, в то время как отношение мужчины к себе как семьянину определяется самореализацией в отцовстве.

3. Существуют значимые различия в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака и отцовства, количества детей в семье. По мере увеличения стажа брака и отцовства наблюдается сглаживание конфликтов между семейными и профессиональными ролями, отношение к себе как члену семьи становится более позитивным, повышается самоуверенность, успешнее формируются позитивные родительские паттерны. Супружеские отношения тесно связаны со стажем отцовства и количеством детей в семье. При этом наиболее

высокая степень удовлетворенности мужчины супружеством наблюдается в период перехода семьи в статус многодетной.

4. Структурно-содержательный анализ комбинации элементов позволяет эмпирически верифицировать типологию и описать типы мужчин, отражающие специфику их семейного самосознания. Мужчины авторитетного типа занимают главенствующую роль в семье, характеризуются духовной близостью с женой и уверенностью в отцовской позиции, несут ответственность за успешное функционирование семьи. Мужчины невротичного типа противопоставляют роли отца и мужа, в отношениях с женой не чувствуют взаимопонимания, в общении с ребенком проявляют авторитарность, неудачи в семье компенсируют профессиональным развитием. Мужчины зависимого типа жертвуют своими интересами и профессиональным развитием ради семьи, нуждаются в поддержке и одобрении жены; непоследовательны в воспитательной позиции. Речевые маркеры, содержащиеся в самоописаниях мужчин, позволяют идентифицировать их принадлежность к тому или иному типу.

Надежность и достоверность результатов исследования обеспечивается научностью теоретико-методологического обоснования исследования, четкой постановкой исследовательских задач, комплексом методов и методик, адекватных предмету, целям и задачам исследования, репрезентативностью выборки, использованием методов математической статистики в сочетании с качественным анализом и интерпретацией полученных данных.

Апробация: материалы и результаты исследования в 2015-2019 годах обсуждались на заседаниях кафедры психологии образования и аспирантском объединении Института психологии Уральского государственного педагогического университета; докладывались на Всероссийской научно-практической конференции «Весенняя психологическая сессия» (Екатеринбург, 2016-2018 г.); VI Международной научной конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Москва – Звенигород, 2015 г.); Международной научно-практической конференции «Психология семьи в современном мире

(Екатеринбург, 2017 г.); VIII международной научно-практической конференции «Психологические проблемы современной семьи» (Екатеринбург, 2018 г.).

Структура и объем научно-квалификационной работы. Работа изложена на 147 страницах, состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, включающего 154 источников, в том числе 13 – на иностранном языке, приложений. В тексте работы 10 рисунков, 11 таблиц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО САМОСОЗНАНИЯ МУЖЧИНЫ

1.1. Исследование феноменологии семейного самосознания в психологической науке

В психологической науке одно из важных мест занимают исследования семьи и семейных отношений. При всем многообразии исследований семейной сферы психологический феномен семейного самосознания до сих пор остается малоизученным.

Стоит отметить, что среди ученых не сформировалось единого определения понятия «семейное самосознание». Общим является то, что семейное самосознание рассматривается в качестве субъективной характеристики семейной сферы. При этом отчетливо выделяются два направления исследования семейного самосознания в качестве феномена, функционирующего на групповом и индивидуальном уровне.

Кроме изучения целостного феномена семейного самосознания в психологической науке представлены работы, направленные на исследование отдельных аспектов семейного самосознания, а именно:

– изучение материнства (Н. Н. Васягина, Ю. С. Газизова, Е. И. Захарова, А. С. Спиваковская, Г. Г. Филиппова, Л. Б. Шнейдер и др.) [29; 31; 44; 115; 125; 136] и отцовства (Ю. В. Борисенко, Р. В. Овчарова, А. Г. Портнова, Ю. А. Токарева и др.) [21; 89; 93; 122], как части личностной сферы;

– изучение материнства как особой стадии идентификации женщины и развития самосознания матери (Н. Н. Васягина, С. А. Минюрова, Е. Н. Рыбакова, Е. А. Тетерлева, Н. А. Устинова, М. Ю. Чибисова) [29; 81; 102; 120; 124; 131];

– негативное психологическое наследование родительских функций (Т. М. Мишина, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис и др.) [83; 140];

– влияние субъективных образов родителей на выбор будущих супругов и функционирование семейной сферы (О. С. Прилепских, Е. Ю. Трошина и др.) [95; 123];

– самореализация личности в семейной сфере (Ю. В. Евсеенкова, Л. А. Коростылёва, И. В. Корсун, И. В. Ткаченко и др.) [41; 57; 58; 121].

Обратимся к рассмотрению феноменологии семейного самосознания с позиции его изучения на групповом и индивидуальном уровне.

При изучении *семейного самосознания в качестве феномена, функционирующего на групповом уровне*, исследователи рассматривают семью как группу или систему, в связи с чем на первый план выходит проблема субъективного восприятия семьи её членами, для описания которого введены понятия: «образ Мы», «семейная идентичность», «семейные мифы», «модель семьи», «образ семьи», «имплицитная теория семьи» и др.

Сторонники данного направления сходятся во мнении, что семейное самосознание не сводится к психологическим характеристикам членов семьи и отражается в образе «Мы», который определяет стиль семейной жизни, характер и правила группового и индивидуального поведения.

Т. М. Мишина ввела понятие «образ семьи» (образ «Мы»), важнейшей функцией которого является регуляция поведения семьи на основе согласования позиций отдельных её членов.

По мнению О. В. Карабановой, семейное самосознание – это «согласованный образ семьи, разделяемые всеми её членами представления о ценностях семьи, её статусе, образе жизни, ролях, главенстве, нормах и правилах взаимодействия» [47, с. 89]. В качестве структурных компонентов семейного самосознания автор, опираясь на исследования И. А. Разумовой, выделяет семейную судьбу и семейную историю.

«Семейная судьба» рассматривается в виде субъективных представлений членов семьи «о сходстве персональных судеб и жизненного пути родственников», проявляющихся в повторяемости значимых событий семейной жизни (продолжительности жизни родственников, болезней, обстоятельств знакомства с будущими супругами, возраста заключения брака и т. д.). Семейный «календарь»,

в котором фиксируются временные рамки повторяющихся событий, является одним из механизмов проявления семейной судьбы.

«Семейная история» находит воплощение в семейной родословной, семейной автобиографии, семейных реликвиях, фотографиях, семейном имени:

– «семейная автобиография» содержит рассказы о создании и распаде семьи, которые транслируются в контексте идеальных представлений о супружеском союзе;

– «семейные реликвии» – предметы, отражающие историю семьи и рода, передаваемые из поколения в поколение: обручальные кольца, иконы, серебряные ложки, «фамильный» фарфор и др.; члены семьи считают реликвии талисманом, сохраняющим историю и традиции семьи;

– «семейные фотографии» (семейный альбом) обеспечивают единство истории рода и структурируют временную ретроспективу; кроме этого, с их помощью можно проанализировать историю семьи и межличностных отношений в ней;

– «семейное имя», передаваемое «по наследству» также выполняет функцию стабилизации семьи и рода [47, с. 89-90].

Ещё один представитель системного подхода к изучению семьи А. В. Черников отмечает, что семья, как социальная система, должна включать в себя автопортрет (образ «Мы»), который содержит не только представления каждого члена семьи о себе и о других как отдельных единицах семейной системы, но и формируемые на протяжении всей семейной жизни представления о семейных взаимодействиях, своем месте и месте других членов семьи в них.

Рассматривая семью как среду для социализации и развития личности, учёные отмечают консолидирующую роль семейного самосознания в функционировании семьи. Так, по мнению У. Я. Тарновска-Якобец, семейное самосознание складывается в «образ семьи», представляющий собой целостное интегрированное образование. При этом, отмечает автор, «важным фактором стабилизации семейной системы выступают семейные традиции и ритуалы, а также семейные ценности как интегрирующие стабилизаторы, воплощающие

культивируемый семейным сознанием идеал, в котором содержатся абстрактные представления об атрибутах должного» [119, с. 14].

Е. А. Морозова, совмещая субъектно-деятельностный подход к анализу ментальности малой социальной группы (А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, С. Л. Рубинштейн) и системный подход к изучению семьи (Н. Аккерман, А. Я. Варга, А. В. Черников, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис), вводит понятие «семейной ментальности». С точки зрения автора, семейная ментальность как социально-психологический феномен включает многоуровневые представления о семье и является идеальным продуктом совместной деятельности членов семьи как субъектов взаимодействия. Семейная ментальность представляет собой образец семейного бытия, основанный «на реальных внутрисемейных отношениях, закрепленных посредством межпоколенной трансляции типичных стереотипов социального взаимодействия, определяющий отношение человека к семье и закладывающий нормативные идеалы во внутрисемейных отношениях» [84, с. 4]. Носителем семейной ментальности является семья.

Е. Е. Сапогова рассматривает семейное (микрогрупповое) самосознание в качестве фактора семейной социализации и обозначает его понятием «семейный нарратив». По мнению автора, «семейный нарратив» складывается из системы поведенческих паттернов, отношений, значений, символизируемых качеств, в него также входят семейные истории, наставления, «тайные» тексты, ритуальные послания, представления о должном и осуждаемом поведении. Всё это множество «текстов», передающихся из поколения в поколение внутри семьи, создает «семейную психологическую культуру». Носителем семейного нарратива являются члены семьи, при этом в сознании каждого он воспроизводится по-разному. Внутрисемейные «тексты» наряду с психологическими и социально-экономическими аспектами характеризуют семью как целое, укрепляют «образ Мы» данной семьи [103].

Можно сделать вывод, что образ «Мы» формируется в совместной деятельности членов семьи и во внутрисемейном общении. В гармонично развивающейся семье формируется адекватный образ «Мы», отражающий характер

супружеских отношений, согласованное ролевое поведение и стиль жизни семьи. Нарушение межличностных коммуникаций способствует формированию неадекватного образа «Мы» – так называемых «семейных мифов» [47].

Т. М. Мишина выделяет следующие защитные механизмы, используемые семьей при создании семейных мифов: проекция (проецирование на другого члена семьи отвергаемых в себе потребностей и мотивов) и расщепление (подавление одним из супругов своих отвергаемых личностных качеств с одновременным культивированием их в партнере) [83].

Семейные мифы способствуют поддержанию дисфункциональных отношений в семье – в результате чего неудовлетворенными оказываются потребности членов семьи в самоактуализации, росте и изменении, а семья лишь воспроизводит свой прошлый опыт без учета изменений в обществе (А. Я. Варга, О. А. Карабанова, С. Кратохвил, Т. М. Мишина, И. А. Разумова, Э. Г. Эйдемиллер и др.).

Исследуя соотношения «Я» и «Мы», Н. Аккерман ввёл понятие семейной идентичности. По мнению автора, «семейная идентичность» представляет собой «содержание и направленность ценностей, проблем адаптации и тревог, стремлений и ожиданий, разделяемых или взаимодополняемых членами семьи в процессе выполнения семейных ролей» [2, с. 61].

Уточняя данное понятие, В. В. Столин определяет семейную идентичность как «совместный «багаж» взаимоотношений, представлений, воспоминаний, намерений, планов, которые характеризуют семейное «Мы» [116, с. 24]. Л. Б. Шнейдер рассматривает семейную идентичность в качестве «эмоционального и когнитивного “Мы” семьи» [136].

Формирование семейной идентичности человека происходит в процессе его становления как члена семейной структуры на основе идентификации «Я» с «Мы». С. Минухин и Ч. Фишман отмечают, что этот процесс зависит от четкости в определении границ между семейными подструктурами. Осваивая навыки семейной дифференциации, человек имеет возможность определять свои «Я» и «Мы» идентичности («Я – сын своих родителей», «Мы – семья» и т. д.) [82, с. 40].

Авторы также считают, что в семье со временем возникают стереотипы взаимодействия, составляющие «карту семьи», которая определяет функционирование членов семьи и облегчает взаимодействие между ними. «Карта семьи» отражается в сознании членов семьи и необходима для поддержания индивидуальности, создавая ощущение принадлежности к целому.

Учёные, изучающие семейную идентичность (Н. В. Лукьянченко, Н. В. Самоукина, В. В. Столин, С. Минухин, Ч. Фишман и др.), пришли к выводу, что она связана с самосознанием личности и характеризуется различной степенью включения или противопоставления «Я» и «Мы».

Н. В. Лукьянченко выделяет когнитивный и эмоционально-оценочный аспекты семейной идентичности. Содержание когнитивного аспекта включает образ «Я», представления себя как члена семьи взглядом «со стороны». Эмоционально-оценочный аспект содержит совокупность суждений, позиций, взглядов человека по отношению к своей семье [71].

Таким образом, семейная идентичность подразумевает слияние личностной и социальной идентичности человека, т. е. даже при идентификации человека с семьей, его индивидуальность остается значимой. Благополучие семьи зависит от того, насколько собственное «Я» включено в неделимое целостное «Мы» [25].

Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис предложили понятие «внутренний образ семьи», состоящий из семейных представлений и постулатов, типовых сценариев повседневной жизни семьи. Под семейными представлениями понимаются не общие для всех членов семьи представления о своей семье (что свойственно авторам, рассматривающим семейное самосознание на групповом уровне), а представления каждого конкретного индивида о семье и своей вовлеченности в семейные отношения. «Внутренний образ семьи» связан как с прошлым семьи, так и с её будущим, опираясь на него, человек делает выбор, как поступить в той или иной ситуации, ищет пути решения семейных противоречий и конфликтов.

Отдельным направлением исследования механизмов формирования представлений о семье, восприятия членами семьи друг друга и построения образа

семьи является изучение ИТС (имплицитных теорий семьи) (Ю. Е. Алешина, Л. Р. Барнхил, Л. Я. Гозман, А. Г. Лидерс, О. А. Минеева и др.).

Понятие «имплицитная теория семьи» ввел Л. Р. Барнхил. По мнению автора, стабильно функционирующая семья описывается исследователями не на научном уровне, а на уровне имплицитной теории семьи [143]. Л. Я. Гозман и Ю. Е. Алешина также отмечали отрицательное влияние недостаточной изученности феноменологии семьи на «имплицитные концепции семьи», которые используют в своей работе психологи-практики [80].

О. А. Минеева и Л. Г. Лидерс дают следующее определение имплицитной теории семьи: «ИТС индивида – это система неявных, неотчетливо осознанных или совсем неосознанных представлений, регулирующих тем не менее его реальные взаимоотношения в семейной сфере, организующих его восприятие семьи. Понимание индивидом семейного контекста, суждение о норме и отклонениях семейной жизни, чувства и ожидания по поводу семьи, поведение и отношения с родными определяются его ИТС» [80, с. 111].

В структуре ИТС авторы выделяют три уровня: ядерный (система базовых конструкторов, общих для всех людей); групповой (набор ИТС, разделяемых индивидом с гендерными, возрастными, культурными и др. группами); индивидуальный (формируется в детстве в родительской семье в результате собственного опыта индивида).

Содержание имплицитных теорий семьи обычно исследуется средствами экспериментальной психосемантики (Е. Ю. Артемьева, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, В. В. Столин и др.) [92; 116]. Задачей психосемантики является реконструкция и изучение системы значений, через призму которой происходит восприятие субъектом мира, других людей и самого себя [80]. Методы, используемые в психосемантике, основываются на базе работ по построению психосемантических пространств Ч. Осгуда (метод семантического дифференциала) и теории личностных конструкторов Дж. Келли (метод репертуарных решеток).

Таким образом, семейное самосознание, с позиции его изучения на групповом уровне, представляет собой неоднородный, интегративный, многомерный феномен, рассматривающийся в качестве структурного компонента личности, оказывающий влияние на представления о себе в семье, иерархию ценностей, стиль поведения и образ жизни.

На наш взгляд, в понятиях «имплицитные теории семьи» (Л. Р. Барнхил, А. Г. Лидерс, О. А. Минеева), «внутренний образ семьи» (Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис) и «семейная идентичность» (Н. Аккерман) фокус исследования смещается с группового уровня функционирования семейного самосознания на индивидуальный уровень его изучения.

Актуальность изучения индивидуального семейного самосознания обусловлена процессами трансформации, происходящими в обществе. В настоящее время семья уже не является структурой, подавляющей индивидуальность личности. В современном мире увеличивается значение личного опыта, личного вклада людей, значение личности, человеческой индивидуальности. В связи с этим появляется необходимость направить исследовательское внимание на изучение закономерностей межличностных отношений в семье, внутрисемейных отношений с позиции их влияния на становление и развитие семейного самосознания каждого члена семьи.

Наиболее полно *семейное самосознание как феномен, функционирующий на индивидуальном уровне*, рассмотрено в работах К. В. Адушкиной и Н. Н. Васягиной, изучавших семейное самосознание женщины [1; 28]. Авторы рассматривают семейное самосознание как «субъективную психологическую реальность, представляющую проекцию самосознания личности на семейную сферу и направленную на осознание себя членом семьи, субъектом семейных отношений» [28, с. 13].

В контексте индивидуального подхода семейное самосознание:

– с одной стороны, основывается на реальных внутрисемейных отношениях, которые закрепляются путем передачи из поколения в поколение стереотипов социального взаимодействия, определяющих отношение человека к семье и

закладывающих нормативные идеалы во внутрисемейных отношениях (о смысле и содержании брака, о распределении ролей в семье и т. д.); на первый план здесь выходят такие личностные составляющие семейного самосознания, как установки, ценности, полоролевые стереотипы, сопряжённые с реализацией разнообразных семейных отношений;

– с другой стороны, является смысло-жизненной основой становления как субъекта, в этом контексте оно направлено на осознание различных сторон своей психической активности, при которой происходит преобразование как семьи в целом, так и каждого члена семьи.

Как индивидуальная психологическая реальность семейное самосознание включает представления о себе в семейных отношениях (когнитивный компонент семейного самосознания), самоотношение, оценку себя, отношения к другим членам семьи (эмоциональный компонент семейного самосознания), особенности взаимодействия с членами семьи при выполнении семейных ролей и функций в различные периоды семейной жизни (поведенческий компонент семейного самосознания). При этом каждый из перечисленных аспектов, преломляясь через спектр различных семейных отношений, приобретает своеобразное смысловое наполнение.

Такой целостный подход к исследованию семейного самосознания позволяет не только изучить особенности функционирования семейного самосознания на индивидуальном уровне, но и эффективно осуществлять сопровождение семьи, обеспечивая личностное самосовершенствование членов семьи и гармонизацию их семейных отношений [28].

В своем исследовании мы также придерживаемся индивидуального подхода к изучению семейного самосознания, который вытекает из общих представлений о самосознании личности. А именно: самосознание является свойством личности как общественного существа; объектом самосознания является сам сознающий субъект – человек, осознающий различные стороны своей психической деятельности.

Поскольку для понятия «семейное самосознание» родовым является понятие самосознания личности, то можно говорить о совпадении общих принципов

развития, структуры, свойств и характеристик этих категорий. Основной функцией семейного самосознания мы считаем «осознание приоритетов и ценности семьи, смысла семейной жизни каждого человека» (К. В. Адушкина, Н. Н. Васягина) [1, с. 44].

Для формирования представлений о структуре и содержании семейного самосознания рассмотрим взгляды зарубежных и отечественных психологов на сущностные характеристики и компонентную структуру самосознания личности.

Изучение зарубежных подходов к исследованию самосознания личности позволяет сделать вывод, что многие авторы отмечают значительную роль социального окружения в формировании и развитии самосознания.

Так, по мнению Ч. Кули, автора теории «зеркального Я», представления человека о самом себе складываются под влиянием мнения окружающих («значимых других»), при этом самосознание является пассивным, т. к. оно только обобщает чужие мнения. Противоположную точку зрения на природу самосознания предлагает Дж. Мид. По его мнению, человек познает себя только в процессе взаимодействия и общения с другими людьми. При этом содержание самосознания обусловлено не мнениями других людей, а реальными взаимоотношениями с ними, их совместной деятельностью.

Г. Салливан также подчеркивает социальную природу самосознания и связывает его с актуальным опытом личности. По мнению автора, Я-система является устойчивым паттерном поведения и содержит представления о социально одобряемом и социально неодобряемом поведении [96].

К. Роджерс рассматривает самосознание как «Я-концепцию», содержащую представления человека о себе, своих характеристиках, ценностях, которые человек воспринимает как часть себя. «Я-концепция» включает в себя «Я-реальное» (восприятие человеком того, какой он есть) и «Я-идеальное» (то, каким он хочет быть) и рассматривается автором в единстве когнитивной, аффективной и поведенческой сторон. При этом автор отмечает, что структура «Я-концепции» формируется через взаимодействие с окружением, в частности, со значимыми другими [128].

В работах Р. Бернса Я-концепция также представлена совокупностью когнитивной, аффективной и поведенческой сторон. В структуре Я-концепции автор рассматривает два взаимодействующих аспекта «Я-сознающее» и «Я как объект», которые включают самооценку, образ Я и поведенческие тенденции. Целостная Я-концепция при этом представляется в трёх модальностях: представление человека о том, какой он на самом деле (реальное Я), о том, каким он хотел бы быть (идеальное Я), о том, каким его видят другие (зеркальное Я) [96].

Таким образом, в зарубежной психологии представления о самосознании развивались преимущественно в рамках психологии личности и социальной психологии. Часто самосознание рассматривается в аспекте когнитивной, поведенческой и аффективной сторон, а также отмечается, что в формировании и развитии самосознания большую роль играет социальное окружение.

В отечественной психологии также не сформировалось единой точки зрения на определение самосознания и его структуру. Большинство отечественных теорий самосознания развивалось в рамках теории деятельности, основополагающим принципом которой является то, что «бытие и деятельность человека определяют его сознание». Так, по мнению А. Л. Леонтьева, единицей самосознания является «личностный смысл», связанный с социальной деятельностью человека, и включающий когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [68]. В. В. Столин считает единицей самосознания «конфликтный личностный смысл», обуславливающий внутреннюю работу самосознания, проходящую в когнитивной и эмоциональной сферах. Автор выделяет в смысле Я когнитивный, эмоциональный и отношенческий компоненты, проявляющиеся в социальной деятельности человека [116].

С. Л. Рубинштейн подчеркивает, что самосознание возникает в процессе развития сознания личности и связано с социальным взаимодействием. Автор рассматривает самосознание в единстве аффективного и поведенческого компонентов [100]. М. И. Лисина изучает когнитивную и аффективную стороны самосознания и выделяет в структуре самосознания «центральное образование» (общая самооценка на основании знаний о себе как о субъекте) и «периферию»

(новые сведения человека о самом себе, которые преобразуются через призму центрального самосознания, приобретая аффективные компоненты).

В. С. Мерлин рассматривает самосознание как способность человека осознавать себя как субъекта деятельности. В структуре самосознания выделяются следующие компоненты или фазы развития самосознания: сознание тождественности; сознание «Я», как активного начала, как субъекта деятельности; осознание своих психических свойств, которое происходит в результате обобщения данных самонаблюдения; социально-нравственная самооценка [77].

И. С. Кон также отмечает социальный характер самосознания. Последнее понимается как «совокупность психических процессов, посредством которых индивид осознает себя в качестве субъекта деятельности, а его представление о самом себе складывается в определенный образ «Я» [53, с. 9]. По мнению автора, самоотношение включает в себя представления человека о своих качествах и свойствах (когнитивный компонент), оценку этих качеств и связанное с этим чувство самоуважения (аффективный компонент) и практическое отношение к себе, основанное на предыдущих компонентах (поведенческий компонент).

И. И. Чеснокова изучает самосознание как процесс человеческой психики, «направленный на саморегулирование личностью своих действий в сфере поведения и деятельности на основе самопознания и эмоционально-ценностного отношения к себе», в единстве его познавательной (самопознание), эмоционально-ценностной (самоотношение) и действенно-волевой (саморегуляция) сторон [130, с. 24].

С. Р. Пантилеев, разрабатывая идеи В. В. Столина, значительное внимание уделяет самоотношению и самооценке как составляющим структуры самосознания. Под самоотношением автор понимает целостное, одномерное образование, отражающее степень принятия индивидом собственных представлений о себе. Самооценка является аффективной оценкой индивидом представлений о самом себе. Предметом самооценки индивида являются его различные личностные проявления, а глобальная самооценка складывается из частных самооценок [96].

Опираясь на идеи В. В. Столина и И. И. Чесноковой, Н. С. Глуханюк понимает под самосознанием процесс осознания своего «Я» в многообразии индивидуальных особенностей, выделение себя из окружающего мира и представление о себе в сопоставлении с другими людьми. Компонентами самосознания являются самопознание, самооценка и самовоспитание. Продуктом самосознания является «Я-образ» или «Я-концепция» [33].

Резюмируя изложенное выше, можно отметить, что в отличие от зарубежных авторов, отечественные психологии под самосознанием личности понимают сложную интегральную структуру, посредством которой индивид осознает себя в окружающем мире как субъекта деятельности. В структуре самосознания выделяются представления о себе (Я-концепция), самоотношение и саморегуляция, то есть когнитивный, аффективный (эмоциональный) и поведенческий компоненты. Авторы, изучающие самосознание личности применительно к семейной сфере, также рассматривают его в единстве когнитивного (самопостижение), эмоционального (самоотношение) и поведенческого (самореализация) компонентов. (К. В. Адушкина, Н. Н. Васягина, Е. Н. Рыбакова, Н. А. Устинова) [1; 29; 102; 124].

Таким образом, в рассмотренных нами подходах к изучению самосознания авторами выделяются от двух до четырех компонентов в его структуре. На наш взгляд, наиболее проработанной является трёхкомпонентная модель самосознания, включающая когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, на которую мы и будем опираться в своем исследовании.

Подводя итог теоретического анализа феномена семейного самосознания, следует подчеркнуть, что под семейным самосознанием мы понимаем субъективную психологическую реальность, представляющую проекцию самосознания личности на семейную сферу и направленную на осознание себя членом семьи, субъектом семейных отношений (К. В. Адушкина, Н. Н. Васягина). Структура семейного самосознания представлена тремя компонентами – когнитивным, эмоциональным, поведенческим. Содержание когнитивного компонента семейного самосознания определяется через систему представлений

индивида о себе как члене семьи; эмоциональный компонент семейного самосознания включает отношение индивида к себе как члену семьи, его самооценку; а содержание поведенческого компонента семейного самосознания представляется особенностями взаимодействия индивида с членами своей семьи и выполняемыми им семейными ролями.

Для изучения содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины необходимо рассмотреть личность мужчины в контексте различных семейных отношений и особенности функционально-ролевой структуры современной семьи.

1.2. Мужчина как субъект семейных отношений

Семья является объектом многочисленных исследований учёных с древнейших времен. Начиная с Платона и Аристотеля, изучением семьи занимаются философы, социологи, психологи, демографы, юристы и экономисты. При этом понимание сущности семьи трактовалось разными учеными неоднозначно, но общим являлось то, что семья всегда рассматривалась как объективная форма человеческого бытия, социально-ценностный феномен; как фундамент, на котором основан общественный порядок; семья признавалась продуктом общественного развития, который на всем протяжении истории взаимодействует с обществом, развивается вместе с ним [111].

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что для разных этапов развития общества характерны свои особенности функционирования семейной сферы. В своём развитии семья прошла путь от промискуитета (беспорядочных половых связей), группового супружества, через матриархат и патриархат к моногамии.

Е. Г. Силаева, рассматривая динамику развития семьи и семейных отношений в России, отмечает, что каждому этапу развития общества соответствует «определённая нормативная модель семьи, включающая членов семьи с определённым статусом, правами и обязанностями, нормативным поведением» [97, с. 7]:

Так, «дохристианская модель семьи» включала родителей и детей; отношения между матерью и отцом характеризовались конфликтностью, строились по принципу «доминирования-подчинения»; мужчина был ответственен за внешнее, природное, социальное окружение, женщина – включена во внутреннее пространство семьи; при этом власть мужчины была ограничена. Неограниченной властью в семье пользовалась «большуха» (жена отца или старшего сына), все в семье ей подчинялись.

«Христианская модель семьи» (XII-XIV вв.) предполагала главенство и власть мужчины; жена должна была действовать в соответствии с желаниями мужа; родительские роли супругов преобладали над ролями эротическими.

«Большая семья», объединявшая родственников по прямой и боковой линиям, преобладала вплоть до XVIII в.; несколько брачных пар совместно владели имуществом и вели хозяйство; руководил семьей наиболее опытный, зрелый, трудоспособный мужчина, имевший власть над всеми членами семьи.

«Индивидуальная семья» стала нормативной к XVIII в., состояла из двух-трех поколений родственников по прямой линии.

«Нуклеарная семья», состоящая из супругов и детей, стала нормативной на рубеже XIX-XX вв.; авторитарная власть мужчины была потеряна.

По определению А. Г. Харчева: «Семья – это исторически-конкретная система взаимоотношений между супругами, между родителями и детьми; это малая социальная группа, члены которой связаны брачными или родительскими отношениями, общностью быта и взаимной моральной ответственностью и социальная необходимость в которой обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения» [126].

В психологических исследованиях, касающихся семейной проблематики, семья рассматривается сквозь призму различных семейных отношений. Так, С. И. Голод в своих работах рассматривает семью как «совокупность индивидов, состоящих, по меньшей мере, в одном из трех видов отношений: кровного родства, порождения, свойства» [111].

Основателем отечественной психологической теории отношений является А. Ф. Лазурский. Наиболее полно эта теория нашла своё развитие в работах В. Н. Мясищева, который изучал личность как целостное образование в контексте отношений, влияющих на личность и определяющих её формирование [84]. Он рассматривал личность как «ансамбль отношений», т. е. систему отношений человека к самому себе и к окружающему миру. Психологический смысл «отношения» состоит в том, что человек, будучи участником отношений, отражая, преломляя и обрабатывая их, создает свою систему отношений. Важным признаком любых отношений является их субъективность, из чего следует, что: субъектом отношений является человек; любые характеристики отношений будут всегда субъективными; сами отношения и их систему можно менять в любой промежуток времени [59].

Семейные отношения относятся к категории «значимых отношений», поскольку именно в семье формируется и развивается личность человека. По мнению В. Сатир, «хорошо налаженные семейные отношения – это вопрос выживания, вопрос первостепенной жизненной важности» [105, с. 8].

В настоящее время в психологической науке нет единого определения семейных отношений. Большинство авторов понимают под семейными отношениями совокупность супружеских, детско-родительских и родственных отношений. Исследования различных аспектов супружества, родительства и родства мы находим в работах Т. В. Андреевой, А. Я. Варги, Н. Н. Васягиной, В. Н. Дружинина, О. А. Карабановой, Р. В. Овчаровой, Ю. А. Токаревой, Л. Б. Шнейдер, Э. Г. Эйдемиллера и многих других [9; 26; 29; 39; 47; 89; 122; 136; 140].

Так, Л. Б. Шнейдер под семейными отношениями понимает «искусство всех членов семьи быть вместе», выделяя в качестве «основных координат» пространства межличностных отношений статусно-ролевые различия, психологическую дистанцию, валентность отношений и свободный или вынужденный способ создания пары [136]. По А. А. Кронику, отношения с самыми близкими людьми отличаются психологической близостью, взаимной авторитетностью, положительной эмоциональной окрашенностью, обладают

наибольшим потенциалом осознаваемости и длительности своего существования [1]. В. Н. Дружинин рассматривает семью как структуру, состоящую из отношений «доминирования-подчинения» (власть), ответственности и эмоциональной близости [39].

Синтезируя различные подходы к пониманию категории семейных отношений, К. В. Адушкина рассматривает их как «систему индивидуальных связей личности с членами своей семьи, оценку членами семьи связей друг с другом, и проявление этих связей в поведении» [1, с. 53].

Важным моментом в развитии человека в семье является становление его субъектности. С самого рождения человек включается в детско-родительские и родственные отношения. По мере взросления осваивает супружеские, родственные и финансово-бытовые отношения. Так, постепенно, в общении и взаимодействии с членами семьи формируется семейное самосознание как осознание себя членом семьи и субъектом различных семейных отношений. Как отмечает Н. Н. Васягина, «в процессе самосознания формируется и выделяется «Я» субъекта как некое образование определенной целостности; единства внутреннего и внешнего бытия, которое в качестве субъекта сознательно присваивает все, что делает человек, относит к себе все исходящие от него дела и поступки, сознательно принимает на себя ответственность за них в качестве их автора и творца и осуществляет поиск смысла жизни» [29, с. 59].

Опираясь на опыт множества психологов, исследовавших семейную проблематику сквозь призму семейных отношений, в своем исследовании мы будем изучать семейное самосознание мужчины, анализируя его проявления в супружеских, детско-родительских и родственные отношениях. Рассмотрим более подробно все перечисленные виды семейных отношений и отметим особенности проявления семейного самосознания мужчины в них.

Супружеские отношения являются важной подсистемой семейных отношений, основу их составляет брак. А. Г. Харчев определяет брак как «исторически меняющуюся социальную форму отношений между мужчиной и женщиной, посредством которой общество упорядочивает и санкционирует их

половую жизнь, и устанавливает супружеские права и обязанности» [126, с. 66]. В супружеских отношениях проявляются одновременно и биологическая, и социальная природа человека.

Супружеские отношения обладают социально-исторической обусловленностью, т. е. зависят от процессов общественного развития, в ходе которых изменяются представления о браке, взгляды мужчин и женщин на семейную жизнь, распределение ролей в семье, супружескую верность и характер отношений между поколениями.

С. И. Голод говорит об одновременном функционировании трёх моделей семьи, а именно: патриархальной (жесткое разделение ролей в семье и власть мужчины), детоцентрической (сильно развитая система опеки младшего поколения старшим) и супружеской (основная ось отношений определяется брачностью). При этом отношения, свойственные этим моделям, в реальных семьях могут взаимно переплетаться [34].

О. В. Карабанова выделяет три типа семьи в зависимости от особенностей распределения ролей, главенства и характера взаимодействия супругов:

– традиционная авторитарная семья – характеризуется единоличным главенством супруга авторитарного типа и традиционным распределением семейных ролей с четкой дифференциацией ролей мужских и женских; выделяются патриархальный тип (единоличное главенство принадлежит мужу) и матриархальный тип (главой семьи является жена);

– эгалитарная семья (равноправная, эквивалентная) – семья без главенства и четкого распределения ролей и обязанностей, с аморфной, неоформленной ролевой структурой. Как правило, это молодые супруги без детей. Рождение детей требует от супругов структурирования позиций и распределения ролей, поэтому на смену эгалитарному типу приходит традиционный или демократический;

– демократическая (партнерская) семья – характеризуется равноправием супругов, совместным главенством с разделением функций, гибкостью в распределении ролей и обязанностей и готовностью к изменению ролевой структуры на основе учета интересов каждого из партнеров и семьи в целом [47, с. 52].

К настоящему моменту многие учёные сходятся во мнении, что именно супружеские отношения являются центральными в семье. Так, С. В. Ковалев называет супружество «центром тяжести всей семьи», её «фокусом», «точкой притяжения», которая либо превращает семью в единое целое, либо «разгоняет её членов по орбитам одиночества» [51]. В связи с этим для существования семьи наибольшую значимость имеет гармоничность супружеских отношений.

Среди факторов, влияющих на благополучие супружеских отношений, выделяют: распределение ролей в семье, удовлетворенность браком, супружеское общение, эмоциональный климат семьи и т. д. На наш взгляд, для построения гармоничных супружеских отношений оба супруга должны обладать развитым семейным самосознанием.

Многие исследователи обращаются к изучению семейных ролей, относя их к поведенческому компоненту супружеских отношений. Так, В. Н. Дружинин приводит классификацию супружеских ролей по К. Кирпатрику, выделяя традиционные, товарищеские и партнерские супружеские роли. При этом автор отмечает, что традиционная роль предполагает со стороны мужчины поддержание власти и контроля, обеспечение безопасности семьи и преданность жене; товарищеская роль подразумевает со стороны мужчины – рыцарское отношение к жене, обеспечение образования и досуга, а партнерская роль выражается в том, что мужчина наравне с женой выполняет все основные семейные функции (экономический вклад, домашнюю работу и ответственность) [39].

Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис приводят классификацию поведения в браке, предложенную М. Сейгером. В соответствии с ней выделяются 7 типов партнеров в браке: равноправный (ожидает равенства прав и обязанностей), романтический (сентиментальный, ожидающий крепкой любви), «родительский» (заботится о другом и воспитывает его), «детский» (проявляя слабость и беспомощность приобретает власть над другим), рациональный (ответственно соблюдает права и обязанности, ограничен в эмоциональных проявлениях), товарищеский (соратник, не претендующий на романтическую любовь) и независимый (сохраняет в браке дистанцию с партнером) [140].

По мнению М. Мид и В. Н. Дружинина, «нормальной» является семья, в которой ответственность несет муж (отец), а «анормальной» – где муж не несет ответственности за семью [39].

При том, что реализация семейных ролей часто рассматривается в контексте поведенческого компонента супружеских отношений, важным моментом является и представленность этих ролей в когнитивном компоненте супружеских отношений. Так, Ю. Е. Алешина, О. В. Карабанова, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис отмечают, что ролевое поведение супругов характеризуется степенью их идентификации с выполняемой ролью – тем, насколько супруг принимает ответственность за выполнение роли, его ролевой компетентностью, сформированностью мотивационного и операционно-технического компонентов ролевого поведения, а также конфликтностью роли (противоречивостью в сознании человека поведенческих моделей, необходимых для реализации данной роли) [4; 47; 140].

О. В. Карабанова выделяет несколько факторов, влияющих на ролевое поведение супругов:

1) родительская семья – при выполнении семейных ролей супруги либо воспроизводят ролевую структуру своих родительских семей, либо, наоборот, отвергают ролевую модель родительской семьи;

2) особенности мотивационно-потребностной и ценностно-смысловой сфер супругов, их личностные особенности;

3) модель отношений с сиблингами – свою позицию в отношениях с братьями и сестрами супруги могут переносить в собственную семью (отношение к вопросу о власти, сотрудничестве, кооперации, соревновательности) [47, с. 87].

Отечественные психологи Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская выделили типологию супружеских ролей, получившую широкое распространение в психологической науке:

1) «роль ответственного за материальное обеспечение семьи» – соответствует роли «кормилец», используемой другими авторами; традиционно, данная роль воспринимается как мужская;

2) «роль хозяина/хозяйки» – включает выполнение различных хозяйственно-бытовых дел; традиционно эта роль закреплена за женой, но в современной семье в распределении данных ролей произошли существенные изменения;

3) «роль воспитателя» – заключается в реализации обязанностей, связанных с развитием ребёнка; на основании результатов исследований, А. Г. Лидерс утверждает, что при воспитании мальчика эта функция чаще распределяется между родителями поровну, а при воспитании девочки реализацией этой функции занимается, прежде всего, мать;

4) «роль сексуального партнера» – включает в себя проявление различного рода активности в плане сексуального поведения; традиционно считается, что инициирует и определяет характер сексуальных отношений муж;

5) «роль организатора развлечений» – включает в себя проявление активности, связанной с организацией досуга семьи, с планированием и проведением отпуска;

6) «роль организатора семейной субкультуры» – включает в себя активность, направленную на формирование у членов семьи определенных культурных ценностей, разнообразных интересов и увлечений;

7) «роль «психотерапевта» – связана с активностью, направленной на решение личностных проблем партнера (выслушать, выразить принятие, симпатию, помочь разобраться в проблеме, эмоционально поддержать); наиболее тесно связана с удовлетворенностью супругов своим браком [69, с. 237].

Е. Г. Силаева выделяет стадии, которые проходит супружество в своем развитии:

1) «молодое супружество» (менее 5 лет) – возраст супругов до 30 лет; период привыкания друг к другу, налаживания семейного быта, решения жилищных вопросов, возможно рождение детей;

2) «супружество среднего возраста» (6-14 лет) – супруги экономически активны, занимают стабильное общественное положение; дети становятся более самостоятельными; жена помимо обязанностей по дому может отдавать больше времени профессиональной деятельности;

3) «супружество зрелого возраста» (15-25 лет) – в семье уже взрослые дети, супруги остаются одни или привыкают жить с их семьями и воспитывать внуков;

4) «супружества пожилого возраста» – брак, как правило, стабилен; сужение социальных контактов иногда усиливает давление на взрослых детей, что может служить причиной возникновения конфликтов [97].

Выделяя фазы супружеских отношений, Э. Г. Эйдемиллер и В. В. Юстицкис, не указывают возраст супругов, поскольку в разных странах, культурах и религиях, возрастной переход между стадиями будет разным:

1) «выбор партнера»;

2) «романтизация отношений», при которой отсутствует реальное восприятие себя и другого в супружестве;

3) «индивидуализация стиля супружеских отношений» – вырабатываются внутренние правила поведения и функционирования семьи;

4) «стабильность/изменяемость» – в нормально функционирующих семьях тенденция в стабильности уравновешивается тенденцией к изменяемости;

5) «экзистенциальная оценка» – подведение итогов совместной жизни [140].

О. В. Карабанова отмечает, что сплоченность семьи является интегративной характеристикой её функционирования и характеризуется, с одной стороны, степенью эмоциональной близости или привязанности членов семьи друг к другу, с другой стороны, сформированностью семейного самосознания, когнитивным аспектом которого является образ «Мы», а эмоциональным – чувство «Мы» [47; 140].

Также супружеская совместимость выступает необходимым условием интеграции и сплоченности семьи. Показателями степени супружеской совместимости «могут выступать: согласованность семейных ценностей; согласованность ролевых ожиданий в отношении целей и ролевых моделей поведения супругов; совпадение взаимных оценок супругов выполнения каждым из них своих семейных ролей; принятие личностных и поведенческих особенностей партнера, готовность учитывать их в сотрудничестве» [47, с. 106].

Показателями успешности супружеских отношений являются качество межличностного общения супругов и их удовлетворенность браком. Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская выделяют следующие параметры, характеризующие качество общения между супругами: доверие супругов друг к другу, взаимопонимание, легкость общения, сходство супругов во взглядах и наличие общих символов (особого супружеского языка, слов, прозвищ и т. д.). Кроме этого супружеское общение должно быть «психотерапевтичным», т. е. способствовать созданию комфортной и интимной атмосферы в семье.

Удовлетворенность браком характеризуется степенью схождения и согласия в межличностных отношениях супругов по таким параметрам, как установки, ролевые ожидания, стили воспитания и т. д. Стоит отметить, что именно принцип согласия был положен в основу большинства инструментов, предназначенных для измерения качества межличностных отношений супругов [5].

Учёные, исследовавшие зависимость удовлетворенности браком от различных параметров, пришли к следующим выводам. Ю. Е. Алешиной установлено, что удовлетворенность браком зависит от стажа семейной жизни – постепенно понижается, достигая своего минимального значения в парах со стажем семейной жизни от 12 до 18 лет, а затем более резко возрастает [4]. С. И. Голод указывает на взаимосвязь удовлетворенности браком и меры сексуальной удовлетворенности супругов [34].

По результатам исследования О. А. Добрыниной, образ счастливого брака у мужчин формируется через призму психологических, сексуальных компонентов супружества. А. Г. Лидерс отмечает, что субъективная удовлетворенность браком у мужчин выше, чем у женщин [69].

Исследовательский интерес некоторых учёных направлен на изучение влияния гендерных стереотипов на гармоничность супружеских отношений. Так, И. Г. Дорошина под гендерными стереотипами понимает «сформировавшиеся в культуре обобщённые представления или убеждения о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» [37, с. 123]. По мнению автора, именно в супружеских отношениях наиболее ярко проявляются гендерные отношения, а,

следовательно, гендерная толерантность имеет в этих отношениях большое значение. «Уважение и принятие супруга, понимание его особенностей снижает вероятность возникновения конфликтов, создавая тем самым благоприятный психологический климат в семье, в огромной степени влияющий на психологическое здоровье человека» [37, с. 122].

Также И. Г. Дорошина предлагает типологию гендерных позиций мужчины и женщины в супружеских отношениях, которые «отражают распределение семейных ролей, характер общения между супругами, включенность в жизнедеятельность семьи, отношения доминирования-подчинения» [38, с. 198]. В рамках нашего исследования мы рассмотрим только виды мужских гендерных позиций, предлагаемых автором:

– «патриархальный» – муж является ответственным за материальное обеспечение семьи, выполняет «мужскую» работу по дому, принимает важные для семьи решения;

– «эгоистичный» – муж считает себя главой семьи, при этом мало участвует в материальном обеспечении семьи и воспитании детей и ставит свои интересы выше интересов других членов семьи;

– «отстраненный» – муж может материально обеспечивать семью, но его интересы и круг общения не связаны с семьей; главой семьи, по сути, является жена, но её власть не распространяется на личную жизнь мужа;

– «участвующий» – муж принимает участие в жизнедеятельности семьи только по инициативе жены; роль главы семьи фактически принадлежит жене;

– «включенный» – муж интересуется всеми сферами семейной жизни с позиции равноправного участника;

– «подчиненный» – муж полностью подчиняется жене, не принимает решений ни в какой из семейных сфер; признает главенство в семье жены [38, с. 200].

Л. А. Коростылева рассматривает супружеские отношения с позиции самореализации супругов в них. Автор выделяет следующие этапы самореализации в брачно-семейной сфере: самоопределение и выбор спутника жизни, становление стабильных личностных взаимоотношений, дальнейший личностный рост и

развитие супругов. Среди факторов, способствующих самореализации личности в брачно-семейной сфере, представлены: доверительность к партнеру, к другим людям и миру в целом, способность создавать стабильные положительные партнерские отношения.

Также автор отмечает, что на низком уровне самореализации у супругов проявляются гендерные различия в основных сферах жизнедеятельности (на высоких – не выявлены) как стереотипы маскулинности у мужчин и феминности у женщин (личностные качества и специфика взаимодействия), не способствующие самореализации [57, с. 367].

Как мы видим, наиболее изученными в психологии являются эмоциональный и поведенческий компоненты супружеских отношений. Исследования когнитивного компонента супружеских отношений, т. е. образа себя как супруга, представлены фрагментарно. Имеющиеся исследования когнитивного компонента супружества рассматривают его в тесной связи с эмоциональным компонентом, а именно, с удовлетворенностью браком.

Так, Е. Келли отмечает, что удовлетворенность индивидов в супружеских отношениях сопровождается доброжелательной оценкой своих качеств, и более высокой оценкой качеств супруга. Р. Раймонд установил, что удовлетворенность браком тем больше, чем более согласованы представления о себе как о супруге и представления о самом себе вообще [39].

Также стоит отметить, что супружеские отношения исследуются, в-основном, применительно к обоим супругам, в то время как исследований, направленных на отдельное изучение особенностей восприятия мужчиной различных параметров супружеских отношений и себя в них, нами не обнаружены.

Таким образом, проанализировав различные аспекты супружеских отношений и мужчину как их субъекта, мы пришли к выводу, что в семейном самосознании мужчины эти отношения представлены следующими категориями: в когнитивном компоненте – образом «Я – муж» (Е. Келли, Р. Раймонд); в эмоциональном – отношением мужчины к себе как супругу (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, С. И. Голод, Е. М. Дубовская и др.); в поведенческом –

супружескими ролями и профилями брака (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, И. Г. Дорошина, Е. М. Дубовская, Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис и др.).

Детско-родительские отношения составляют вторую важнейшую подсистему отношений семьи как целостной системы и рассматриваются как непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями ребёнка и родителя отношения [47].

Семья является важнейшим фактором социализации ребёнка. По мнению И. С. Кона, «только непосредственная родительская ласка и забота могут обеспечить то эмоциональное тепло, в котором так нуждается ребёнок, особенно в первые годы жизни; родительские чувства и забота о детях – естественные человеческие чувства, обогащающие индивида как личность» [9, с. 166].

Успешность детско-родительских отношений, являющихся основой гармоничного развития личности ребёнка в семье, во многом определяется родительским отношением к ребёнку, т. е. поведением родителей, их манерой обращения и воспитания ребёнка. А. Я. Варга определяет родительское отношение как целостную систему родительских чувств по отношению к ребёнку, их поведенческих стереотипов, практикуемых в общении с ребёнком, особенностей восприятия и понимания родителями характера ребёнка, его поступков [26]. Родительское отношение включает в себя субъективно-оценочное, сознательно-избирательное представление о ребёнке, которое определяет особенности восприятия ребёнка, способ общения с ним, характер приемов воздействия (И. В. Шаповаленко) [133].

О. А. Карабанова, рассматривая детско-родительские отношения в качестве важнейшей детерминанты психического развития и процесса социализации ребёнка, определяет их следующими параметрами:

1) характером эмоциональной связи: со стороны родителя – эмоциональным принятием ребёнка (родительской любовью), со стороны ребёнка – привязанностью и эмоциональным отношением к родителю;

2) мотивами воспитания и родительства;

3) степенью вовлеченности родителя и ребёнка в детско-родительские отношения;

4) удовлетворением потребностей ребёнка, заботой и вниманием к нему родителя;

5) стилем общения и взаимодействия с ребёнком, особенностями проявления родительского лидерства;

6) способами разрешения проблемных и конфликтных ситуаций; поддержкой автономии ребёнка;

7) социальным контролем: требованиями, запретами; способом контроля; санкциями; родительским мониторингом;

8) степенью устойчивости и последовательности семейного воспитания [47, с. 118].

Интегративными показателями детско-родительских отношений, по мнению автора, являются:

– родительская позиция, которая определяется характером эмоционального принятия ребёнка, мотивами и ценностями воспитания, образом ребёнка, образом себя как родителя, моделями ролевого родительского поведения, степенью удовлетворенности родительство;

– тип семейного воспитания, определяемый параметрами эмоциональных отношений, стилем общения и взаимодействия, степенью удовлетворения потребностей ребенка, особенностями родительского контроля и степени последовательности в его реализации;

– образ родителя как воспитателя и образ системы семейного воспитания у ребёнка [47, с. 119].

Само понятие «родительство» трактуется психологами неоднозначно. И. С. Кон определяет родительство как систему взаимосвязанных явлений, включающих: родительские чувства, любовь, привязанность к детям; специфические родительские роли и нормативные предписания культуры; обусловленное тем и другим реальное поведение, отношение родителей к детям, стиль воспитания [54].

По мнению Р. В. Овчаровой, родительство включает в себя следующие компоненты: ценностные ориентации супругов, родительские установки и ожидания, родительское отношение, родительские чувства, родительские позиции, родительскую ответственность и стиль семейного воспитания.

Проявление данных компонентов в детско-родительских отношениях автор рассматривает в трёх аспектах:

1) когнитивном, включающем знания и представления о себе как о родителе, родительских ролях и функциях, о реальном и идеальном образе ребёнка;

2) эмоциональном, проявляющемся в преобладающем эмоциональном фоне общения с ребёнком и оценке себя как родителя;

3) поведенческом, выражающемся в формах и способах взаимодействия с ребёнком, в родительских позициях и установках [89].

По мнению Е. Г. Силаевой, оптимальная родительская позиция должна быть адекватной, гибкой и прогностичной. В этом случае родитель может реально оценивать особенности своего ребёнка, понимать и уважать его индивидуальность; способен к изменению стиля общения с ребёнком по мере его взросления; при построении взаимодействия с ребёнком ориентируется на его «зону ближайшего развития», учитывая перспективы его развития [97].

На наш взгляд, оптимальная родительская позиция обусловлена сформированным семейным самосознанием родителей (в частности, отцов). Только в этом случае родители могут принимать ребёнка безусловно, адекватно удовлетворять потребности ребёнка, быть последовательными в своих воспитательных действиях, выбирать авторитетный стиль взаимодействия с ребёнком, конструктивно решать конфликтные ситуации, оказывать ребёнку эмоциональную поддержку.

Родительство включает в себя материнство и отцовство, но не сводится к их простой совокупности. Стоит отметить, что различные аспекты материнства широко изучены в психологической науке (О. А. Карабанова, С. Ю. Мещерякова, Р. В. Овчарова, А. С. Спиваковская, Г. Г. Филиппова, Л. Б. Шнейдер, Т. И. Шульга и др.) [47; 78; 89; 115; 125; 136; 138], в том числе активно развиваются концепции,

рассматривающие материнство как особую стадию идентификации женщины и развития самосознания матери (Н. Н. Васягина, С. А. Минюрова, Е. Н. Рыбакова, Е. А. Тетерлева, Н. А. Устинова, М. Ю. Чибисова) [29; 81; 102; 120; 124; 131]. В то же время исследования отцовства отражены в психологической науке более ограниченным числом работ (Т. В. Архиреева, Ю. В. Борисенко, Т. А. Гурко, В. Н. Дружинин, Ю. В. Евсеенкова, И. С. Кон, Е. Н. Красильникова, Ю. А. Токарева) [12; 21; 35; 39; 41; 52; 61; 122]. При этом исследований представленности отцовства в самосознании мужчины нами не обнаружено.

Психологические исследования, касающиеся изучения феномена отцовства, можно условно разделить на два направления. В первом отцовство рассматривается в контексте его влияния на развитие ребёнка, на формирование психологических и поведенческих проявлений ребёнка. Так, О. Г. Калина и А. Б. Холмогорова отмечают важность роли отца и его влияния на сепарацию ребёнка от матери, формирование полоролевой идентичности, эмоционального, когнитивного развития и поведения ребёнка [46].

Во втором направлении отцовство изучается сквозь призму личности мужчины, исследуются самореализация мужчины посредством отцовства, его мотивы, ценности, «Я-концепция» и другие характеристики личности, меняющиеся в процессе принятия мужчиной роли отца (W. E. Fthenakis, Ю. В. Борисенко, А. Г. Портнова) [21; 93; 149]. Данное направление изучения отцовства более соответствует задачам нашего исследования семейного самосознания мужчины, т. к. в нём в центре внимания исследователей находится личность мужчины-отца.

Ю. В. Борисенко рассматривает отцовство как комплекс интегральных, социальных и индивидуальных характеристик личности, проявляющихся на всех уровнях жизнедеятельности человека (эмотивно-аксиологическом, когнитивном и операциональном). При этом отцовство характеризуется выполнением мужчиной следующих функций: «защитной (как кормилец и защитник), презентативной (как персонификация власти, воспитатель и высший дисциплинизатор), ментальной (как пример для подражания), социализирующей (как наставник во внесемейной

общественной деятельности и отношениях, транслятор социальных норм, фигура, обеспечивающая связь поколений)» [21, с. 51].

Ю. А. Токарева изучает отцовство в качестве психолого-педагогической деятельности мужчины, связанной с приобщением ребёнка к социальным нормам и требованиям общества, воспитанием и контролем над его результатом [122]. И. С. Кон и Н. А. Коркина рассматривают отцовство в качестве показателя маскулинности [52; 55].

Р. В. Овчарова и Т. В. Архиреева рассматривают отцовство как системное образование, имеющее свою структуру и связанную с выполнением определенных функций. Т. В. Архиреева подчеркивает, что отцовство, будучи открытой системой, развивается в результате взаимодействия с окружающей средой [12; 87]. У. Ю. Севастьянова представляет отцовство в качестве системы взаимоотношений между мужчиной и ребёнком, которая способствует эмоциональному благополучию и развитию личности обоих [107].

К. Кенфилд рассматривает отцовство с позиции отцовского поведения и выделяет четыре базовые обязанности отца, проявляющиеся в детско-родительских отношениях:

- «участие» – отец включается в общую деятельность с ребёнком и создает условия для удовлетворения потребностей ребёнка;
- «постоянство» – при взаимодействии с ребёнком отец проявляет последовательность в методах воспитания;
- «осведомленность» – отец понимает потребности ребёнка в процессе его роста и развития;
- «забота» – отец выражает свои чувства ребёнку (нежность, любовь, значимость ребёнка для отца), проявляет заинтересованность делами ребёнка [48].

Ю. В. Борисенко разработала две модели отцовства – функциональную и структурную (рис. 1, 2).

Рисунок 1. Функциональная модель отцовства Ю. В. Борисенко

Ценностно-смысловой блок	Отношение к ребёнку. Экзистенциальные переживания	О Ц Е Н К А	Самооценка
Операциональный блок	Знания. Умения общаться и ухаживать за ребёнком		Социальная оценка
Потребностно-эмоциональный блок	Биологические и социальные мотивации. Эмоциональное отношение к ребёнку		

Рисунок 2. Структурная модель отцовства Ю. В. Борисенко

Представленные модели являются взаимодополняющими: функциональная позволяет рассмотреть разные аспекты приложения феномена отцовства, структурная позволяет выделить компоненты отцовства и соотнести их друг с другом [21].

У. Ю. Севастьянова разработала структурную модель отцовского отношения, включающую две подсистемы: «отношение к себе» (представления о себе как о мужчине, отце; оценка себя как отца; умения, навыки и деятельность отца) и «отношение к ребёнку» (представления о ребёнке, отношение к ребёнку, взаимодействие с ребёнком). В каждой из двух подсистем автор выделяет когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [107].

Зарубежные и отечественные психологи выделяют различные типы отцов на основании параметров, характеризующих взаимодействие отца и ребёнка. Рассмотрим некоторые из них.

«Традиционный отец» – авторитетный и сильный, главной его целью является защита и материальное обеспечение семьи; он отстранен от взаимодействия с ребёнком, преобладает авторитарный стиль воспитания (W. E. Fthenakis) [149].

«Отец-партнер» – занимает активную позицию в семье, играет значительную роль в воспитании и жизни ребёнка, является помощником и партнером по играм, образцом для подражания (И. С. Кон) [52].

«Новый отец» – присутствует при родах, принимает участие в процессе рождения ребёнка, заботится о ребёнке-младенце вместе с матерью, имеет с ним тесную эмоциональную связь (Ю. В. Евсеенкова) [41].

«Генеративное отцовство» – отец вовлечен в жизнь ребёнка, проявляет заботу и творческий подход к воспитанию, ответственен в реализации собственной роли, материально обеспечивает семью (L. Marks, R. Palkovits) [150].

И. С. Клецина представляет модели отцовского поведения в соотношении с моделями маскулинности. В рамках традиционной модели маскулинности выделяются два типа отцовского поведения: традиционный отец «старых времен» (заботится о своей семье как руководитель) и «отсутствующий отец» (может присутствовать физически, но почти не связан с отцовством). В рамках новой модели маскулинности также выделяются два типа отцовского поведения: «ответственный отец» (активно включен в процесс воспитания детей, но вклад его в развитие детей меньше, чем у матери) и «новый отец» (не только берет на себя ответственность за свою семью, но и делит поровну с супругой домашние обязанности и обязанности по уходу за детьми, их развитию и воспитанию) [49].

Ю. А. Токарева, характеризуя отцовство как воспитательную деятельность, выделяет следующие её типы:

– «подчиняющий» – отцы, мотивированные желанием получить социальное одобрение; требуют от ребёнка безоговорочного подчинения, используют

наказание, угрозы и ограничения; категоричны, подавляют волю и активность ребенка (соотносится со стилем «авторитарная гиперсоциализация» А. Я. Варги, В. В. Столина);

– «самоутверждающийся» – отцы, мотивированные желанием самоутвердиться; тяготеют детьми, игнорируют их потребности; иногда жестоко обращаются с детьми, считают детей обузой, отсюда излишне строги и раздражительны (соотносится со стилями «эмоциональное отвержение» Е. А. Личко, Э. Г. Эйдемиллера, «отвержение» А. Я. Варги, В. В. Столина);

– «социально-ориентированный» – отцы, ориентированные на получение социального одобрения; максимально удовлетворяют потребности ребёнка, при этом мало опекают и контролируют; дети часто оставлены без надзора и внимания отца (соотносится со стилем «потворствующий» Е. А. Личко, Э. Г. Эйдемиллера);

– «поощряющий» – отцы руководствуются желанием достичь высоких результатов в развитии ребёнка, в отношениях с ним; идеализируют поведение ребёнка, стремятся к доверию, вниманию, позитивному контакту, предпочитают в воспитании детей обходиться без наказаний; в активности ребёнка видят элемент его развития, достижения результата (соотносится со стилем «кооперация» А. Я. Варги, В. В. Столина);

– «саморазвивающийся» – отцы, желающие через взаимодействие с ребёнком развить самих себя, делают воспитание центральным делом своей жизни, одним из факторов личностного роста; уделяют ребёнку слишком много времени, сил и внимания; чрезмерно вмешиваются в жизнь ребёнка, контролируют, из-за чего действия отца становятся противоречивыми (соотносится со стилем «гиперопека» А. И. Баркан) [122, с. 22].

И. С. Кон утверждает, что успешное функционирование в роли отца возможно только при интернализации данной роли – «встраивании» отцовства в самосознание мужчины, его Я-концепцию. «Образ Я» формируется на основании оценки себя как мужчины, как отца, самооценки выполнения социальных ролей. Через сравнение собственного поведения с требованиями общества формируются «Я реальное» и «Я социальное». Также под воздействием общества, воспитания и представлений о том,

как следует поступать в различных ситуациях формируется «Я идеальное». Соотношения компонентов «образа Я», их взаимодействие определяет осознание себя как отца и может изменяться в процессе жизни [21; 53].

Г. Г. Филиппова выделяет стадии родительства, характерные как для женщин, так и для мужчин: принятие решения о рождении ребёнка, беременность, период становления родительства, период зрелого родительства, период постродительства [125]. У мужчин данные стадии проходят специфично (Ю. В. Борисенко). Автор выделяет три основных этапа становления отцовства: стереотипное представление об отцовстве до беременности жены; переосмысление стереотипов в течение беременности; формирование чувства отцовства после рождения ребёнка. Отмечается, что формирование отцовства – сложный многоступенчатый процесс, на который оказывают влияние различные факторы (социальные, семейные и личностные) [21].

Таким образом, рассмотрев различные аспекты отцовства, мы пришли к выводу, что в семейном самосознании мужчины сфера детско-родительских отношений включает: в когнитивном компоненте – представления мужчины о себе как об отце (Ю. В. Борисенко, И. С. Кон, Р. В. Овчарова и др.); в эмоциональном – оценку себя как отца, своих родительских качеств (А. Я. Варга, У. Ю. Севастьянова, В. В. Столин и др.); в поведенческом – стили отцовского воспитания и родительскую позицию (О. А. Карабанова, К. Кенфилд, Ю. А. Токарева и др.).

По сравнению с супружескими и детско-родительскими отношениями, рассмотренными выше, *родственные отношения* являются наименее изученными в психологии. Родством называют связь между людьми, основанную на генетической близости, происхождении потомков от предков (кровное родство) или на брачных семейных отношениях (социальное родство, родство через брак, свойство). Выделяют следующие основные виды кровнородственных отношений: детско-детские (отношения между сиблингами), прародительско-родительские (отношения взрослых детей со своими родителями), прародительско-детские (отношения дедушек и бабушек с внуками). Непрямым родством определяются

отношения с племянниками, с дядями/тётями, двоюродными братьями/сёстрами и т. д. Среди отношений, определяемых социальным родством, выделяют отношения с родителями, сиблингами, племянниками и другими кровными родственниками жены/мужа.

Широта родственных связей (количество родственников, проживающих совместно) определяет тип семьи: нуклеарный или расширенный. В настоящее время наиболее распространёнными являются нуклеарные семьи, состоящие из супругов и их детей, либо только из супругов, если они бездетны. Расширенная семья характеризуется совместным проживанием родителей, детей и прародителей (родителей одного из супругов), либо других родственников. В последние десятилетия растёт число малых семей: неполных (в которых из-за развода или смерти отсутствует один из супругов), материнских (включающих мать и ребёнка (детей), рожденных вне брака), «пустых гнезд» (состоящих из супругов, дети которых покинули родительскую семью). В связи с вышеперечисленными тенденциями сформировалось мнение, что родственные связи теряют свое былое значение, увеличивая разрыв между поколениями [47, с. 50].

В нашем исследовании мы изучим значимость родственных отношений для современного мужчины, а также проявления семейного самосознания мужчины в них. Рассмотрим более подробно основные виды родственных отношений.

Прародительско-родительские и прародительско-детские отношения.

Межпоколенные отношения привлекают особое внимание психологов на протяжении последних десятилетий. К изучению разных сторон межпоколенных отношений обращались М. В. Ермолаева, О. В. Краснова, Е. В. Куфтяк, М. В. Сапоровская, У. Ю. Севастьянова, М. А. Сизова, Е. Г. Силяева, Л. В. Тайкова, С. Л. Шалаева, Л. Б. Шнейдер и другие [43; 63; 66; 97; 104; 106; 113; 117; 132; 136].

Становление прародительства является существенным переходом на пути к новой стадии жизни (О. В. Краснова) [63]. Приобретение новой внутрисемейной роли прародителя (в частности роли бабушки) сопровождается существенной перестройкой сложившейся системы семейных отношений, попытками

гармоничного совмещения выполнения новой семейной роли с выполнением привычных ролей (мужа, отца, свекра/тестя). Освоение прародительского статуса требует выработки новой внутренней личностной позиции относительно себя как члена семьи.

Для прародителей рождение внуков становится новым этапом жизненного пути, повышает их общественный престиж, создает новые источники удовлетворенности жизнью (О. В. Краснова). Неготовность прародителей к новой роли выражается либо в отказе от её выполнения («ребёнок ваш», «нам тоже никто не помогал»), либо в полном захвате родительской роли, путем лишения её молодых родителей [97].

По мнению Л. Б. Шнейдер, семья и дети являются наиболее значимой ценностью для пожилых людей. Участвуя в семейных делах, пенсионеры находят применение своему жизненному опыту, поддерживают свой престиж [136]. Многие пенсионеры, обладая возможностью посвящать время своей семье, помогают детям в уходе за внуками, кроме этого они могут оказывать детям и внукам финансовую помощь, помогать советами, делиться опытом. При этом нередки ситуации, когда знания и опыт старших не приносят пользу детям и внукам из-за быстро меняющихся социальных условий.

Раздельное проживание прародителей от детей и внуков не является препятствием для включенности прародителей в дела семьи их детей. По мнению Е. П. Ильина, пожилые родители «чувствуют свою обязанность помогать своим детям, присматривают за маленькими внуками, хотя испытывают некоторые сомнения по поводу того, не слишком ли они часто вмешиваются в их жизнь» [45, с. 284].

Стоит отметить, что большинство исследований прародительских ролей в семье касаются изучения роли бабушки. Так, J. Robertson были выделены несколько типов бабушек: увлеченные, далекие, символические, индивидуальные [153]. Отечественными психологами А. С. Спиваковской и А. Я. Варгой описаны две противоречивые ролевые позиции бабушек в семье: «жертва» и «соперница» [115]. О. В. Краснова выделила три стадии прародительства, обусловленные

зависимостью поведения бабушек от возраста внуков: «молодая» бабушка, «старая» бабушка и «пожилая» бабушка. Также автор описывает типы поведения бабушек, проявляемые в совместных занятиях с внуками: формальный (чтение, прогулки), активный (игры, уроки, культурное проведение досуга), далекий (совместный летний отдых бабушек с внуками) [62].

Исследования роли дедушки в семье представлены фрагментарно, в-основном, в общем контексте прародительства.

Зарубежные исследователи R. Aisenberg и J. Treas выделили типологию прародителей в зависимости от выполняемых ими семейных ролей: формальные (четко представляют свою роль в семье и социальные роли внуков); суррогатные родители (принявшие на себя ответственность за внуков и обеспечивающие заботу о них); источник семейной мудрости (передающие потомкам культурное наследие и информацию о семейных корнях); затейники (активно организуют досуг внуков); отстраненные (редко взаимодействуют с внуками) [142].

V. Bengston выделил четыре роли, выполняемые прародителями в семье:

- 1) «присутствие» – прародители являются символом стабильности и для внуков, и для их родителей;
- 2) «семейная «национальная гвардия» – прародители находятся рядом с внуками в критической ситуации, активно включаются в заботу о внуках;
- 3) «арбитраж» – прародители поддерживают целостность семьи, во время конфликтов помогают сохранить связь между поколениями в семье;
- 4) «сохранение семейной истории» – прародители создают ощущение преемственности и единства семьи, передают внукам семейное наследие и традиции [145].

В основе всех рассмотренных типологий лежат не механизмы взаимодействия прародителей и внуков, а социально-психологические роли прародителей в семье, степень их вовлеченности в дела семьи.

Основываясь на исследовании О. В. Красновой, можно сделать вывод, что роль прародителя начинается не с момента его выхода на пенсию, а значительно раньше и часто совпадает с профессиональной деятельностью. Выполнение роли

прауродителя зависит, в первую очередь, от возраста внука, а также от других факторов (возраста прауродителя, уровня его образования и др.). Типы поведения дедушек и бабушек с внуками в целом совпадают, но имеются некоторые гендерные различия в факторах, влияющих на выбор того или иного типа поведения прауродителя. Так, для дедушек при выборе типа поведения основным фактором является наличие или отсутствие включенности в профессиональную деятельность, в то время как для бабушек это неважно. Также на выбор типа поведения дедушки влияет уровень его образования и не влияют условия проживания. В целом, как отмечает автор, мужчины стремятся соответствовать социальным нормам и ожиданиям от ролей дедушек, даже если эти ожидания не соответствуют личностным аспектам поведения [63].

Взаимодействие прауродителей и детей является двунаправленным. С одной стороны, прауродители передают внукам традиции, знания, опыт, приобщают внуков к истории семьи, делятся воспоминаниями. С другой стороны, забота о прауродителях формирует у детей способность сочувствовать, помогать, в ней реализуется важная для ребенка потребность в доверительном общении и сопереживании [36; 117].

Многие исследователи считают, что наиболее ценной воспитательной средой является семья, в которой есть представители трёх поколений, при условии, что все члены семьи живут в атмосфере взаимопонимания, их связывает единство взглядов и потребностей, между ними имеется эмоциональная психологическая связь. В такой семье элементы традиций сочетаются с переменами, обусловленными современной жизнью [117].

Сложностью прауродительско-родительских отношений является распределение ролей в воспитании детей. При одновременном участии родителей и прауродителей в воспитательном процессе нередко возникают спорные моменты, приводящие к конфликтам. Часто прауродители скептически относятся к воспитательным методам родителей, что разрушает авторитет родителей в глазах ребёнка. В свою очередь, родители критикуют стиль общения прауродителей с ребёнком, излишнюю опеку, а также несовременность их взглядов на

воспитательный процесс. Подобные разногласия между родителями и прауродителями отдаляют их друг от друга, при этом ребёнок оказывается «между двух огней» [36; 117].

Кроме этого, учёными неоднозначно оценивается влияние психологического «наследия» прауродителей на детей и внуков. С одной стороны, оно рассматривается – положительно – как фактор идентичности (Н. Пезешкиан) [91]; с другой – негативно – как фактор паталогизирующего влияния «родового бессознательного» на жизнь потомков (А. Зонди, Э. Берн) [18; 97]. На наш взгляд, человек со сформированным семейным самосознанием может в большей степени нивелировать «негативные» влияния психологического «наследия» прауродителей как на свою жизнь, так и на жизнь своей семьи.

Исследования, касающиеся родительско-прауродительских отношений, т. е. отношения взрослых людей, имеющих детей, со своими родителями представлены фрагментарно. Это объясняется тем, что традиционно семья и родители рассматривались в качестве среды для развития ребёнка, в связи с чем отношения взрослых людей с родителями не представляли особого интереса. В настоящее же время, благодаря увеличению средней продолжительности жизни, в обществе сложилась ситуация, в которой взрослые дети и их пожилые родители в течение длительного периода живут друг с другом и вынуждены формировать новые представления о своих семейных ролях. В связи с этим, изучение и гармонизация семейного самосознания становится особенно актуальным.

Особенности межпоколенной связи в семье по мужской линии (дед – отец – сын) изучены У. Ю. Севастьяновой [106]. Автор отмечает, что у мужчин в семье преобладает высокий уровень адаптации и сплоченности, семейные позиции четко определены, решения принимаются в результате совместного обсуждения. Кроме этого, выделяются несколько стилей межпоколенного взаимодействия, среди которых наиболее выраженным является «активный» стиль. Мужчины сконцентрированы на выполнении различных дел, как профессиональных, так и дел, связанных с семьей. В большей степени у отцов и сыновей присутствует желание заработать деньги для обеспечения семьи. Таким образом, у мужчин

сохраняется тенденция к традиционному исполнению семейных функций, активной роли в семье (обеспечение и содержание семьи, защита матери и ребёнка).

У мужчин старшего поколения преобладает «активный заботливый» стиль, выражающийся в стремлении к совместному выполнению дел, проведению совместного отдыха, заинтересованности делами близких, готовности им помочь. В противоположность этому, у мужчин младшего поколения выражен «самоустраняющийся» и «активный игнорирующий» стили, выражающиеся в ориентации на выполнение личных дел, в отсутствие заботы о других членах семьи, в избегании участия в общесемейных делах. Для среднего поколения характерно сочетание всех стилей поведения в семье («активного», «индивидуально заботливого» и «самоустраняющегося»). При этом автор приходит к выводу, что одним из условий формирования и развития у потомков личностных качеств, обеспечивающих жизнестойкость, является опыт предков, передающийся по мужской линии [106].

Прародительско-детские и прародительско-родительские отношения изучаются в единстве трёх компонентов – когнитивного, эмоционального и поведенческого (Л. Б. Шнейдер) [136].

По мнению Н. Ф. Шахматова, закономерным этапом психической жизни пожилого человека является переориентация на внутрисемейные отношения. Она выражается в том, что Я-концепция пожилого человека часто включает описания детей и внуков, акцентирование внимания на их успехах и достижениях. Это способствует осознанию прародителями ценности своего Я [135]. На поведенческом уровне отношения прародителей с детьми и внуками представляются в виде действующих семейных ролей и выполняемых функций. Изучая эмоциональный компонент таких отношений, исследователи сходятся во мнении, что у прародителей устанавливаются несколько иные отношения привязанности с внуками, чем с детьми. Прародители чаще выражают одобрение, сочувствие и симпатию внукам, оказывают им эмоциональную поддержку и реже прибегают к наказаниям [9].

Детско-детские отношения (отношения между сиблингами). В рамках данного исследования отношения сиблингов мы рассматриваем с позиции их проявления в семейном самосознании мужчины (в осознании себя в роли брата).

В психологической науке взаимоотношения между сиблингами рассматривались, прежде всего, применительно к несовершеннолетним детям, как один из факторов социализации личности. Такие ученые, как А. Адлер, Р. Ричардсон, У. Тоумен, З. Фрейд считали, что на формирующуюся личность ребёнка существенно влияет его позиция по отношению к братьям и сестрам. В настоящее время психологи оценивают влияние статуса сиблинга на развитие личности ребёнка более скептически. Так, Г. Крайг и Д. Бокум отмечают, что фактически не существует таких индивидуальных особенностей, которые зависят только от порядка рождения. На развитие личности ребёнка, помимо порядка рождения, влияют множество других факторов: тип семьи, финансовое положение семьи, болезни, отношения со сверстниками в школе и т. д. [60].

Исследований, касающихся взаимоотношений взрослых сиблингов, значительно меньше, в каждом из них авторы предлагают свою типологию взаимоотношений взрослых братьев и сестер.

Так, R. Steward с коллегами выделяют пять типов взаимоотношений между сиблингами:

- 1) «поддерживающие» отношения характеризуются высокой привязанностью и низкой конкуренцией;
- 2) «испытывающие потребность друг в друге» отношения, для которых характерна высокая привязанность и притягательность (аттракция);
- 3) «безразличные» отношения отличаются низкой привязанностью и высокой апатией;
- 4) «враждебные» отношения, которым свойственны низкая привязанность наряду с высокими критичизмом и безразличием;
- 5) «конкурирующие» отношения характеризуются высокой конкуренцией между сиблингами.

Для первых двух групп, отличающихся позитивным характером сиблинговых отношений, отношения с братьями и сестрами продолжают играть важную роль и во взрослом возрасте. Авторы утверждают, что безразличные отношения между взрослыми братьями и сестрами встречаются значительно чаще, чем в детстве или подростковом возрасте [154].

Индийские ученые S. Nandwana и M. Katoch свой исследовательский интерес направили на изучение отношений между сиблингами в возрасте 40-60 лет. По мнению авторов, в этом возрасте отношения с сиблингами приобретают особую значимость, поскольку в семьях сиблингов дети покидают «родительское гнездо», а родители сиблингов становятся беспомощными (или умирают). Было выделено пять типов взаимоотношений между взрослыми сиблингами:

1) «очень близкие, дружеские» – тесные, неконфликтные, доверительные отношениями между сиблингами;

2) «родственные, близкие по духу» – тесные дружеские отношения между сиблингами, но не настолько глубокие, как в первом типе;

3) «лояльные» – сиблинги поддерживают друг друга в сложных жизненных ситуациях, контакты не часты, общение строится скорее на обязательствах, чем на свободном выборе;

4) «безразличные» – сиблинги проявляют недостаточный интерес друг к другу, контакты редки и поверхностны;

5) «враждебные» – сиблинги практически не контактируют между собой, вызывают друг у друга негативные чувства и эмоции.

Авторы отмечают, что для мужчин характерными являются 2, 3, 4 типы взаимоотношений с братьями и сестрами [151].

О. В. Алмазова, изучив различные параметры отношений между сиблингами и отношения родителей к взрослым сиблингам, выделила четыре типа взаимоотношений между взрослыми сиблингами:

1) «близкие неконфликтные» – отношения с сиблингом воспринимаются как тесные и неконфликтные, при этом во взрослом возрасте они стали лучше, чем

были в детстве; родители, с точки зрения респондента, больше поддерживают сиблинга;

2) «близкие конфликтно-конкурирующие» – отношения с сиблингом воспринимаются как тесные, но в них присутствует конфликт, основанный на конкуренции между сиблингами; во взрослом возрасте отношения стали менее близкими, чем были в детстве; отец больше выделяет и поддерживает респондента, чем его сиблинга;

3) «безразличные» – в отношениях с сиблингом отсутствует конкуренция, при этом сами отношения не очень близкие и почти не изменились с детства; отец больше поддерживает и выделяет респондента, а не сиблинга;

4) «неблизкие конфликтно-конкурирующие» – отношения с сиблингом не близкие, в них присутствует конфликт, основанный на конкуренции между сиблингами, с возрастом отношения ухудшились; отец больше выделяет и поддерживает сиблинга, а не респондента [3].

Анализ различных родственных отношений и роли мужчины в них показал, что в семейном самосознании мужчины эти отношения отражены следующими категориями: в когнитивном компоненте – образами и представлениями мужчины о себе как о родственнике (О. В. Краснова, У. Ю. Севастьянова и др.); в эмоциональном – оценкой мужчиной своих качеств как брата, дедушки и т. д. (S. Nandwana, M. Katoch, О. В. Алмазова и др.); в поведенческом – соответствующими родственными ролями, функциями и моделями взаимодействия мужчины с членами семьи (R. Aisenberg, J. Treas, Л. Б. Шнейдер и др.).

Обобщая представленные в настоящем параграфе материалы, мы приходим к выводу о целесообразности рассмотрения семейного самосознания мужчины через призму его структурных компонентов (когнитивного, эмоционального и поведенческого) в совокупности супружеских, детско-родительских и родственных отношений. Такой целостный подход позволяет не только исследовать особенности функционирования семейного самосознания мужчины, но и является основой для эффективного сопровождения мужчины как субъекта семейных отношений.

Выводы по первой главе

1. Семейное самосознание является субъективной характеристикой семейной сферы. В современной психологической науке выделяются два направления исследования, рассматривающие семейное самосознание в качестве феномена, функционирующего на групповом и индивидуальном уровнях.

2. Мы придерживаемся индивидуального подхода к исследованию семейного самосознания и понимаем его как субъективную психологическую реальность, представляющую собой проекцию самосознания личности на семейную сферу и направленную на осознание себя членом семьи, субъектом семейных отношений.

3. Как индивидуальная психологическая реальность семейное самосознание включает представления о себе в семейных отношениях (когнитивный компонент семейного самосознания), самоотношение, оценку себя (эмоциональный компонент семейного самосознания), особенности взаимодействия с членами семьи при выполнении семейных ролей и функций (поведенческий компонент семейного самосознания). При этом каждый из перечисленных аспектов, преломляясь через спектр различных семейных отношений, приобретает своеобразное смысловое наполнение.

4. Обращение к исследованиям, направленным на изучение отдельных аспектов отражения супружеских, детско-родительских и родственных отношений в самосознании мужчины, позволило прийти к выводу, что они представлены в семейном самосознании мужчины следующими категориями: образами «Я – муж», «Я – отец» и представлениями о себе как о родственнике (когнитивный компонент); отношением к себе как члену семьи, оценкой своих супружеских, отцовских и родственных качеств (эмоциональный компонент); супружескими ролями и профилями брака; стилями отцовского воспитания и родительской позицией; моделями взаимодействия мужчины с родственниками (поведенческий компонент).

5. В рамках данного исследования мы изучаем семейное самосознание мужчины в единстве когнитивного, эмоционального и поведенческого

компонентов, а также в совокупности супружеских, детско-родительских и родственных отношений. Такой целостный подход позволяет не только исследовать особенности функционирования семейного самосознания мужчины, но и является основой для эффективного сопровождения мужчины как субъекта семейных отношений.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СЕМЕЙНОГО САМОСОЗНАНИЯ МУЖЧИНЫ

2.1. Организация и методы исследования семейного самосознания мужчины

В соответствии с теоретическими положениями, представленными в предыдущей главе, нами было проведено эмпирическое исследование семейного самосознания мужчины.

В исследовании приняли участие 120 респондентов, отобранных методом случайной выборки, проживающих в разных городах России. Все респонденты – мужчины в возрасте от 27 до 49 лет (средний возраст 35 лет), состоящие в официальном браке не менее 3 лет, имеющие одного (35%) или нескольких (65%) несовершеннолетних детей. 75% респондентов имеют высшее образование, 25% – средне-специальное. Выборка является репрезентативной по своему составу.

Эмпирическое исследование реализовывалось в четыре этапа. На первом этапе был изучен круг основных ролей респондентов и определены значимые семейные роли, сквозь призму которых мужчина осознает себя в семье. На втором – была изучена содержательная наполненность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов и описаны общие особенности семейного самосознания мужчин. На третьем – определены значимые различия в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье. На четвертом – верифицирована типология и описаны типы мужчин, отражающие специфику их семейного самосознания.

В соответствии с поставленными целями и задачами для изучения особенностей семейного самосознания мужчины нами были использованы методики, представленные в таблице 1.

Методики для изучения семейного самосознания мужчины

№ п/п	Название	Автор(ы)
Значимые для мужчины семейные роли		
1.	Семейная социограмма	Э. Г. Эйдемиллер
2.	Анкета «Я и моя семья»	Е. С. Барина
3.	Круг основных ролей личности	Л. В. Куликов, Е. А. Мудрова, Т. А. Фатева
Семейное самосознание		
<i>когнитивный компонент</i>		
4.	Техника репертуарных решеток	Дж. Келли
5.	Кто Я?	М. Кун, Т. Макпартленд (модификация Т. В. Румянцевой)
<i>эмоциональный компонент</i>		
6.	Опросник самоотношения	В. В. Столин, С. Р. Пантिलеев
7.	Методика PARI, шкалы: «зависимость от семьи», «ощущение самопожертвования», «раздражительность», «неудовлетворенность ролью отца»	Е. Шеффер, Р. Белл (адаптированная Т. В. Нещерет)
<i>поведенческий компонент</i>		
7.	Методика PARI, остальные шкалы	Е. Шеффер, Р. Белл (адаптированная Т. В. Нещерет)
8.	Опросник распределения ролей в семье	Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман,
9.	Особенности общения между супругами	Е. М. Дубовская
10.	Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека (МИРП)	Ю. В. Александрова

Проективная методика Э. Г. Эйдемиллера «Семейная социограмма»

Данная методика позволяет выявить положение субъекта в системе межличностных отношений и определить характер коммуникаций в семье. Тестовый материал представляет собой бланк формата А4 с нарисованным в центре кругом диаметром 80 мм. Респонденты получают инструкцию: «На листе перед Вами изображен круг. Нарисуйте в нём самого себя и членов своей семьи в форме кружков и подпишите их именами». Критерии оценки результатов: число членов семьи, попавших в площадь круга; величина кружков, говорящая о самооценке испытуемого и значимости для него других членов семьи; расположение кружков относительно друг друга и дистанция между ними, характеризующие отношения между членами семьи [141].

Анкета «Я и моя семья»

Анкета, представленная в Приложении А, включает в себя ряд вопросов, направленных на получение информации о самом респонденте (возраст, уровень образования, стаж брака, количество детей) и имеющихся у него родных и близких (родителях, прародителях, сиблингах и др.). Сопоставление данных Анкеты и методики «Семейная социограмма» позволяет получить сведения о реальном и субъективно представляемом составе семей респондентов.

Методика Л. В. Куликова, Е. А. Мудровой, Т. А. Фатеевой

«Круг основных ролей личности»

В данной методике респондентам предлагается выделить семь наиболее значимых для них ролей. В этот перечень можно включать как реальные, так и воображаемые роли. Далее респонденты должны оценить степень значимости каждой роли и степень реализации каждой роли, наличие конкурентных отношений между ролями, а также охарактеризовать положительные и отрицательные моменты, связанные с выполнением этих ролей. В ходе анализа выявляются доминирующие по значимости роли и роли с наибольшим дефицитом реализации [65].

Методика Дж. Келли «Техника репертуарных решеток»

(модификация)

Применяется для изучения индивидуально-личностных конструктов, опосредующих восприятие и самовосприятие при анализе личностного смысла понятий [118]. Опираясь на задачи исследования и учитывая структуру когнитивного компонента семейного самосознания, описанную нами в первой главе, а также на основании данных, полученных на первом этапе исследования, нами был разработан модифицированный вариант техники репертуарных решеток. Респондентам для сравнения были предложены следующие репертуарные роли: «Я – муж», «Я – отец», «Я – сын», «Мой отец», «Счастливый мужчина», «Несчастный мужчина», «Идеальный мужчина». Для выявления конструктов нами был использован метод триад элементов.

В связи с модификацией методики, были внесены изменения в сопроводительную инструкцию. Респондентам она предлагалась в следующем виде: «Заполните следующую таблицу, опираясь на приведенные ниже правила.

В «шапке» таблицы представлены различные роли. «Я – муж», «Я – отец», «Я – сын» – это Вы сами. «Мой отец» – это Ваш отец (или мужчина, его заменивший). «Счастливый мужчина» и «Несчастный мужчина» – подумайте, кого из мужчин Вы считаете счастливым и несчастным, и поставьте их инициалы в соответствующих столбиках. «Идеальный мужчина» – идеальный образ мужчины в Вашем представлении или реальный человек, которого Вы считаете таковым. Один и тот же человек может быть обозначен только в одном столбике.

В каждой строке таблицы три роли выделены кружком (например, в первой строке это роли: «Я – отец», «Мой отец», «Счастливый мужчина»).

Заполняя первую строку, определите, по какому существенному признаку двое из трёх отмеченных кружком людей сходны между собой и при этом отличны от третьего. Запишите этот признак в столбец «сходства». Отметьте галочкой в соответствующих кружках двоих из трёх людей, которые имеют этот сходный признак. Если кто-то из оставшихся людей также имеет этот признак, то отметьте их галочкой (в клетках, не отмеченных кружками).

Посмотрите, как Вы сформулировали сходный признак. В графе «различия» запишите противоположную характеристику. На этом заполнение первой строки завершено.

Аналогичным образом заполните всю таблицу. Обратите внимание, что в каждой строке кружками обозначен новый набор ролей, подлежащих сравнению. Не старайтесь, чтобы выделяемые Вами признаки были «красиво и грамотно» сформулированы. Главное, чтобы они отражали Ваше действительное отношение и самоощущение.

Далее отметьте, кто из представленных в таблице людей приятен для Вас, а кто неприятен.

Обработка результатов методики включает анализ системы конструкторов и анализ связей между конструкторами.

**Тест М. Куна, Т. Макпартленда «Кто Я?»
(модификация Т. В. Румянцевой)**

Используется для изучения содержательных характеристик идентичности личности. Вопрос «Кто Я?» напрямую связан с характеристиками восприятия человеком самого себя, то есть с его Я-концепцией или образом «Я» [101].

В соответствии с задачами нашего исследования инструкция к тесту была модифицирована следующим образом: «Вам необходимо дать как можно больше ответов на один вопрос, относящийся к Вам самим: “Кто Я как член семьи? Какой Я?”».

Каждый ответ начинайте с новой строки. Вы можете отвечать так, как Вам хочется, фиксировать все ответы, которые приходят к Вам в голову, поскольку в этом задании нет правильных или неправильных ответов.

Далее необходимо каждую свою характеристику оценить по четырехзначной системе: *знак «+»* (если в целом Вам лично данная характеристика нравится), *знак «-»* (если в целом Вам лично данная характеристика не нравится), *знак «±»* (если данная характеристика Вам и нравится, и не нравится одновременно), *знак «?»* (если Вы не знаете на данный момент времени, как Вы точно относитесь к характеристике). У Вас могут быть оценки как всех видов знаков, так и только одного знака или двух-трёх.

Обработка результатов методики включает определение типа самооценки идентичности респондентов и анализ психолингвистического аспекта идентичности.

«Опросник самоотношения» В. В. Столина, С. Р. Панталева

Данный опросник построен в соответствии с разработанной В. В. Столиным иерархической моделью структуры самоотношения. Опросник позволяет выделить три уровня самоотношения, отличающиеся по степени обобщенности:

- 1) глобальное самоотношение;
- 2) самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе;

3) уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я» [33].

В соответствии с задачами исследования, инструкция к данному опроснику была также несколько модифицирована: «Вам предлагается ответить на следующие 57 утверждений. Если Вы согласны с данным утверждением, ставьте знак «+», если не согласны, то знак «-». При ответе представляйте ситуации из своей семейной жизни, членов своей семьи».

«Опросник распределения ролей в семье»

Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской

Опросник предназначен для выявления распределения супружеских ролей в семье. Авторами было выделено семь основных внутрисемейных ролей, наиболее полно характеризующих современную семью: воспитание детей, эмоциональный климат в семье, материальное обеспечение семьи, организация развлечений, роль «хозяина», «хозяйки», сексуальный партнер, организация семейной субкультуры.

Респондентам предлагается следующая инструкция: «Просим Вас ответить на ряд вопросов, касающихся некоторых моментов организации семейной жизни. Для каждого вопроса предлагается набор вариантов ответов: выберите, пожалуйста, тот ответ, который в большей мере отражает Ваши идеальные представления о распределении ролей в семье».

В результате диагностики выявляется, кто из супругов в большей степени выполняет ту или иную роль, или они выполняют её совместно [69].

Опросник «Особенности общения между супругами»

Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской

Данный опросник дает возможность проанализировать и представить в численном выражении основные характеристики супружеского общения, по которым дифференцируют успешные и неуспешные браки (семьи).

Респондентам предлагается следующая инструкция: «Ответьте, пожалуйста, на предложенные ниже вопросы. Постарайтесь, чтобы выбранный вариант ответа наиболее полно соответствовал именно Вашей точке зрения на ситуацию, сложившуюся в Вашей семье».

В соответствии со схемой подсчета вычисляются значения по каждой из 6 шкал: «доверительность общения», «взаимопонимание между супругами», «сходство во взглядах супругов», «общие символы семьи», «легкость общения между супругами» и «психотерапевтичность» общения». Чем выше балл, тем более выражена соответствующая характеристика общения между супругами [69].

Методика PARI (parental attitude research instrument)

Е. Шеффера, Р. Белла (адаптированная Т. В. Нещерет)

Данная методика позволяет изучить отношение родителей (в нашем случае отцов) к разным сторонам семейной жизни (семейным ролям). Респондентам предъявляются 115 утверждений, которые нужно оценить, выбирая один из четырех возможных вариантов ответов: «полностью согласен», «скорее согласен», «скорее не согласен», «полностью не согласен».

Все утверждения объединяются в 23 шкалы. Из них 8 шкал касаются отношения к семейной роли, а 15 – детско-родительских отношений [141].

«Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека» Ю. В. Александровой

Методика предназначена для диагностики степени освоения трёх основных ролевых паттернов: супружеского, родительского и профессионального. Обработка результатов методики проводится с помощью «ключей» и заключается в подсчете значений по 6 шкалам: «отношение к Другому профессионала», «невротические паттерны профессионального отношения к Другому», «отношение к ребёнку опытного родителя», «невротические паттерны родительского отношения», «отношение к партнеру по браку “хорошего семьянина”», «невротические паттерны супружеского отношения» [69].

Для апробации подобранных методик было проведено пилотажное исследование. Выборка состояла из 30 мужчин. Результаты пилотажного исследования показали, что выбранные методики адекватны поставленной цели и способствуют её достижению.

В соответствии с логикой исследования и с целью проверки выдвинутых гипотез мы применяли **методы математико-статистического анализа**, а именно:

1. *Критерий Колмогорова-Смирнова* использовался для определения нормальности распределения переменных. Распределение считается приближенным к нормальному, если $p > 0,05$.

2. *Однофакторный дисперсионный анализ (метод главных эффектов)* позволил выделить и описать особенности содержательной наполненности семейного самосознания мужчин в зависимости от стажа брака, стажа отцовства и количества детей в семье.

3. *Факторный анализ (варимакс-вращение)* применялся нами для изучения содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины, а также для описания типов семейного самосознания мужчины. Отличие эмпирического распределения от нормального не является препятствием для использования методов факторного анализа.

4. *Кластерный анализ (метод Уорда)* использовался для выделения типов семейного самосознания мужчин. Данный метод имеет тенденцию к созданию кластеров примерно равных размеров и является методом, расширяющим пространство – кластеры как бы расширяются в пространстве и образуют мелкие, более отчетливые кластеры.

Для упорядочивания и сортировки данных использовались возможности электронных таблиц Microsoft Excel, для количественной обработки данных – пакет прикладных статистических программ Statistica ver 10.

Таким образом, подбор методов и методик осуществлен в соответствии с целями и задачами исследования; структура эмпирического исследования согласована с исходными теоретическими представлениями о содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины и подтверждена удовлетворительными результатами апробации методик в ходе пилотажного исследования.

На первом этапе эмпирического исследования было необходимо определить значимые для респондентов семейные отношения. Сравнение данных анкеты «Я и моя семья» с данными методики «Семейная социограмма» позволило сопоставить

сведения о реальном и субъективно представляемом составе семей респондентов (рис. 3).

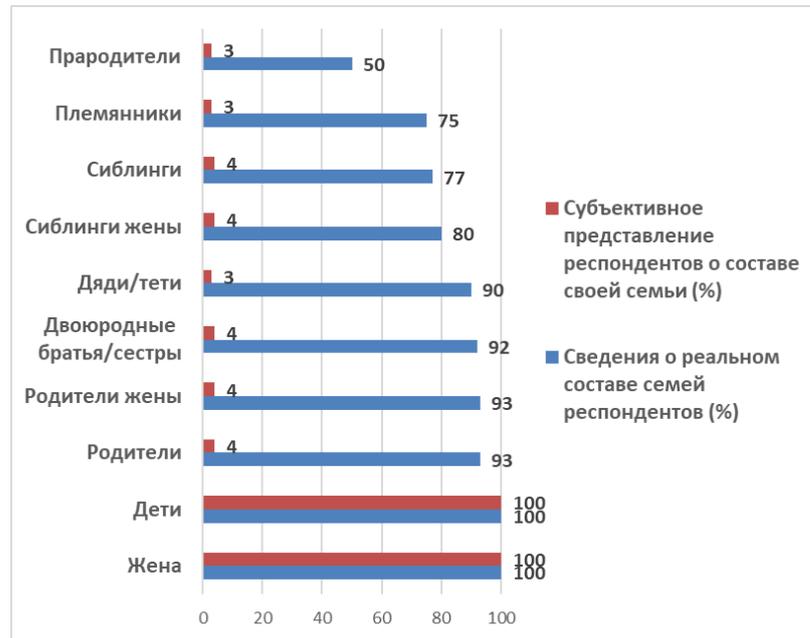

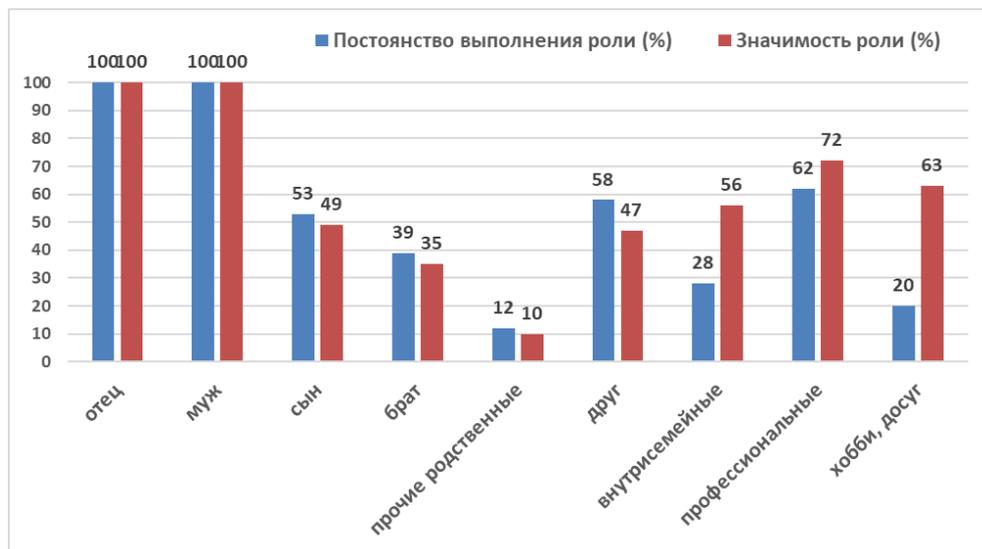
Рисунок 3. Сведения о реальном и субъективно представляемом составе семей респондентов

Как видно из рисунка 3, большинство респондентов (85%) видят себя членами нуклеарных семей, и только 15% испытуемых в состав своих семей помимо жены и детей включают других родственников. На наш взгляд, такая ситуация связана с тем, что 90% семей проживают отдельно от родителей и других родственников.

Далее для выявления позитивных и негативных переживаний, связанных с выполнением значимых для респондентов семейных ролей, был проведен анализ данных методики «Круг основных ролей личности» (рис. 4). В значениях для роли сына и брата указаны доли от числа респондентов, имеющих родителей и сиблингов.

Проводя анализ данных, представленных на рисунке 4, можно отметить следующие тенденции. *Роль мужа* постоянно выполняют и считают одной из наиболее значимых 100% респондентов. Положительные стороны данной роли, отмеченные респондентами: поддержка и взаимопонимание, приятно проводить

время вместе, возможность любить и быть любимым, чувство тепла и уюта. Негативные переживания, связанные с выполнением роли мужа: конфликты и недопонимания с женой, ответственность, необходимость идти на компромиссы и уступать. Выполнение роли мужа опрошенные респонденты связывают больше с положительными моментами, чем с отрицательными – 58% и 42% соответственно. А 26% респондентов связывают с выполнением роли мужа только положительные переживания.

**Рисунок 4. Результаты диагностики по методике
«Круг основных ролей личности»**

Следующей значимой ролью, отмеченной всеми опрошенными мужчинами, является *роль отца*. 29% опрошенных мужчин связывают с выполнением роли отца только положительные переживания. К положительным сторонам выполнения роли отца относятся: возможность воспитывать детей, любить детей и получать их любовь, возможность продолжения рода и себя в детях, самореализация. К негативным переживаниям, связанным с выполнением этой роли, опрошенные мужчины отнесли: нехватку времени на полноценное общение с детьми, конфликты с детьми и женой по поводу воспитания, ответственность, отсутствие возможности расслабиться и побыть одному.

Роль сына постоянно выполняют 53% респондентов, родители которых живы, при этом значимость данной роли для них 49%. Это может быть связано с раздельным проживанием и нерегулярным взаимодействием мужчин со своими родителями. 29% респондентов связывают с выполнением роли сына только положительные переживания: забота, поддержка, помощь родителям, гордость и радость родителей. Негативными переживаниями являются: ограниченность времени для общения с родителями, недостаточная самодисциплина.

Четвертая по значимости семейная роль, которую постоянно выполняют 39% мужчин, имеющих сиблингов – *роль брата*. Значимость данной роли – 35%. При этом 54% из них связывают с выполнением данной роли только положительные переживания: взаимопомощь, дружба, поддержка. Среди негативных переживаний, связанных с выполнением роли брата, респонденты выделяют иногда возникающую разность интересов и ответственность.

Прочие *родственные роли* (внук, зять, родственник) являются наименее значимыми из всех семейных ролей, которые выполняют мужчины. На наш взгляд, это связано с современными тенденциями отдаления от «большой семьи» и концентрацией времени и внимания на членах своей нуклеарной семьи. Примечательно, что респонденты связывают с выполнением прочих родственных ролей преимущественно положительные переживания: соблюдение традиций, помощь, принадлежность к большой семье. А среди негативных переживаний отмечают удаленность проживания друг от друга.

Также респонденты выделяли роли, не связанные с родством, но выполняемые мужчинами внутри семьи (глава семьи, добытчик, казначей, строитель, хозяин, психолог, воспитатель). При этом представленность данных ролей – 32%, а значимость – 56%. Наиболее представленными и значимыми для респондентов ролями данной группы являются роли главы семьи и «добытчика», что показывает важность для мужчин принятия на себя ответственности за благосостояние семьи.

Отдельно стоит отметить, что постоянное выполнение *роли друга* для опрошенных мужчин превышает по значимости выполнение роли брата и прочих

родственных ролей. 58% респондентов отметили, что выполняют её постоянно и для 47% она значима. Это может быть связано с тем, что со временем значимость общения между сиблингами снижается, а потребность в поддержке и общности интересов реализуется в дружеском общении.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что семья и семейные отношения являются значимыми в самосознании мужчины. Выполнение семейных ролей связано у мужчин, в большей степени, с положительными переживаниями, чем с негативными. При этом семейная сфера является внутренне конфликтной: 42% опрошенных испытывают конфликт между выполнением семейных ролей, для 30% респондентов конфликтным является выполнение семейных ролей и роли друга, для 28% конфликтным является выполнение семейных ролей и хобби, а для 68% мужчин выполнение семейных ролей находится в конфликте с выполнением профессиональных ролей. Эти данные свидетельствуют о необходимости психологической работы, направленной на гармонизацию семейного самосознания мужчины.

Значимость семейной жизни для мужчины заключается в следующем: семья расширяет его возможности для самореализации, позволяя мужчине обеспечивать благосостояние семьи, проявлять заботу о близких, проявлять и получать любовь и поддержку родных. При этом профессиональное развитие часто отнимает ресурсы от семейной сферы, а тесные родственные связи с «большой семьей» заменяются дружескими.

Полученные на данном этапе результаты определили стратегию дальнейшего исследования содержательной наполненности когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов семейного самосознания мужчины через призму супружеских и детско-родительских отношений.

2.2. Содержательная наполненность структурных компонентов семейного самосознания мужчины

В предыдущем параграфе мы рассмотрели методы исследования, которые использовались для изучения содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины. Обратимся к анализу данных, полученных в результате применения подобранных нами методик для исследования когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов семейного самосознания мужчины.

Когнитивный компонент семейного самосознания мужчины включает представления мужчины о себе как о члене семьи.

Методика «Кто Я?» применялась для изучения содержательных характеристик идентичности личности респондентов применительно к семейной сфере. Анализ идентичности позволил оценить степень интереса мужчин-респондентов к своему внутреннему миру и качество их самооценки.

Отнесение респондентов к тому или иному типу самооценки идентичности осуществлялось по критерию использования ими при оценке себя как члена семьи следующих знаков: «+» (если характеристика в целом нравится респонденту), «-» (если характеристика в целом не нравится респонденту), «±» (если характеристика одновременно и нравится, и не нравится респонденту), «?» (если респондент на данный момент не знает своего отношения к характеристике).

Наиболее представленным является *эмоционально-полярный тип самооценки идентичности* (42% выборки). Все характеристики своих семейных ролей респонденты данной группы оценивают только как нравящиеся или не нравящиеся. Как правило, это эмоционально-выразительные люди, их отношения с другими людьми зависят от того, нравится им человек или не нравится. Стоит отметить, что у опрошенных мужчин количество положительных оценок себя как члена семьи в пять раз превышает количество отрицательных оценок.

Следующим по встречаемости является *уравновешенный тип самооценки идентичности* (38% выборки). Респонденты данной группы, по сравнению с

предыдущей, отличаются большей стрессоустойчивостью, быстрее разрешают конфликтные ситуации, терпимее относятся к недостаткам других людей, умеют поддерживать конструктивные отношения с людьми, независимо от того, нравится им человек или нет. На наш взгляд, для людей уравновешенного типа самооценки идентичности характерно более гармоничное внутрисемейное общение.

Наименее представленным в выборке является *сомневающийся тип самооценки идентичности* (20% выборки). Более трети своих идентификационных характеристик респонденты данной группы оценили знаком «±». Такой выбор характерен либо для людей, переживающих внутренний кризис, либо свидетельствует о нерешительности как черте характера (когда человеку тяжело принимать решения, он долго сомневается, рассматривая различные варианты). На наш взгляд, достаточно высокий процент респондентов с самооценкой идентичности сомневающегося типа свидетельствует о недостаточно сформированном у них семейном самосознании и подтверждает необходимость психологической работы, направленной на гармонизацию семейного самосознания мужчины.

Отдельно стоит отметить группу респондентов, которые в оценках некоторых характеристик себя как члена семьи использовали знак «?», т. е. на момент исследования не были уверены в своём отношении к данным идентификационным характеристикам (6% выборки). Это свидетельствует о наличии у респондентов исследовательской позиции относительно себя и косвенно – об их готовности к переменам.

Также при работе с методикой «Кто Я?» нами был проведен анализ психолингвистического аспекта идентичности. Он включает в себя определение того, какие части речи и какой содержательный аспект самоидентификации являются преобладающими в описании респондентами себя как членов семьи. Результаты лингвистического анализа представлены на рисунке 5.

Рисунок 5. Результаты лингвистического анализа по методике «Кто Я?»

На рисунке 5 можно увидеть, что в описаниях респондентов себя как членов семьи преобладают прилагательные (55%), что свидетельствует о большой эмоциональной насыщенности семейной сферы.

На втором месте по частоте встречаемости в самоописаниях респондентов находятся существительные (42%). Это говорит о том, что для мужчин важно четкое определение их семейных ролей и заключенного в них функционала («муж», «отец», «добытчик», «хозяин», «воспитатель», «водитель» и т. д.). Лишь в 25% характеристик к существительным добавлены прилагательные, при этом все они относятся к сфере межличностных семейных отношений («требовательный муж», «любящий отец», «редкий сын» и т. д.).

Встречаемость глаголов в описании мужчинами себя как членов семьи незначительна и занимает всего 2%. Используя глагольные формы, респонденты описывают свои поведенческие особенности в семье и отношение к выполняемым семейным ролям («больше слушаю, чем говорю», «важные вопросы обсуждаю с членами семьи», «люблю планировать всё заранее», «ответственно отношусь к домашней работе» и т. д.).

Наиболее часто встречающиеся определения, используемые респондентами при описании себя как члена семьи, были выявлены в ходе содержательного анализа (рисунок 6).

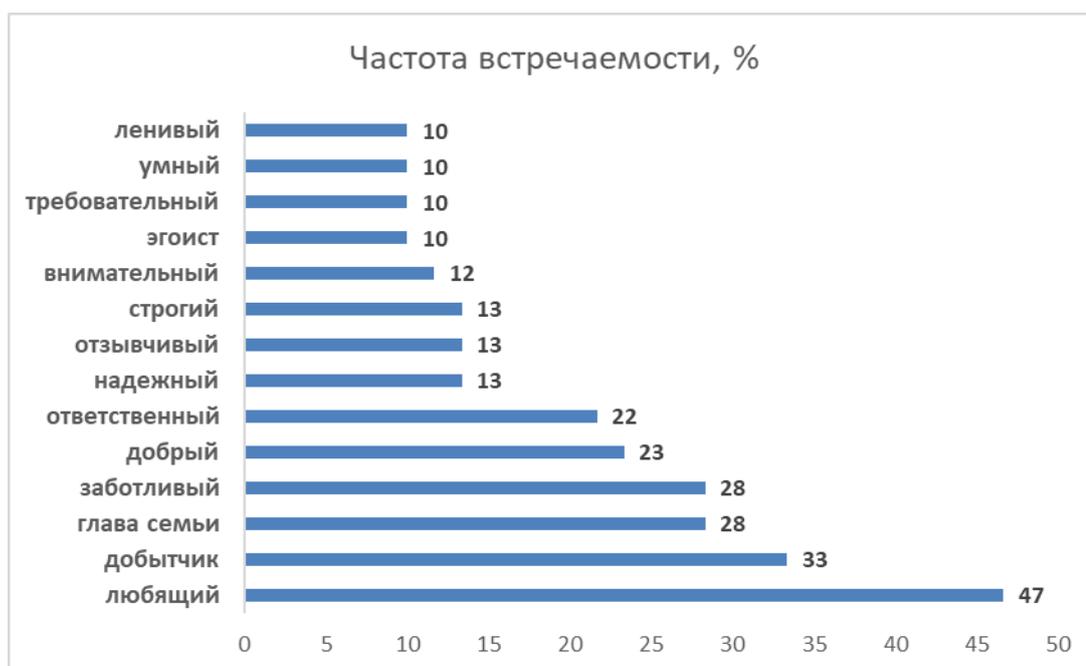

Рисунок 6. Результаты содержательного анализа по методике «Кто Я?»

На рисунке 6 мы видим, что наиболее значимыми для мужчин качествами, характеризующими их семейную жизнь, являются любовь, материальное обеспечение семьи, забота о членах семьи и главенствующая роль мужчины в решении семейных вопросов. Эти качества респонденты оценивают, в-основном, положительно. Также мужчины характеризуют себя добрыми по отношению к другим членам семьи и ответственными за семейную жизнь. Оценивая такие характеристики, как эгоизм, лень, требовательность, респонденты называли эти качества как положительными, так и отрицательными.

Анализируя характеристики отдельных семейных ролей, составленные респондентами (таблица 2), можно заметить следующие тенденции:

1. Наибольшую эмоциональную окраску респонденты придают, описывая себя как мужа и отца; при этом они отмечают и положительные, и отрицательные свои стороны.

2. Характеристики себя как сына и родственника представлены минимальным набором определений. Это подтверждает данные методики «Круг основных ролей личности» (см. рис. 3) и подчеркивает меньшую значимость данных семейных ролей в самосознании мужчины, по сравнению с ролями мужа и отца.

Характеристики семейных ролей респондентов по методике «Кто Я?»

Муж	Отец	Сын	Родственник
Любящий	Любящий	Уважающий	Родной младший брат
Любимый	Любимый	Редкий	Толковый зять
Помогающий супруге	Пример для ребенка	Внимательный	Эгоистичный брат
Примерный	Сильный	Заботливый	Дерзкий брат
Строгий	Слабохарактерный		Достойный зять
Требовательный	Строгий		
Украшающий жену	Супергерой для сына		
Больной	Заботливый		
Внимательный	Требовательный		
Заботливый	Хороший		
	Дети меня уважают		
	Внимательный		
	Воспитатель детей		
	Друг детей		
	Играющий с детьми		
	Иногда балую детей		
	Исполнитель наказания		
	Уставший		

Второй методикой, использованной нами для изучения содержательной наполненности когнитивного компонента семейного самосознания мужчины, была «Техника репертуарных решеток» Дж. Келли. Обработка результатов данной методики проходила в два этапа.

На первом этапе был проведен семантический анализ систем личностных конструкторов, созданных респондентами. В результате были выделены 10 категорий конструкторов, посредством которых мужчины-респонденты интерпретируют и прогнозируют семейную жизнь:

1. Отношение к себе – конструкторы, описывающие особенности самоотношения респондентов, принятие или непринятие себя (умный – тупой, зрелый – незрелый, есть недостатки – нет недостатков, в гармонии с собой – нет гармонии с собой).

2. Отношения с женой – конструкторы, описывающие позицию мужа по отношению к жене, его взгляды на супружеские отношения (взаимные чувства с женой – отсутствие взаимных чувств с женой, любящая жена – безразличная жена, много внимания супруге – не уделяю внимание супруге, счастливый брак –

неудачный брак, доверительные отношения с женой – нет доверия в отношениях с женой).

3. Отношения с детьми – конструкты, описывающие позицию отца в отношении детей, его взгляды на воспитание (участие в воспитании детей – отсутствие времени на воспитание детей, радость молодого отцовства – проблемы взрослого отцовства, хороший отец – безразличный отец).

4. Отношения с родителями – конструкты, описывающие позицию сына в отношении родителей, его чувства по отношению к родителям и их чувства по отношению к себе (хорошие отношения с родителями – плохие отношения с родителями, помогаю родителям – не помогаю родителям, знаю родительскую любовь – не знаю родительской любви, чувствую материнскую ласку и заботу – отсутствуют материнская ласка и забота).

5. Главенство и материальное обеспечение семьи – конструкты, описывающие главенствующую роль мужчины в семье, его ответственность за благосостояние семьи (главный в семье – не главный в семье, решаю все вопросы в семье – не решаю в семье ничего, обеспечиваю финансовое благополучие семьи – не обеспечиваю финансовое благополучие, думаю о будущем – живу одним днем).

6. Эмоциональный климат в семье – конструкты, описывающие чувства и эмоции респондентов при оценке семьи в целом (дружная семья – каждый сам по себе, спокойные отношения в семье – напряженные отношения в семье, поддержка семьи – отсутствие поддержки семьи, благополучная семья – неблагополучная семья).

7. Отношение к членам семьи – конструкты, описывающие поведенческие проявления мужчины по отношению к членам семьи (доброжелательный – злой, вспыльчивый – спокойный, заботливый – эгоист, внимательный – ленивый).

8. Отношение к физическому состоянию и здоровью – конструкты, описывающие позицию мужчины по отношению к своему здоровью, физическому состоянию, наличию вредных привычек (немного полный – качок, пристрастие к алкоголю – не употребляю алкоголь, самостоятельное обслуживание себя –

необходимость ежедневного ухода, ведение здорового образа жизни – отсутствие здорового образа жизни).

9. Наличие и состав семьи – конструкты, описывающие реальный и желаемый состав семей респондентов (есть семья – нет семьи, один ребенок – много детей, родители живы – родителей нет в живых, фамилия продолжится – фамилия может прерваться).

10. Отношение к ведению хозяйства – конструкты, описывающие позицию мужчины по отношению к выполнению домашней работы (мастер на все руки – руки не из того места, с удовольствием выполняю домашние дела – отсутствие интереса к домашним делам).

Наиболее представленной категорией конструктов в ответах респондентов является «наличие и состав семьи» (24%), отражающая значимость наличия семьи в жизни мужчины и возможности продолжения фамилии и рода.

Следующей по встречаемости категорией конструктов является «главенство и материальное обеспечение семьи» (15%), что подчеркивает значимость для мужчины главенствующей роли в семье, ответственности за материальное обеспечение и за будущее семьи и подтверждает данные, полученные в других методиках.

Далее следует группа категорий с близкой частотой встречаемости, все входящие в неё конструкты характеризуют различные семейные отношения: «отношения с женой» (12%), «отношение к членам семьи» (11%), «отношение к себе» (10%), «отношения с детьми» (10%). На наш взгляд, это закономерно, т. к. семья строится из отношений, а отношение к себе и к членам семьи связаны между собой. Включенность в семейные отношения является важной частью жизни мужчины, а в процессе взаимодействия с членами семьи формируются представления мужчины о себе как о семьянине.

Такие категории, как «эмоциональный климат семьи» и «отношения с родителями», также относящиеся к сфере семейных отношений, занимают меньшие доли (7% и 6% соответственно). На наш взгляд, это связано с тем, что современные семьи проживают отдельно от родителей и значимость роли сына в самосознании мужчины меньше по сравнению с ролью мужа и отца.

Наименее встречаемыми категориями конструктов в представлении респондентов о себе как о члене семьи являются «отношение к физическому состоянию и здоровью» (4%) и «отношение к ведению хозяйства» (2%).

Вторым этапом работы с репертуарными решетками был анализ и интерпретация связей между конструктами, позволяющие определить уровень когнитивной сложности респондентов, степень интегрированности и дифференцированности их системы конструктов.

Когнитивная сложность является показателем многомерности восприятия респондентами семейной сферы и рассчитывается с помощью индекса Бири по следующей формуле:

$$\text{ИБ} = 2 \times \text{а} + \text{б},$$

где а – число полных совпадений между конструктами; б – число полных совпадений между конструктами за исключением одного элемента ряда [27].

В созданной нами репертуарной решетке для сравнения представлены 7 ролей, следовательно, возможные значения «а» – от 0 до 7, «б» – от 0 до 6. Чем больше индекс Бири, тем меньше когнитивная сложность.

Когнитивная сложность выявлена у 70% респондентов. Мужчины этой группы имеют четкую систему конструктов, дифференцированных друг от друга. Благодаря этому мужчины понимают личностные особенности другого человека, четко отличают себя от других и способны прогнозировать поведение других людей, исходя из их личностных особенностей.

Когнитивная простота выявлена у 30% респондентов. Для мужчин этой группы характерна система конструктов, не имеющих четких различий между собой. В связи с чем эти мужчины просты и не разнообразны в межличностном общении, склонны считать, что другие похожи на них и не способны прогнозировать поведение других людей.

Анализ системы элементов репертуарной решетки (ролей, представленных для сравнения) дает возможность получить данные о степени идентификации респондентов с другими людьми. Для этого вычисляется коэффициент идентификации по формуле:

$$K_i = (n_1 + n_2 + \dots + n_x) / (x - 1),$$

где $n_1, n_2 \dots n_x$ – значения величин идентификации, x – число ролей, представленных для сравнения [27].

Для респондентов, имеющих высокие значения коэффициента идентификации (32% выборки), характерен симбиоз с другими людьми. В то время как респонденты, имеющие сниженные значения коэффициента идентификации (68% выборки), склонны к обособлению от других людей. На наш взгляд, такое распределение является вполне закономерным, учитывая психологические особенности мужчин.

Также нами вычислялся показатель амбивалентности по идентификации, который представляет собой отношение величины идентификации себя с приятными людьми к величине идентификации себя с неприятными людьми [27].

$$A_i = \frac{\sum \text{идентификация с приятными людьми}}{\sum \text{идентификация с неприятными людьми}}$$

Большинство респондентов нашей выборки (90%) имеют высокие значения амбивалентности по идентификации – такие мужчины воспринимают окружающих поляризовано (видят сходства с приятными людьми, а различия – с неприятными). Оставшиеся 10% выборки мужчин имеют средние показатели амбивалентности по идентификации – они видят сходства с другими людьми, независимо от отношения к ним. Низких показателей амбивалентности по идентификации, при которых люди идентифицируют себя с неприятными людьми, нами не выявлено, что является благоприятным фактом для нашего исследования.

В целом по выборке респонденты в три раза чаще идентифицируют себя со счастливым мужчиной и в два раза чаще с идеальным мужчиной, чем с несчастным. Можно сделать вывод, что большинство респондентов считают себя счастливыми в семейной жизни и успешно справляются со своими семейными ролями.

Выявленные особенности содержания когнитивного компонента семейного самосознания мужчины (представления о себе как о члене семьи) неразрывно связаны с содержанием второго компонента семейного самосознания – эмоционального, а именно с самоотношением. Накопленные в течение жизни

знания и представления о себе как о члене семьи находят отражение в эмоциональных оценках мужчиной самого себя и становятся предметом его самоотношения.

Для изучения содержания эмоционального компонента семейного самосознания мужчины нами был использован «*Опросник самоотношения*» (ОСО) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева, результаты которого представлены в таблице 3.

Таблица 3

Результаты диагностики по методике «Опросник самоотношения»

Шкалы	Степень выраженности признака (%)		
	Ярко выражен	Выражен	Не выражен
S – интегральная	85	8	7
I – самоуважение	75	17	8
II – аутосимпатия	55	27	18
III – ожидаемое отношение других	43	35	22
IV – самоинтерес	42	25	33
1 – самоуверенность	75	13	12
2 – отношение других	25	58	17
3 – самопринятие	53	37	10
4 – саморуководство	60	28	12
5 – самообвинение	27	20	53
6 – самоинтерес	55	27	18
7 – самопонимание	52	27	22

Анализируя данные таблицы 3, мы видим, что большинство респондентов (93%) имеют позитивное *глобальное самоотношение*, при этом у 85% оно выражено особенно ярко. Это говорит о том, что большинству респондентов свойственно внутренне недифференцированное чувство «за» самого себя, как члена семьи.

На следующем *уровне самоотношения, дифференцированного по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожидаемому отношению других*, результаты распределились следующим образом. Подавляющее большинство респондентов (82-92%) обладает ярко выраженным самоуважением и аутосимпатией и выраженным самоинтересом (67%), т. е. верят в себя и свои возможности, принимают и любят себя такими, какие они есть, испытывают

интерес по отношению к собственным мыслям и чувствам. При этом самоуважение выражено особенно ярко (75%), а самоинтерес менее выражен (42%). На наш взгляд, это говорит о том, что мужчины скорее уважительно оценивают себя по конкретным действиям и поступкам, несмотря на то, что некоторые аспекты своей личности им могут быть не так интересны. Именно по шкале «самоинтерес» выявлено наибольшее число респондентов (33%), которые особенно не проявляют интереса к аспектам своей личности.

Иным образом следует трактовать высокие значения по шкале «ожидаемое отношение других». Для 78% респондентов важно получать от членов своей семьи позитивное отношение к себе. У 43% респондентов эта потребность особенно ярко выражена. При этом 22% респондентов ожидают скорее негативного отношения от членов своей семьи, либо чувствуют, что их усилия, направленные на реализацию различных семейных функций, остаются недооцененными.

Третий уровень самоотношения – уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я» более подробно иллюстрирует результаты по шкалам предыдущих уровней. Он представлен шкалами: «самоуверенность», «отношение других», «самопринятие», «саморуководство», «самообвинение», «самоинтерес», «самопонимание».

Так, у 23% опрошенных мужчин высокие показатели по шкале «самообвинение» сочетаются с низкими и средними показателями по шкалам «аутосимпатия», «самоинтерес», «самопринятие», а также с преимущественно высокими показателями по шкале «глобальное самоотношение». Эти респонденты, с одной стороны, имеют позитивный общий фон самоотношения, а с другой – им свойственны негативные эмоциональные реакции на себя (раздражение, презрение, вынесение самоприговоров), а также недостаточное принятие своих поведенческих проявлений в семье.

У 13% респондентов низкие показатели по шкалам «самообвинение» и «самоинтерес» сочетаются со средними и низкими показателями по шкале «ожидаемое отношение от других» при преимущественно высоких показателях по остальным шкалам. В этом случае можно предположить, что общий эмоциональный

фон восприятия себя у мужчин этой группы положительный. Они не склонны обвинять себя в возникающих в семье конфликтах и неудачах, при этом от других членов семьи ожидают скорее осуждения и порицания, чем одобрения и поддержки. Не проявляя интереса к аспектам своей личности и не пытаясь найти причины неудач в себе, они осуществляют защиту своего «Я» путем перенесения ответственности на других членов семьи.

Негативная самооценка была выявлена только у 7% респондентов, о чем свидетельствуют низкие показатели по всем шкалам в сочетании с высокими показателями по шкале «самообвинение» у мужчин данной группы.

Адекватная самооценка наблюдается у 10% респондентов. Мужчины этой группы имеют высокие показатели по шкалам «глобальное самоотношение», «самоуважение», «аутосимпатия», «самоинтерес», «самопринятие», «саморуководство», «самопонимание» в сочетании со средними показателями по шкале «самообвинение». При общем положительном эмоциональном фоне отношения к себе, как члену семьи, пониманию и принятию себя во всех поведенческих проявлениях, мужчины решают возникающие трудности семейной жизни, не обвиняя в них ни себя, ни других членов семьи.

Выявленные особенности содержания когнитивного и эмоционального компонентов семейного самосознания мужчины находят свое выражение в третьем – поведенческом – компоненте.

Особенности ролевой структуры в семьях респондентов изучались с помощью *«Опросника распределения ролей в семье» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской* (рис. 7).

Можно заметить, что большинство ролей реализуются в современной семье совместно. Из этой тенденции ярко выделяется роль «материальное обеспечение семьи», выполнение которой 72% опрошенных мужчин полностью взяли на себя. Это соответствует тенденции разделения семейных ролей на традиционно мужские и традиционно женские. К последним относятся – «воспитание детей», «эмоциональный климат в семье», «организация развлечений», которые в семьях респондентов выполняют жены (13%, 18% и 18% соответственно).

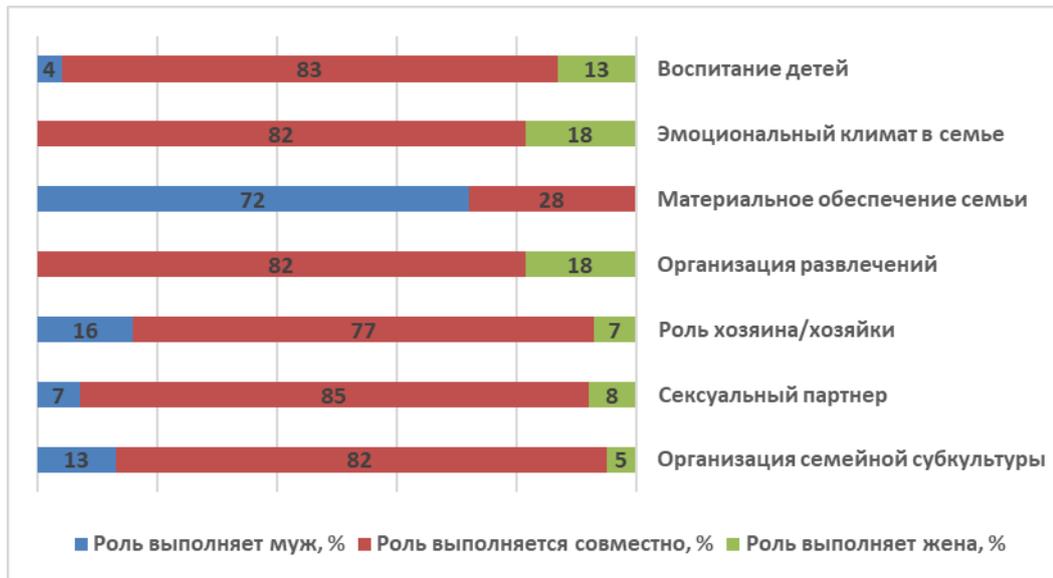

Рисунок 7. Результаты «Опросника распределения ролей в семье»

Интересным, на наш взгляд, является распределение ответов респондентов по роли «хозяина/хозяйки», которую традиционно относят к женским – 16% мужчин занимаются ведением домашнего хозяйства без участия жены. Это подтверждает происходящие изменения в ролевой структуре современной семьи. Также стоит отметить тот факт, что 13% мужчин выполняют роль организатора семейной субкультуры, т. е. занимают ведущую роль в формировании культурных ценностей, интересов и увлечений членов своих семей.

Важным показателем успешности любых отношений, в том числе супружеских, является качество межличностного общения. Качество общения между супругами неизбежно сказывается на отношениях всех членов семьи и является показателем удовлетворенности либо неудовлетворенности респондента своей семейной жизнью. Для изучения данной сферы семейного взаимодействия нами был использован *опросник «Особенности общения между супругами» Ю. Е. Алешиной, Л. Я. Гозмана, Е. М. Дубовской*, результаты приведены в таблице 4.

В целом по выборке ситуация благоприятная – большинство респондентов оценивают показатели супружеского общения высокими и средними баллами. Самые высокие баллы отмечены по шкалам «взаимопонимание» (82-83%) и «легкость общения» (77%), также более половины респондентов (55-57%) оценили степень взаимного доверия с супругой высокими баллами и отметили сходство во

взглядах с супругой (57%). Это означает, что супругам легко наладить контакт друг с другом, в общении они чувствуют себя свободно, каждый партнер принимает и не осуждает взгляды и поведение другого, супруги получают понимание и поддержку друг друга (68%).

Таблица 4

Результаты опросника «Особенности общения между супругами»

Шкалы	Значения (%)		
	высокие	средние	низкие
Доверительность общения (самооценка)	55	40	5
Доверительность общения (оценка партнера)	57	41	2
Взаимопонимание (самооценка)	82	18	0
Взаимопонимание (оценка партнера)	83	17	0
Сходство во взглядах	57	40	3
Общие символы	40	47	13
Легкость общения	77	20	3
Психотерапевтичность общения	68	32	0

«Методика исследования ролевых паттернов отношения к Другому взрослого человека» (МИРП) Ю. В. Александровой позволяет выявить степень освоения респондентами трёх основных ролевых паттернов: супружеского, родительского и профессионального. Результаты методики представлены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты диагностики по методике МИРП

Характеристика ролевых паттернов	Значения (%)		
	высокие	средние	низкие
Отношение к Другому профессионала	20	78	2
<i>Невротические паттерны проф. отношения к Другому</i>	8	40	52
Отношение к ребёнку опытного родителя	5	95	0
<i>Невротические паттерны родительского отношения</i>	0	72	28
Отношение к жене «хорошего семьянина»	20	80	0
<i>Невротические паттерны супружеского отношения</i>	2	8	90

В целом по выборке ситуация с освоением респондентами всех трёх ролевых паттернов является благоприятной и подтверждает данные методики «Круг

основных ролей личности» (см. рис. 3) о важности для мужчин профессиональной сферы наряду с семейной.

Наиболее уверенно мужчины чувствуют себя в супружеских отношениях. Высокие (20%) и средние (80%) показатели по шкале «отношение к жене «хорошего семьянина» говорят о том, что респондентам общество супруги доставляет удовольствие, а жизнь без семьи для них непривлекательна.

Далее по освоенности следуют профессиональные паттерны, о чем свидетельствуют высокие (20%) и средние (78%) показатели по шкале «отношение к Другому профессионала». Опрошенные мужчины в профессиональной сфере успешно совмещают интересы дела и доброжелательные отношения с коллегами.

Преобладание средних значений (95%) по шкале «отношение к ребёнку опытного родителя» говорит о том, что респонденты уважают индивидуальность своих детей, одобряют их интересы, поощряют детскую инициативу и самостоятельность. При этом преобладающее большинство невротических паттернов поведения респондентов приходится именно на сферу детско-родительских отношений – 72% респондентов отметили средние показатели по соответствующей шкале. На наш взгляд это связано с тем, что отцам свойственна строгость и требовательность в вопросах воспитания, что увеличивает вероятность появления конфликтных ситуаций в общении с ребёнком. Кроме этого респонденты не всегда имеют возможность проводить достаточно времени с детьми, даёт меньше возможностей для выстраивания с ним гармоничных отношений и освоения позитивных паттернов родительского отношения.

Методика PARI Е. С. Шеффера, Р. К. Белла позволяет оценить специфику внутрисемейных отношений и особенности организации семейной жизни. Результаты диагностики представлены на рисунке 8.

Рисунок 8. Результаты диагностики по методике PARI

Отношение к семейной роли описывается с помощью восьми признаков: «зависимость от семьи», «ощущение самопожертвования», «семейные конфликты», «сверхавторитет родителей», «неудовлетворенность ролью отца», «безучастность жены», «доминирование отца», «несамостоятельность отца». Как видно из рисунка 8, большинство респондентов (68-95%) имеют средние показатели по всем шкалам, отражающим их отношение к распределению ролей в семье, т. е. в целом удовлетворены своими семейными ролями.

Обращает на себя внимание, что 28% респондентов имеют высокие показатели по шкале «сверхавторитет родителей», что свидетельствует о преимущественно авторитарном стиле воспитания в этих семьях.

Интересно, что 4% респондентов имеют высокую зависимость от семьи, при этом уровень конфликтности в этих семьях является средним, можно предположить, что такое распределение семейных ролей устраивает обоих супругов.

Детско-родительские отношения описываются тремя параметрами:

– оптимальный эмоциональный контакт (шкалы: «вербализация», «партнерские отношения с ребёнком», «развитие активности ребёнка», «уравненные отношения с ребёнком»);

– излишняя эмоциональная дистанция с ребёнком (шкалы: «излишняя строгость», «раздражительность», «установление контакта с ребёнком»);

– излишняя концентрация на ребёнке (шкалы: «чрезмерная забота», «подавление воли ребёнка», «опасение обидеть», «исключение внесемейных влияний», «подавление агрессивности», «подавление сексуальности», «чрезмерное вмешательство в мир ребёнка», «стремление ускорить развитие ребёнка».

В целом по выборке в отношениях респондентов с детьми преобладает «оптимальный эмоциональный контакт» – 90% имеют средние и высокие показатели по всем шкалам, входящим в данный параметр. Это является положительным моментом.

93% респондентов установили оптимальную эмоциональную дистанцию с ребёнком. Для большинства респондентов (87%) характерна оптимальная концентрация на ребёнке, о чем говорят преимущественно средние баллы по всем шкалам, входящим в этот параметр. Лишь для 3% респондентов характерны чрезвычайная забота о ребёнке, выражающаяся в излишнем вмешательстве в мир ребёнка и подавлении его воли. А низкие показатели по основным шкалам данного параметра у 10% респондентов, наоборот, могут свидетельствовать о попустительском отношении либо не включенности отцов в воспитание детей.

Применение вышеперечисленных методик позволило выделить 68 показателей, характеризующих содержательную наполненность структурных компонентов семейного самосознания мужчины (Приложение Б).

Кроме этого, проведенный нами качественный анализ данных методик позволяет утверждать, что они диагностируют содержательную наполненность всех структурных компонентов семейного самосознания мужчины, обеспечивая тем самым комплексный подход к изучаемой нами проблеме.

Помимо качественного анализа данных, полученных в ходе эмпирического исследования, нами был проведен факторный анализ с целью выделения общих особенностей содержания семейного самосознания мужчин.

Для выявления факторной структуры компонентов семейного самосознания мужчин исходные данные, отдельно по каждому из трёх структурных компонентов, были подвергнуты факторному анализу (метод главных компонент, варимакс-вращение) с использованием критериев Кайзера и Кеттела («каменистая осыпь»). При определении границ интерпретируемости факторных нагрузок рассматривались значения выше 0,55. При анализе учитывался вес факторов и содержательная наполненность каждого из них.

Факторные структуры когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов семейного самосознания мужчины представлены в Приложении В.

Факторная структура когнитивного компонента семейного самосознания мужчины представлена пятью факторами, описывающими 70,61% от всех дисперсий: «конфликт между семейными, профессиональными ролями и хобби» (18,04%), «идентификация с идеальной мужчиной» (16,81%), «когнитивная простота» (15,03%), «идентификация с несчастным мужчиной» (11,41%), «рельефность образа Я» (9,32%).

Первый фактор – «конфликт между семейными, профессиональными ролями и хобби», описывающий 18,04% всех дисперсий, составили следующие переменные: **конфликт семейных ролей** ($r=0,82$, $p=0,01$), **конфликт семейных ролей и хобби** ($r=0,77$, $p=0,01$) и **конфликт семейных и профессиональных ролей** ($r=0,56$, $p=0,01$). Данный фактор отражает сложности, с которыми сталкиваются

мужчины при выполнении разных семейных ролей и совмещая выполнение семейных ролей с занятиями хобби и построением карьеры. Таким образом, формируя представления о себе как о члене семьи, мужчины, в первую очередь, обращают внимание на то, насколько успешно им удастся совмещать семью, профессиональное развитие и занятия хобби.

Второй фактор – «идентификация с идеальным мужчиной», описывающий 16,81% всех дисперсий, составили три переменные: **степень идентификации с идеальным мужчиной** ($r=0,84$, $p=0,01$), **степень идентификации со счастливым мужчиной** ($r=0,79$, $p=0,01$), **степень идентификации с отцом** ($r=0,67$, $p=0,01$). Формируя представления о себе как о члене семьи, мужчины сравнивают себя с некими «эталонами» и оценивают степень соответствия им своего положения и поведенческих проявлений в семье. В качестве «эталонов» могут выступать как идеальные образы мужчины-семьянина, так и реальные люди, которых мужчина считает счастливыми в семейной жизни. Также важным для мужчин является сравнение себя как члена семьи со своим отцом. Таким образом, мужчины считают себя успешными в семейной жизни, когда их «Я-реальное» соответствует «Я-идеальному».

Третий фактор – «когнитивная простота», описывающий 15,03% всех дисперсий, составили следующие переменные: **когнитивная сложность** ($r=-0,88$, $p=0,01$), **амбивалентность идентификации** ($r=-0,70$, $p=0,01$), **коэффициент идентификации** ($r=-0,65$, $p=0,01$). Со всеми переменными фактор показывает обратную связь. Из этого можно сделать вывод, что представления мужчины о себе как о члене семьи не зависят ни от сложности системы конструкторов, которой пользуется мужчина при восприятии семейной сферы, ни от степени идентификации с другими людьми. В связи с чем данный фактор мы назвали «когнитивная простота».

Четвертый фактор – «идентификация с несчастным мужчиной», описывающий 11,41% всех дисперсий, представлен переменными: **степень идентификации с несчастным мужчиной** ($r=0,89$, $p=0,01$), **конфликт семейных и дружеских ролей** ($r=-0,50$, $p=0,01$), **коэффициент идентификации** ($r=0,48$,

$p=0,01$). Считая себя несчастными в семейной жизни, мужчины уверены, что они не уникальны в этом, что «у всех также». При этом мужчины не считают, что семейная жизнь препятствует дружескому общению. Можно сделать вывод, что, переживая негативные моменты, связанные с семейной жизнью, мужчины находят поддержку в дружеском общении.

Стоит обратить внимание, что фактор *«идентификация с несчастным мужчиной»* находится в противоречии с описанным выше фактором *«идентификации с идеальным мужчиной»*, т. е. мужчина испытывает когнитивный диссонанс, при котором он счастлив и не счастлив одновременно. На наш взгляд, это означает, что с одной стороны, в семейной жизни мужчин присутствуют негативные моменты и конфликтные ситуации, которые формируют ощущение себя несчастным. С другой стороны, мужчина убеждает себя в том, что в целом в семье все хорошо и считает себя счастливым и даже идеальным семьянином. Это может говорить либо о поверхностной самооценке, нежелании смотреть правде в глаза, либо о наличии защитных механизмов самосознания, при которых мужчина убежден, что несмотря ни на что, у него счастливая семья.

Пятый фактор – «рельефность образа Я», описывающий 9,32% всех дисперсий, представлен двумя переменными: **полярность самооценки идентичности** ($r=0,87$, $p=0,01$) и **конфликт семейных и профессиональных ролей** ($r=-0,47$, $p=0,01$). Биполярность фактора свидетельствует о том, что мужчины, обладающие устойчивой самооценкой идентичности, т. е. уверенно оценивающие себя как члена семьи, не испытывают трудностей при совмещении семьи и профессионального развития. Зная все свои сильные и слабые стороны, мужчины легко находят ресурсы, позволяющие им успешно строить как семейные отношения, так и карьеру. И, наоборот, трудности в совмещении семейных ролей и карьеры испытывают мужчины, которые не могут однозначно охарактеризовать себя как члена семьи и выделить свои положительные и отрицательные стороны.

Таким образом, **содержание когнитивного компонента семейного самосознания мужчины** составляют его представления о себе как о члене семьи, о своих поведенческих и эмоциональных проявлениях в семье, об успешности

выполнения различных ролей. Все эти представления интегрируются в обобщенный образ «Я».

Наиболее значимыми факторами, наполняющими когнитивный компонент семейного самосознания мужчины, являются «конфликт между семейными, профессиональными ролями и хобби» (18,04%), «идентификации с идеальным мужчиной» (16,81%) и «когнитивная простота» (15,03%). Формированию позитивного образа «Я» способствуют успешное совмещение мужчиной семейных и профессиональных ролей, а также занятий хобби; что возможно при наличии устойчивой самооценки и соответствии «Я-реального» «Я-идеальному» по всем сравниваемым параметрам семейной жизни. Переживая негативные моменты, связанные с семейной жизнью, мужчины находят поддержку в дружеском общении.

Факторная структура эмоционального компонента семейного самосознания мужчины включает пять факторов, объясняющих 74,18% от всех дисперсий: «аутосимпатия» (32,41%), «ожидание позитивного отношения от членов семьи» (13,18%), «удовлетворенность семейной жизнью» (11,55%), «саморуководство» (9,38%), «самоинтерес» (7,66%).

Первый фактор – «аутосимпатия», описывающий 32,41% всех дисперсий, составили следующие переменные: **аутосимпатия** ($r=0,91$, $p=0,01$), **самообвинение** ($r=-0,84$, $p=0,01$), **самоуверенность** ($r=0,73$, $p=0,01$), **глобальное самоотношение** ($r=0,73$, $p=0,01$), **самопринятие** ($r=0,62$, $p=0,01$), **самоуважение** ($r=0,59$, $p=0,01$). На одном полюсе данного фактора располагаются показатели, характеризующие позитивное отношение мужчин к себе как члену семьи, а на другом полюсе находятся параметры, характеризующие склонность мужчин к самообвинению и поиску причин трудностей в семейной жизни в себе. Таким образом, мужчины позитивно воспринимают себя как семьянина, симпатизируют себе, уважают и принимают себя во всех своих проявлениях в семье, и не склонны винить себя в возникающих проблемах в семейной жизни. Можно предположить, что в этом проявляется механизмы психологической защиты самосознания, например, отрицание и проекция.

Второй фактор – «*ожидание позитивного отношения от членов семьи*», описывающий 13,18% всех дисперсий, составили три переменные: *ситуативное ожидаемое отношение от других* ($r=0,89$, $p=0,01$), *ожидаемое отношение от других* ($r=0,81$, $p=0,01$) и *неудовлетворенность ролью отца* ($r=0,49$, $p=0,01$). Данный фактор показывает, что мужчинам важно чувствовать позитивное отношение к себе от членов семьи, которое позволяет им быть уверенными, что их усилия, направленные на реализацию семейных функций, оцениваются по достоинству. Особенно остро в одобрении членов семьи нуждаются мужчины, которые не удовлетворены своими отцовскими качествами.

Третий фактор – «*удовлетворенность семейной жизнью*», описывающий 11,55% всех дисперсий, состоит из трёх переменных: *ощущение самопожертвования* ($r=-0,82$, $p=0,01$), *раздражительность* ($r=-0,77$, $p=0,01$), *зависимость от семьи* ($r=-0,71$, $p=0,01$). Все переменные, входящие в фактор, показывают с ним обратную связь. А значит при позитивном восприятии себя как семьянина мужчина не испытывает зависимости от семьи, не ощущает себя жертвой обстоятельств и не чувствует раздражительности в процессе взаимодействия с другими членами семьи.

Четвертый фактор – «*саморуководство*», описывающий 9,38% всех дисперсий, составили следующие переменные: *саморуководство* ($r=0,76$, $p=0,01$), *самоуважение* ($r=0,72$, $p=0,01$) и *самопонимание* ($r=0,70$, $p=0,01$). Мужчины опираются на свои ценности и предпочтения при построении отношений в семье и уважительно относятся к себе как семьянину, когда понимают себя и свои поведенческие проявления в семье.

Пятый фактор – «*самоинтерес*», описывающий 7,66% всех дисперсий, представлен двумя переменными: *самоинтерес* ($r=0,88$, $p=0,01$) и *самопринятие* ($r=0,60$, $p=0,01$). Фактор отражает степень интереса мужчин к своему внутреннему миру и их чувства в адрес собственного «Я». Мужчинам важно испытывать чувство симпатии к себе, согласие со своими внутренними побуждениями, принимать себя такими, какие есть, несмотря на недостатки и трудности в семейной жизни.

Таким образом, *содержание эмоционального компонента семейного самосознания мужчины* составляют его отношение к себе как члену семьи, самооценка мужчиной своих поведенческих и эмоциональных проявлений в семье. Наиболее значимыми факторами, наполняющими эмоциональный компонент семейного самосознания мужчины, являются «аутосимпатия» (32,41%), «ожидание позитивного отношения от членов семьи» (16,12%) и «удовлетворенность семейной жизнью» (11,55%). Формированию позитивного самоотношения способствуют внутренне недифференцированное чувство «за» самого себя как члена семьи, вера в себя и свои возможности, проявление интереса к собственным мыслям и чувствам, принятие и уважение себя таким, какой есть. При этом такая позитивная оценка себя как семьянина и отсутствие самообвинения в семейных трудностях может свидетельствовать или о поверхностной самооценке мужчин, или о наличии у них психологических защит, что, в свою очередь, может препятствовать адекватному восприятию семейной действительности и выстраиванию отношений с членами семьи.

Факторная структура поведенческого компонента семейного самосознания мужчины представлена восемью факторами, описывающими 60,27% от всех дисперсий: «противоречивая позиция в воспитании ребёнка» (16,60%), «гармоничные отношения с женой» (12,54%), «принятие роли отца» (6,64%), «негативные моменты супружеского общения» (6,42%), «партнерские отношения с ребёнком» (5,13%), «сформированные супружеские паттерны» (4,79%), «комплементарность семейных ролей» (4,69%), «делегирование ответственности за эмоциональный климат семьи» (3,46%).

Первый фактор – «противоречивая позиция в воспитании ребёнка», описывающий 16,60% всех дисперсий, составили следующие переменные: *развитие активности ребёнка* ($r=0,74, p=0,01$), *чрезмерное вмешательство в мир ребёнка* ($r=0,73, p=0,01$), *безучастность жены* ($r=0,70, p=0,01$), *излишняя строгость* ($r=0,70, p=0,01$), *чрезмерная забота* ($r=0,69, p=0,01$), *подавление сексуальности ребёнка* ($r=0,68, p=0,01$), *сверхавторитет родителей* ($r=0,68, p=0,01$), *доминирование отца* ($r=0,66, p=0,01$), *опасение обидеть* ($r=0,62, p=0,01$),

установление контакта с ребёнком ($r=0,58$, $p=0,01$). Все переменные, входящие в данный фактор, являются показателями детско-родительских отношений и отражают отношение мужчин к выполнению роли отца. Можно сделать вывод, что чрезмерная забота о ребёнке и вмешательство в его жизнь характерны для мужчин, принявших на себя роль ответственного за воспитание ребёнка при безучастности жены в воспитательном процессе. При таком распределении ролей мужчины чувствуют свою зависимость от семьи, жертвуя своими интересами во имя семьи, что приводит к невротическим проявлениям, выражающимся в излишней строгости по отношению к ребёнку и навязывании своего авторитета. При этом мужчины стремятся развивать активность ребёнка, чтобы освободиться от необходимости полностью посвящать себя воспитанию ребёнка.

Второй фактор – «гармоничные отношения с женой», описывающий 12,54% всех дисперсий, составили переменные: **лёгкость общения** ($r=0,81$, $p=0,01$), **психотерапевтичность общения** ($r=0,79$, $p=0,01$), **доверительность общения с позиции мужа** ($r=0,69$, $p=0,01$), **сходство во взглядах** ($r=0,69$, $p=0,01$), **воспитание детей** ($r=0,66$, $p=0,01$). В данный фактор вошли переменные, характеризующие супружеское общение и распределение ролей между мужем и женой. Можно сделать вывод, что гармоничность супружеских отношений определяется тем, насколько легко, психотерапевтично и доверительно происходит общение между супругами. Сходство во взглядах супругов и взаимопонимание между ними проявляется и в распределении обязанностей по воспитанию детей.

Третий фактор – «принятие роли отца», описывающий 6,64% всех дисперсий, представлен двумя противоположными переменными: **отношение к ребёнку опытного родителя** ($r=0,90$, $p=0,01$) и **невротические паттерны родительского отношения** ($r=-0,88$, $p=0,01$). Можно сделать вывод, что отец со сформированными родительскими паттернами принимает ребёнка таким, какой он есть, уважает его индивидуальность ребенка, с удовольствием проводит время вместе с ребёнком, поощряет инициативу и самостоятельность ребёнка, воспитание ребёнка доставляет ему радость.

Четвертый фактор – «*негативные моменты супружеского общения*», описывающий 6,42% всех дисперсий, составили переменные: *взаимопонимание с позиции мужа* ($r=-0,78$, $p=0,01$), *доверительность общения с позиции жены* ($r=-0,50$, $p=0,01$), *отношение к Другому профессионала* ($r=-0,48$, $p=0,01$). Данный фактор характеризует негативные тенденции не только в супружеском общении, но и в общении в профессиональной сфере, о чем свидетельствуют отрицательные связи фактора со всеми входящими в него переменными. На наш взгляд, личностные невротические особенности мужчин не позволяют им построить доверительные, основанные на взаимопонимании отношения с женой, что усугубляется ещё и невозможностью выстроить в профессиональной сфере адекватные отношения с коллегами.

Пятый фактор – «*партнерские отношения с ребёнком*», описывающий 5,13% всех дисперсий, представлен тремя переменными: *партнерские отношения с ребёнком* ($r=0,75$, $p=0,01$), *вербализация* ($r=0,67$, $p=0,01$), *уравненные отношения с ребёнком* ($r=0,60$, $p=0,01$). Можно сделать вывод, что отцы, устанавливающие партнёрские отношения с ребёнком, стремятся общаться с ним «на равных», побуждают ребёнка к словесным высказываниям. Ребёнок может обсудить с отцом любую волнующую тему.

Шестой фактор – «*сформированные супружеские паттерны*», описывающий 4,79% всех дисперсий, составили две противоположные переменные: *отношение к жене «хорошего семьянина»* ($r=0,80$, $p=0,01$), *невротические паттерны супружеского отношения* ($r=-0,77$, $p=0,01$). Для мужчины, считающего себя «хорошим семьянином», жизнь без семьи непривлекательна, он гордится своей женой, уважает её мнение, советуется с ней при принятии решения, может признать её правоту в спорных моментах.

Седьмой фактор – «*комплементарность семейных ролей*», описывающий 4,69% всех дисперсий, составили переменные: *роль хозяина/хозяйки* ($r=-0,70$, $p=0,01$), *материальное обеспечение семьи* ($r=-0,60$, $p=0,01$), *организация развлечений* ($r=-0,50$, $p=0,01$), *сексуальный партнер* ($r=-0,45$, $p=0,01$). Все переменные, составляющие данный фактор, характеризуют

распределение семейных ролей между мужем и женой. Меньшие значения по всем переменным показывают, что ответственным за выполнение этих ролей является муж. Таким образом, мужчины могут успешно выполнять не только традиционно мужские роли – сексуальный партнер и материальное обеспечение семьи, но и роли, связанные с ведением домашнего хозяйства и организацией досуга семьи.

Восьмой фактор – «делегирование ответственности за эмоциональный климат семьи», описывающий 3,46% всех дисперсий, составили две переменные: **эмоциональный климат в семье** ($r=0,81$, $p=0,01$) и **организация семейной субкультуры** ($r=0,61$, $p=0,01$). Обе переменные характеризуют распределение ролей между супругами, при этом большие значения по обеим переменным показывают, что ответственной за выполнение этих ролей является жена. Таким образом, для мужчин важен положительный эмоциональный климат в семье, заботу о котором берет на себя жена, так же, как и заботу о культурном развитии членов семьи.

Анализируя **факторную структуру поведенческого компонента семейного самосознания мужчины**, можно выделить наиболее значимые факторы, его наполняющие – «противоречивая позиция в воспитании ребёнка» (16,60%) и «гармоничные отношения с женой» (12,54%). Также стоит отметить следующую тенденцию – в самосознании мужчин супружеские и детско-родительские отношения отделены друг от друга – переменные, характеризующие супружеские и детско-родительские отношения, не встречаются вместе ни в одном из восьми выделенных факторов. Можно сделать вывод, что мужчины, оценивая свои поведенческие проявления в семье, разделяют оценку себя как мужа и как отца.

Описанные в данном параграфе данные позволили зафиксировать общие особенности семейного самосознания мужчины: противопоставление семейных, профессиональных ролей и хобби, парадоксальная идентификация, когнитивная простота (*когнитивный компонент*); аутосимпатия, ожидание позитивного отношения от членов семьи, удовлетворенность семейной жизнью (*эмоциональный компонент*); дифференцированность паттернов супружеских и детско-родительских отношений, противоречивость воспитательной позиции,

комплементарность семейных ролей, принятие ответственности за материальное благополучие семьи, делегирование психотерапевтических функций супруге (*поведенческий компонент*).

2.3. Особенности семейного самосознания мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье

Кроме анализа содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины, нами были изучены *значимые различия в семейном самосознании мужчин* в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье. Возраст респондентов не рассматривался нами в качестве параметра для сравнения, т. к. все респонденты по нему относятся к периоду взрослости.

Эта задача решалась с помощью однофакторного дисперсионного анализа. По стажу брака было выделено 3 группы респондентов: мужчины, состоящие в браке от 3 до 9 лет; от 10 до 19 лет и более 20 лет. Стаж отцовства рассчитывался по возрасту старшего ребёнка в семье; респонденты разделились на 4 группы: со стажем отцовства 1-3 года; 4-7 лет; 8-11 лет; 12-15 лет. Такое разделение соответствует представлениям о возрастной периодизации по Д. Б. Эльконину. По количеству детей все респонденты разделились на 3 группы: отцы единственного ребёнка, отцы двух детей и многодетные отцы, воспитывающие от 3 до 5 детей.

В результате были выявлены переменные, показывающие статистически значимые различия параметров содержательной наполненности семейного самосознания мужчин в зависимости от указанных факторов (стажа брака, стажа отцовства и количества детей). Общая таблица результатов дисперсионного анализа представлена в Приложении Г.

В *когнитивном компоненте семейного самосознания мужчины* были выявлены 6 переменных, показавших статистически значимые различия в зависимости от указанных параметров. Так, с увеличением количества детей в

семье, мужчины чувствуют себя более счастливыми в семейной жизни ($F=4,56$, $p=0,01$) и в большей степени идентифицируют себя с идеальным мужчиной ($F=8,62$, $p=0,01$). Можно сделать вывод, что воспитание детей является значимым для мужчин и от реализации в отцовстве зависит отношение мужчины к себе как семьянину. На идентификацию с идеальным мужчиной также влияет и стаж брака ($F=5,35$, $p=0,01$), при этом степень идентификации снижается при переходе через 10-летний рубеж совместной жизни и резко возрастает при преодолении 20-летнего рубежа.

Интересной, на наш взгляд, является зависимость когнитивной дифференцированности от стажа отцовства ($F=3,77$, $p=0,01$) и стажа брака ($F=3,37$, $p=0,04$). При увеличении стажа отцовства увеличивается и многомерность восприятия мужчинами семейной сферы. Более опытные отцы точнее воспринимают все особенности личности других людей, четко отделяют себя от других, могут прогнозировать поведение других людей. Та же тенденция наблюдается и при увеличении стажа брака, однако мужчины, живущие в браке больше 20 лет, склонны к восприятию других людей по привычным шаблонам и меньше обращают внимание на тонкости поведения других людей.

Конфликтность семейной сферы также зависит от указанных параметров. Сложность совмещения внутрисемейных ролей постепенно увеличивается при увеличении стажа отцовства ($F=2,94$, $p=0,04$) и увеличении количества детей ($F=3,26$, $p=0,04$), при этом отцы подростков и многодетные отцы могут более успешно совмещать выполнение разных семейных ролей.

Конфликтность при выполнении семейных и профессиональных ролей, семейных и дружеских ролей также постепенно снижается при увеличении стажа брака ($F=3,67$, $p=0,03$ и $F=6,34$, $p=0,01$) и стажа отцовства ($F=5,50$, $p=0,01$ и $F=3,88$, $p=0,01$). Это является вполне закономерным, т. к. с опытом семейной жизни, происходит установление ролевой структуры семьи и норм внутрисемейного взаимодействия.

В эмоциональном компоненте семейного самосознания мужчины были выявлены 4 переменных, значения которых статистически отличаются в

зависимости от указанных параметров. Обращает на себя внимание, что глобальное самоотношение и самоуверенность при общей тенденции роста в зависимости от стажа брака ($F=5,37$, $p=0,01$ и $F=5,15$, $p=0,01$) и стажа отцовства ($F=2,96$, $p=0,04$) резко снижаются при достижении 20-летнего рубежа супружества и при достижении детьми подросткового возраста. На наш взгляд, это связано с тем, что данный период супружества и отцовства приходится на так называемый «кризис среднего возраста», когда у мужчин происходит переоценка себя, в том числе как семьянина, что может вызвать ослабление уверенности в себе и общего чувства «за» самого себя как члена семьи.

Также интересным является то, что более всего позитивного отношения к себе ожидают многодетные отцы ($F=5,05$, $p=0,01$). Кроме повышения собственного ощущения счастья в семейной жизни при увеличении количества детей, мужчине также важно получать позитивную оценку себя как многодетного отца.

Самопонимание у мужчин растет по мере увеличения стажа брака ($F=3,62$, $p=0,03$). Это объясняется тем, что опыт семейной жизни дает мужчине возможность увидеть свои разнообразные поведенческие проявления и реакции, а, следовательно, и лучше разобраться в своих мотивах и причинах тех или иных реакций в семейном взаимодействии.

В поведенческом компоненте семейного самосознания мужчины было выявлено наибольшее количество переменных, показавших статистически значимые различия в зависимости от рассматриваемых параметров. Так, на сформированность родительских паттернов влияет как стаж брака ($F=4,32$, $p=0,02$), так и стаж отцовства ($F=2,94$, $p=0,04$). При этом невротические паттерны родительского отношения снижаются по мере увеличения стажа отцовства ($F=4,76$, $p=0,01$), что является вполне закономерным. Интересно, что на формирование положительных ($F=3,16$, $p=0,03$ и $F=7,14$, $p=0,01$) и сокращение невротических супружеских паттернов ($F=6,02$, $p=0,01$) влияет не стаж брака, а стаж отцовства и количество детей в семье.

Распределение ролей между мужем и женой также зависит от стажа брака и стажа отцовства. При этом только распределение роли по ведению домашнего

хозяйства зависит от стажа брака ($F=4,16$, $p=0,02$) – если в начале семейной жизни домашними делами занимаются преимущественно жены, то с увеличением стажа брака мужчины более активно включаются в выполнение домашних дел. Включенность мужчины в организацию развлечений зависит от возраста детей ($F=3,32$, $p=0,02$), при этом более активно выполняют эту роль отцы подростков. Также по мере взросления детей ответственность мужчин за материальное обеспечение семьи увеличивается ($F=5,70$, $p=0,01$), что обусловливается, на наш взгляд, как увеличивающимися потребностями семьи, так и повышающимися возможностями для профессиональной самореализации.

Среди параметров, характеризующих супружеское общение, значимые различия в зависимости от стажа брака показывает доверительность общения с позиции жены ($F=3,85$, $p=0,02$), при этом более всего доверяют респондентам жены в семьях со стажем брака от 10 до 19 лет. Легкость общения супругов увеличивается при переходе от однодетной семьи к многодетной ($F=3,31$, $p=0,04$). На наш взгляд, это вполне закономерно, т. к. для гармоничного функционирования многодетной семьи супруги должны уметь конструктивно решать любые вопросы, касающиеся семейной сферы.

Различия в семейном самосознании мужчин в сфере детско-родительских отношений зависят не только от стажа отцовства и количества детей в семье, но и от стажа супружества. Параметром, показавшим зависимость от всех трёх указанных факторов, является стремление отца ускорить развитие ребёнка. Данный показатель снижается при увеличении стажа брака ($F=7,96$, $p=0,01$) и при увеличении количества детей в семье ($F=4,64$, $p=0,01$). Кроме этого при общей тенденции к снижению при увеличении стажа отцовства ($F=4,84$, $p=0,01$) более всего ускорить развитие ребёнка хотят отцы подростков. Это может быть связано с тем, что отцы хотят поскорее пережить сложности подросткового возраста своих детей.

Чрезмерная забота о детях снижается по мере их взросления ($F=4,46$, $p=0,01$) и при увеличении стажа брака ($F=4,72$, $p=0,01$). Таким образом, по мере взросления детей, отцы выбирают соответствующие возрасту детей стратегии родительского поведения и поддерживают увеличивающуюся самостоятельность детей.

Стаж отцовства влияет на такие параметры детско-родительских отношений, как доминирование отца в воспитании ($F=3,41$, $p=0,02$), безучастность жены ($F=4,79$, $p=0,01$) и уравненные отношения с ребёнком ($F=6,33$, $p=0,01$). Указанные закономерности можно объяснить следующим: доминирование отца в воспитании и безучастность матери являются взаимоисключающими параметрами, и при снижении доминирования отца, повышается включенность матери в воспитательный процесс, равно как и наоборот. Тенденция к уравненным отношениям с ребёнком меньше всего проявляется в отношении детей 1-3 лет, достигает максимума в возрасте 4-7 лет, а затем постепенно снижается к подростковому возрасту.

Также можно отметить тенденции, отличающие поведение отца в однодетных и многодетных семьях. Несамостоятельность отцов в воспитательных воздействиях растет при переходе от однодетной к многодетной семье и более всего характерна для многодетных отцов ($F=4,39$, $p=0,01$). На наш взгляд, это объясняется тем, что воспитание трёх и более детей требует больших усилий от родителей как по обеспечению функционирования семьи и организации быта, так и по необходимости уделять время каждому из детей и подбирать стратегию родительского поведения в соответствии с возрастом каждого ребёнка. Совместно у родителей это получается лучше, чем по одиночке.

Кроме этого, по мере увеличения количества детей в семье увеличивается и опора на родительский авторитет при воспитательных воздействиях ($F=3,26$, $p=0,04$), а также в большей степени подавляется агрессивность детей ($F=4,38$, $p=0,01$). На наш взгляд, это объясняется тем, что эффективное семейное взаимодействие в многодетной семье строится именно на авторитете родителей, а также на умении сиблингов договариваться между собой без проявления агрессии, чему и учат их родители, стимулируя конструктивное решение возникающих конфликтов.

Стоит отметить, что рассмотренное влияние таких факторов, как стаж брака, стаж отцовства и количество детей в семье, на параметры семейного самосознания мужчины не является исчерпывающим. Существует множество других факторов,

от которых зависит сформированность семейного самосознания мужчины и его проявление в семейном взаимодействии – опыт родительской семьи, особенности культурного и общественного строя, внутриличностные детерминанты и т. д. Все они являются предметом отдельного научного исследования.

Подводя итоги качественного и количественного анализа содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины, можно сделать следующие выводы:

- семья занимает значимое место в сознании мужчины, расширяет возможности для его самореализации, позволяя мужчине обеспечивать благосостояние семьи, проявлять заботу о близких, проявлять и получать любовь и поддержку родных;

- при этом многие мужчины имеют внутренние противоречия между выполнением нескольких семейных ролей или между выполнением семейных и других ролей (профессиональных, дружеских, хобби), что обуславливает необходимость психологического сопровождения семейного самосознания мужчины с целью его гармонизации;

- проведенный анализ факторной структуры когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов семейного самосознания мужчины подтвердил уникальность содержательной наполненности каждого из них и позволил выделить элементы, образующие содержательную основу каждого компонента;

- выявлено, что доминирующая роль в семейном самосознании мужчины принадлежит супружеским отношениям, а отношение мужчины к себе как семьянину определяется самореализацией в отцовстве;

- проведенный однофакторный дисперсионный анализ показал значимые различия в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье.

2.4. Типологические особенности мужчин, отражающие специфику их семейного самосознания

Одной из задач нашего исследования являлась эмпирическая верификация типологии, позволяющая описать типы мужчин, отражающие особенности их семейного самосознания. Для этого нами были использованы возможности кластерного и факторного анализа.

На первом этапе статистической обработки ко всему массиву исходных данных применялся кластерный анализ (метод Уорда), позволяющий разделить выборку на качественно однородные группы (рисунок 9). В результате было выявлено 3 группы респондентов, в каждую из которых вошло от 38 до 42 человек.

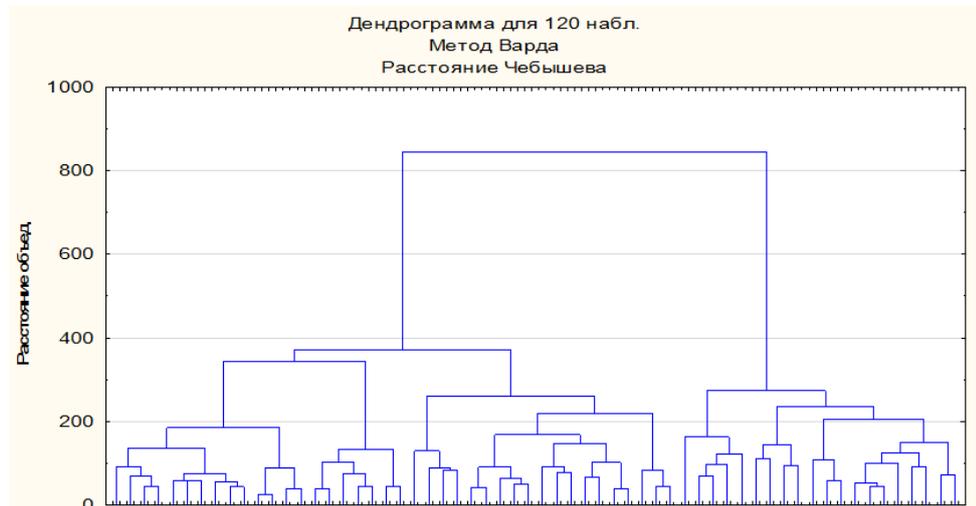

Рисунок 9. Распределение выборки по результатам кластерного анализа

На втором этапе исходные переменные респондентов каждой группы для выявления и объяснения взаимосвязи между ними по единой методической процедуре подверглись факторному анализу (метод главных компонент, варимакс-вращение). На основании критериев Кайзера и Кеттелла («каменистая осыпь») в каждой группе были выделены факторы, рассмотренные как причины совместной изменчивости входящих в них переменных, что позволило выделить и описать факторную структуру трёх типов мужчин.

При анализе типологических особенностей [15] учитывались вес факторов и содержательная наполненность каждого из них. Каждый тип имеет разную количественную представленность в выборке и описывает различные варианты

комбинаций элементов содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины.

Для определения границы интерпретируемости факторных нагрузок использовались данные А. Л. Комри, рассматривающего нагрузки, превышающие 0,71 как превосходные, 0,63 – очень хорошие, 0,55 – хорошие, 0,45 – удовлетворительные, 0,32 – слабые [31]. Значения ниже 0,55 при выделении факторной структуры типов нами не учитывались.

На рисунке 10 представлено распределение выборки респондентов по типам.

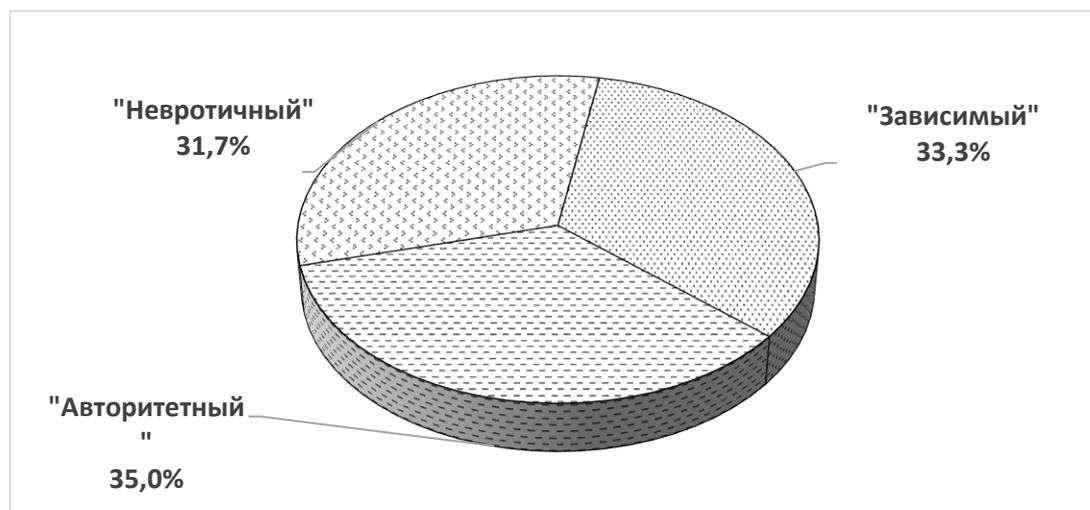

Рисунок 10. Распределение выборки мужчин по типам

В таблицах 1-3 Приложения Д представлены факторные структуры, характеризующие особенности семейного самосознания трёх типов мужчин: «авторитетного», «невротичного», «зависимого».

Первый тип (35% выборки) получил название *«Авторитетный»*. Факторная структура семейного самосознания мужчин данного типа представлена семью факторами, описывающими 65,09% от всех дисперсий: «главенствующая роль отца в воспитании» (16,79%), «позитивное глобальное самоотношение» (10,49%), «духовная близость с женой» (9,47%), «саморуководство» (7,97%), «уверенность в отцовской позиции» (7,42%), «ощущение себя счастливым в семейной жизни» (6,96%), «принятие ответственности за семейные отношения» (5,99%) (таблица 1 Приложения Д).

Первый фактор – *«главенствующая роль отца в воспитании»*, описывающий 16,79% всех дисперсий, составили следующие переменные:

сверхавторитет родителей ($r=0,82$, $p=0,01$), *безучастность жены* ($r=-0,80$, $p=0,01$), *доминирование отца* ($r=0,80$, $p=0,01$), *установление контакта с ребёнком* ($r=0,78$, $p=0,01$), *создание безопасности* ($r=0,76$, $p=0,01$), *подавление сексуальности ребёнка* ($r=0,72$, $p=0,01$), *несамостоятельность отца* ($r=-0,72$, $p=0,01$), *исключение внесемейных влияний* ($r=0,71$, $p=0,01$). Мужчины данного типа занимают главенствующую роль в вопросах воспитания ребёнка и выстраивают с ребёнком доверительные отношения. Стараясь обезопасить ребёнка от внешних влияний, такие отцы ограничивают ребёнка воспитательными рамками семьи и подавляют развитие его сексуальности, используя для этого свою сверхавторитетную позицию в семье. Такие отцы самостоятельно могут решить все вопросы, связанные с развитием ребёнка.

Второй фактор – *«позитивное глобальное самоотношение»*, описывающий 10,49% всех дисперсий, составили следующие переменные: *глобальное самоотношение* ($r=0,82$, $p=0,01$), *самоуверенность* ($r=0,79$, $p=0,01$), *аутосимпатия* ($r=0,74$, $p=0,01$), *самоуважение* ($r=0,70$, $p=0,01$). Данный фактор составили переменные, раскрывающие содержание внутренне недифференцированного чувства «за» самого себя как члена семьи у мужчин. Для авторитетных мужчин характерна вера в себя и свои возможности, принятие и уважение себя таким, какой есть, уверенность в своих поведенческих проявлениях в семье.

Третий фактор – *«духовная близость с женой»*, описывающий 9,47% всех дисперсий, составили переменные: *общие символы* ($r=0,83$, $p=0,01$), *взаимопонимание с позиции жены* ($r=0,70$, $p=0,01$), *сходство во взглядах супругов* ($r=0,66$, $p=0,01$), *доверительность общения с позиции мужа* ($r=0,63$, $p=0,01$). В данный фактор вошли переменные, раскрывающие отдельные стороны супружеского общения. Можно сделать вывод, что такие мужчины выстраивают с женой гармоничные отношения, основанные на доверии и взаимопонимании. Кроме этого, взгляды супругов на жизнь совпадают, что выражается в наличии только им понятых слов и символов, используемых в общении друг с другом и способствующих укреплению их супружеского союза.

Четвертый фактор – «*саморуководство*», описывающий 7,97% всех дисперсий, составили следующие переменные: *саморуководство* ($r=0,82$, $p=0,01$), *партнерские отношения с ребёнком* ($r=0,82$, $p=0,01$), *семейные конфликты* ($r=-0,71$, $p=0,01$). На одном полюсе данного фактора находятся переменные, характеризующие то, как мужчины выстраивают семейное взаимодействие, а на другом полюсе расположен показатель конфликтности в семье. Таким образом, мужчины данного типа опираются на собственные убеждения и ценности при выборе стратегии поведения в семье. Это является основой для партнерских отношений отцов и детей, и в целом обеспечивает низкий уровень конфликтности в семьях.

Пятый фактор – «*уверенность в отцовской позиции*», описывающий 7,42% всех дисперсий, составили следующие переменные: *когнитивная дифференцированность* ($r=0,85$, $p=0,01$), *невротические паттерны родительского отношения* ($r=-0,79$, $p=0,01$), *амбивалентность идентификации* ($r=0,75$, $p=0,01$), *отношение к ребёнку опытного родителя* ($r=0,75$, $p=0,01$), *коэффициент идентификации* ($r=0,69$, $p=0,01$). Данный фактор также является биполярным, на одном его полюсе находятся показатели отношения мужчины к себе как члену семьи, а также показатели, отражающие сформированные родительские паттерны. На другом полюсе находятся противоположные показатели, характеризующие негативные паттерны родительского отношения. Таким образом, оценивая себя как отца, мужчины используют расширенную систему конструкторов и склонны идентифицировать себя с нравящимися им людьми, которых они считают хорошими воспитателями. Такие мужчины принимают ребёнка во всех его проявлениях, уважают индивидуальность ребёнка, с удовольствием проводят время вместе с ребёнком, поощряют инициативу и самостоятельность ребёнка. Воспитание ребёнка доставляет отцам радость.

Шестой фактор – «*ощущение себя счастливым в семейной жизни*», описывающий 6,96% всех дисперсий, составили следующие переменные: *степень идентификации со счастливым мужчиной* ($r=0,65$, $p=0,01$), *самоинтерес* ($r=-0,65$, $p=0,01$), *конфликт семейных ролей и хобби* ($r=0,63$, $p=0,01$), *конфликт*

семейных и дружеских ролей ($r=0,62$, $p=0,01$), *степень идентификации с идеальным мужчиной* ($r=0,61$, $p=0,01$), *конфликт семейных и профессиональных ролей* ($r=0,59$, $p=0,01$), *степень идентификации с несчастным мужчиной* ($r=-0,58$, $p=0,01$). Мужчины данного типа, оценивая себя как члена семьи, в большей степени идентифицируют себя со счастливым и идеальным мужчиной. При этом они не проявляют особенного интереса к своему внутреннему миру. Такие мужчины не считают себя несчастными в семейной жизни, несмотря на то, что порой испытывают сложности при совмещении семейных ролей с профессиональными, дружескими ролями и занятиями хобби. На наш взгляд, они способны конструктивно разрешить конфликтную ситуацию с учетом интересов всех членов семьи.

Седьмой фактор – «*принятие ответственности за семейные отношения*», описывающий 5,99% всех дисперсий, составили следующие переменные: *самообвинение* ($r=0,89$, $p=0,01$), *ожидаемое отношение от других* ($r=0,81$, $p=0,01$), *психотерапевтичность общения* ($r=-0,60$, $p=0,01$). Принимая свою ответственность за функционирование семьи, мужчины ищут причины возникающих в семье трудностей и конфликтов, в первую очередь, в себе. Им важно быть уверенными, что усилия, направленные ими на реализацию семейных функций, положительно оцениваются другими членами семьи. При этом ценность психотерапевтичности супружеского общения для мужчин не велика, что подтверждает их уверенную позицию в семейной сфере.

Таким образом, *мужчины, отнесенные к авторитетному типу*: успешно выполняют семейные роли; характеризуются духовной близостью с женой; занимают ведущую роль в воспитании ребёнка и обладают четкой воспитательной позицией; положительно оценивают себя как семьянина; ощущают себя счастливыми в семейной жизни, несмотря на то, что порой испытывают сложности при совмещении семейных ролей с профессиональными, дружескими ролями и занятиями хобби; несут ответственность не только за себя и свои поступки, но и за успешное функционирование семьи в целом.

Второй тип (31,7% выборки) получил название «*Невротичный*». Факторная структура семейного самосознания мужчин данного типа, представлена восемью факторами, описывающими 72,48% от всех дисперсий: «раздражительность» (15,22%), «конфликт семейных ролей» (12,00%), «сложности в общении с женой» (10,23%), «рассогласованность «Я-концепции» (8,62%), «негативное переживание отцовства» (7,67%), «отсутствие доверия в супружеском общении» (6,75%), «ожидание позитивного отношения от членов семьи» (6,14%), «негативное отношение к жене» (5,85%) (таблица 2 Приложения Д).

Первый фактор – «раздражительность», описывающий 15,22% всех дисперсий, составили следующие переменные: *раздражительность* ($r=0,73$, $p=0,01$), *конфликт семейных и профессиональных ролей* ($r=0,72$, $p=0,01$), *излишняя строгость* ($r=0,69$, $p=0,01$), *безучастность жены* ($r=0,69$, $p=0,01$), *подавление агрессивности* ($r=0,68$, $p=0,01$), *установление контакта с ребёнком* ($r=0,66$, $p=0,01$), *подавление сексуальности ребёнка* ($r=0,65$, $p=0,01$), *доминирование отца* ($r=0,60$, $p=0,01$), *развитие активности ребёнка* ($r=0,58$, $p=0,01$), *чрезвычайное вмешательство в мир ребёнка* ($r=0,58$, $p=0,01$), *стремление ускорить развитие ребёнка* ($r=0,57$, $p=0,01$). Все переменные, входящие в фактор, являются показателями качества детско-родительских отношений. Можно утверждать, что мужчины данного типа, с одной стороны, активно включены в воспитательный процесс и занимают в нём доминирующую роль при неучастии жены. С другой стороны, такая включенность в воспитание способствует возникновению конфликта в одновременной реализации семейных функций и профессиональных ролей. Это выливается в то, что мужчины испытывают раздражительность в семье, предъявляют к ребёнку повышенные требования, чрезмерно строги в общении с ребёнком и стремятся ускорить его развитие. Пытаясь установить контакт с ребёнком, отцы чрезмерно вмешиваются в его жизнь, подавляя его сексуальность и не позволяя ребёнку проявлять агрессивность. Всё это свидетельствует об отсутствии у них уверенной позиции в воспитании.

Второй фактор – «*конфликт семейных ролей*», описывающий 12,00% всех дисперсий, составили следующие переменные: *конфликт семейных ролей* ($r=0,75$, $p=0,01$), *несамостоятельность отца* ($r=0,65$, $p=0,01$), *сходство во взглядах супругов* ($r=-0,65$, $p=0,01$), *самопонимание* ($r=0,61$, $p=0,01$), *партнерские отношения с ребёнком* ($r=-0,61$, $p=0,01$), *конфликт семейных ролей и хобби* ($r=0,58$, $p=0,01$), *самоинтерес* ($r=0,57$, $p=0,01$), *самообвинение* ($r=0,56$, $p=0,01$). Такие мужчины испытывают трудности при выполнении роли мужа и отца, а также противопоставляют семью и возможности для занятия хобби. В отношениях с ребёнком отцы не чувствуют себя уверенно, в связи с чем не могут построить с ребёнком партнёрских отношений. Кроме этого, взгляды супругов на семейные отношения во многом расходятся. Проявляя интерес к своему внутреннему миру, мужчины понимают причины своих состояний и поведенческих реакций и склонны искать причины возникающих семейных трудностей, в первую очередь, в себе.

Третий фактор – «*сложности в общении с женой*», описывающий 10,23% всех дисперсий, составили переменные: *психотерапевтичность общения* ($r=-0,88$, $p=0,01$), *воспитание детей* ($r=-0,80$, $p=0,01$), *легкость общения* ($r=-0,69$, $p=0,01$), *самопринятие* ($r=-0,65$, $p=0,01$), *неудовлетворенность ролью отца* ($r=0,60$, $p=0,01$), *взаимопонимание супругов* ($r=-0,56$, $p=0,01$), *исключение внесемейных влияний* ($r=0,56$, $p=0,01$). Данный фактор включает три параметра, отражающие негативные тенденции, характеризующие супружеское общение. В общении с женой у таких мужчин отсутствует взаимопонимание, супругам сложно находить общий язык, мужчины не имеют возможности выговориться и получить понимание и поддержку от жены. В детско-родительских отношениях мужчины, с одной стороны, стремятся быть ответственными за воспитание детей, а, с другой стороны, не удовлетворены собой в роли отца. Кроме этого, такие мужчины ограничивают контакты ребёнка, не допуская влияния внешних обстоятельств на воспитательный процесс.

Четвертый фактор – «*рассогласованность «Я-концепции»*», описывающий 8,62% всех дисперсий, составили следующие переменные: *амбивалентность идентификации* ($r=-0,84$, $p=0,01$), *эмоциональный климат в*

семье ($r=-0,78$, $p=0,01$), *когнитивная дифференцированность* ($r=-0,75$, $p=0,01$), *коэффициент идентификации* ($r=-0,68$, $p=0,01$), *невротические паттерны профессионального отношения к Другому* ($r=-0,60$, $p=0,01$), *уровненные отношения с ребёнком* ($r=-0,56$, $p=0,01$). Данный фактор также характеризуется отрицательными связями с переменными, его составляющими. Оценивая себя как члена семьи, мужчины используют ограниченную систему конструкторов, не стремясь уловить все нюансы в собственном поведении и в поведении других членов семьи, при этом они склонны сравнивать себя с теми, кто им не нравится. На наш взгляд, такая парадоксальная идентификация может быть связана с внутренним кризисом, вызванным рассогласованием между Я-реальным и Я-идеальным. При этом такие мужчины считают себя ответственными за эмоциональный климат в семье. Склонность к обособлению от других членов семьи проявляется в нежелании быть с ребёнком «на равных».

Пятый фактор – «*негативное переживание отцовства*», описывающий 7,67% всех дисперсий, составили следующие переменные: *степень идентификации с отцом* ($r=-0,82$, $p=0,01$), *отношение к ребёнку опытного родителя* ($r=-0,73$, $p=0,01$), *невротические паттерны родительского отношения* ($r=0,73$, $p=0,01$), *степень идентификации с идеальным мужчиной* ($r=-0,60$, $p=0,01$). Все переменные, входящие в фактор, характеризуют несформированность родительской позиции у таких мужчин. Им свойственно испытывать негативные чувства по отношению к своему ребёнку, считать, что ребёнок не приспособлен к жизни. Мужчины или стремятся удовлетворить все потребности ребёнка, считая себя с ним единым целым, или, наоборот, требуют от ребёнка безоговорочного послушания, навязывая свою точку зрения. Осознавая, что их поведение с ребёнком далеко от идеала, не перенимают воспитательный опыт собственного отца.

Шестой фактор – «*отсутствие доверия в супружеском общении*», описывающий 6,75% всех дисперсий, составили следующие переменные: *доверительность общения с позиции жены* ($r=-0,74$, $p=0,01$), *роль хозяина/хозяйки* ($r=-0,73$, $p=0,01$), *степень идентификации со счастливым*

мужчиной ($r=0,66$, $p=0,01$), *организация развлечений* ($r=-0,61$, $p=0,01$). По двум переменным, характеризующим распределение ролей в семье, уменьшение значений говорит о том, что ответственным за выполнение этих ролей является муж. Таким образом, мужчины данного типа являются ответственными за хозяйственно-бытовые дела и организацию досуга семьи. При этом доверительность общения с позиции жены низкая, что не мешает мужчинам чувствовать себя счастливыми в семейной жизни.

Седьмой фактор – «*ожидание позитивного отношения от членов семьи*», описывающий 6,14% всех дисперсий, составили следующие переменные: *ожидаемое отношение от других* ($r=0,87$, $p=0,01$), *доверительность общения с позиции мужа* ($r=0,68$, $p=0,01$), *саморуководство* ($r=0,66$, $p=0,01$), *самоинтерес* ($r=0,58$, $p=0,01$), *аутосимпатия* ($r=-0,56$, $p=0,01$). Мужчины данного типа при построении семейного взаимодействия опираются на собственные представления и принципы. Проявляя интерес к своему внутреннему миру, они не испытывают глубокой симпатии к себе как члену семьи. При этом они полностью доверяют жене и ожидают, что их усилия, направленные на реализацию семейных функций, положительно оцениваются другими членами семьи.

Восьмой фактор – «*негативное отношение к жене*», описывающий 5,85% всех дисперсий, составили следующие переменные: *отношение к жене «хорошего семьянина»* ($r=-0,86$, $p=0,01$), *невротические паттерны супружеского отношения* ($r=0,79$, $p=0,01$), *самоуважение* ($r=0,73$, $p=0,01$), *самоуверенность* ($r=0,68$, $p=0,01$). Биполярность фактора свидетельствует о том, что такие мужчины, уважая себя как члена семьи и будучи уверенными в себе, проявляют невротические паттерны в супружеском отношении – либо не видят ничего положительного в семейной жизни, либо ощущают, что жизнь в семье не зависит от их воли.

Таким образом, *мужчины, отнесенные к невротичному типу*: противоречивы, конфликтны, не удовлетворены распределением ролей в семье, однако осознавая ответственность за функционирование семьи, вынуждены брать на себя большинство семейных ролей; противопоставляют роли мужа и отца;

в отношениях с женой отсутствует взаимопонимание; тяготятся ролью отца, в общении с ребёнком проявляют авторитарность; не испытывают симпатии к себе как семьянину, но ожидают позитивного отношения от родных; несмотря на преобладание невротических паттернов в отношениях с женой и ребёнком, жизнь без семьи воспринимают непривлекательной; неудачи в семье компенсируют профессиональным развитием.

Третий тип (33,3% выборки) получил название «*Зависимый*». Факторная структура семейного самосознания мужчин данного типа представлена восемью факторами, описывающими 68,08% от всех дисперсий: «самопожертвование» (14,19%), «несформированность профессиональных паттернов» (12,14%), «негативные проявления в отношении ребёнка» (8,83%), «ожидание позитивного отношения от членов семьи» (8,44%), «конфликт семейных и дружеских ролей» (7,88%), «потребность в поддержке жены» (5,93%), «когнитивная сложность и запрет словесных высказываний» (5,45%), «выраженный самоинтерес» (5,23%).

Первый фактор – «самопожертвование», описывающий 14,19% всех дисперсий, составили следующие переменные: *ощущение самопожертвования* ($r=0,77$, $p=0,01$), *опасение обидеть* ($r=0,76$, $p=0,01$), *развитие активности ребёнка* ($r=0,75$, $p=0,01$), *доминирование отца* ($r=0,73$, $p=0,01$), *излишняя строгость* ($r=0,68$, $p=0,01$), *чрезмерная забота* ($r=0,65$, $p=0,01$), *зависимость от семьи* ($r=0,62$, $p=0,01$). Мужчины данного типа ограничивают круг своих интересов только семейной сферой, при этом чувствуют свою зависимость от семьи и ощущают, что жертвуют чем-то важным ради семьи. Занимая доминирующую позицию в воспитании, такие мужчины характеризуются непоследовательной воспитательной позицией. С одной стороны, они чрезмерно строги в своих требованиях к ребёнку, с другой стороны – боятся обидеть ребёнка, стараются не создавать конфликтных моментов в воспитании. Также они стараются развивать активность ребёнка, при этом проявляют излишнюю заботу о нём, ограничивая тем самым возможности для усвоения ребёнком нового опыта.

Второй фактор – «несформированность профессиональных паттернов», описывающий 12,14% всех дисперсий, составили следующие переменные:

отношение к Другому профессионала ($r=-0,79$, $p=0,01$), *невротические паттерны профессионального отношения к Другому* ($r=0,76$, $p=0,01$), *саморуководство* ($r=-0,70$, $p=0,01$), *установление контакта с ребёнком* ($r=0,65$, $p=0,01$), *самообвинение* ($r=-0,65$, $p=0,01$), *раздражительность* ($r=0,64$, $p=0,01$), *самопринятие* ($r=0,57$, $p=0,01$). Данный фактор показывает существование у таких мужчин невротических паттернов профессионального отношения, которые могут выражаться в чрезмерном конформизме или, наоборот, жесткости по отношению к другим, а также в неадекватной зависимости от других или попытках изоляции от других людей. Оценивая себя как члена семьи, эти мужчины полностью принимают свою позицию и поведенческие проявления в семье, уверены в своем отношении к реализации различных семейных ролей, при этом они не склонны искать причины неудач в семье в себе и не опираются на собственные принципы и предпочтения при построении взаимодействия в семье. У таких отцов налажен хороший контакт с ребёнком, но в то же время они часто испытывают раздражительность по отношению к нему. Можно предположить, что эти мужчины отношения с ребёнком расценивают как препятствие для профессионального развития.

Третий фактор – «*негативные проявления в отношении ребёнка*», описывающий 8,83% всех дисперсий, составили следующие переменные: *подавление сексуальности ребёнка* ($r=0,72$, $p=0,01$), *общие символы семьи* ($r=0,72$, $p=0,01$), *коэффициент идентификации* ($r=-0,70$, $p=0,01$), *невротические паттерны родительского отношения* ($r=0,66$, $p=0,01$), *степень идентификации с несчастным мужчиной* ($r=-0,64$, $p=0,01$), *самопонимание* ($r=0,64$, $p=0,01$), *самоуважение* ($r=0,63$, $p=0,01$). Для таких мужчин характерно наличие невротических паттернов родительского отношения, т. е. они преимущественно испытывают негативные эмоции по отношению к ребёнку, требуют от него безоговорочного послушания и навязывают во всем свою точку зрения. В частности, это проявляется в подавлении сексуальности ребёнка. Негативные поведенческие тенденции, перечисленные выше, не являются основанием для того, чтобы считать себя несчастными в семейной жизни. Наоборот, понимая свои

личностные особенности и их проявления в семейном взаимодействии, эти мужчины проявляют уважение к себе как члену семьи. Отношения с женой у таких мужчин являются более гармоничными, чем детско-родительские, о чем свидетельствует наличие общих символов, т. е. своего, понятного только супругам, языка и традиций. Оценивая себя как члена семьи, они обособляют себя от других, выделяют характеристики, которые, по их мнению, свойственны только им.

Четвертый фактор – *«ожидание позитивного отношения от членов семьи»*, описывающий 8,44% всех дисперсий, составили следующие переменные: *ожидаемое отношение от других* ($r=0,81$, $p=0,01$), *отношение к жене «хорошего семьянина»* ($r=0,66$, $p=0,01$), *конфликт семейных и профессиональных ролей* ($r=0,63$, $p=0,01$). Несмотря на выраженный конфликт при совмещении семейных и профессиональных ролей, у таких мужчин сформированы позитивные супружеские паттерны. Супружеские отношения являются важными для них, а жизнь вне семьи – непривлекательна. Выполняя различные семейные функции, такие мужчины ожидают, что все их усилия будут оценены положительно.

Пятый фактор – *«конфликт семейных и дружеских ролей»*, описывающий 7,88% всех дисперсий, составили следующие переменные: *конфликт семейных и дружеских ролей* ($r=0,81$, $p=0,01$), *глобальное самоотношение* ($r=0,71$, $p=0,01$), *конфликт семейных ролей* ($r=0,60$, $p=0,01$). Мужчины, с одной стороны, обладают выраженным недифференцированным чувством «за» самого себя как члена семьи, с другой – считают проблемным совмещение семейных и дружеских ролей, а также нескольких семейных ролей. При этом конфликтность семейной сферы не влияет на их позитивное отношение к себе как члену семьи.

Шестой фактор – *«потребность в поддержке»*, описывающий 5,93% всех дисперсий, составили следующие переменные: *доверительность общения с позиции мужа* ($r=0,78$, $p=0,01$), *психотерапевтичность общения* ($r=0,75$, $p=0,01$), *доверительность общения с позиции жены* ($r=0,68$, $p=0,01$), *легкость общения* ($r=0,65$, $p=0,01$), *организация семейной субкультуры* ($r=0,62$, $p=0,01$), *сходство во взглядах супругов* ($r=0,60$, $p=0,01$). Все переменные, входящие в

данный фактор, являются показателями благоприятных отношений с женой. Общение с женой у таких мужчин характеризуется доверительностью, легкостью, психотерапевтичностью, а также сходством супругов во взглядах.

Седьмой фактор – «когнитивная сложность и запрет словесных высказываний», описывающий 5,45% всех дисперсий, составили две переменные: **когнитивная дифференцированность** ($r=0,84$, $p=0,01$) и **вербализация** ($r=-0,64$, $p=0,01$). Оценивая себя как члена семьи, мужчины используют развитую систему конструкторов, позволяющую разграничить все тонкости выполняемых ими ролей в семье. При этом в общении с ребёнком они не дают ему возможности выразить свою точку зрения, тем самым ограничивают включенность ребёнка в решение важных семейных вопросов.

Восьмой фактор – «выраженный самоинтерес», описывающий 5,23% всех дисперсий, составили также две переменные: **самоинтерес** ($r=0,87$, $p=0,01$) и **самопринятие** ($r=0,55$, $p=0,01$). Мужчины проявляют выраженный интерес к своему внутреннему миру, своим чувствам и переживаниям, вызываемым семейной жизнью. При этом они полностью принимают свои личностные особенности, стили построения взаимоотношений в семье и свои поведенческие проявления в них.

Таким образом, **мужчины, отнесенные к зависимому типу**: жертвуют своими интересами и профессиональным развитием ради семьи; склонны к рефлексии и самокопанию, не берут ответственность за функционирование семьи; противопоставляют роли мужа и отца, при этом, в большей степени, ориентированы на супружество; зависимы от отношений с женой, доверяют жене и нуждаются в её поддержке и одобрении; самоотношение определяется оценками супруги; в отношениях с ребёнком отличаются непоследовательностью воспитательной позиции.

Описанные выше типологические особенности мужчин, отражающие специфику их семейного самосознания, могут быть использованы в процессе семейного консультирования и оказания психологической помощи, позволяя подобрать эффективную стратегию и тактику психологического сопровождения

мужчины как субъекта семейных отношений. Для облегчения идентификации каждого из типов мужчин в процессе консультирования на основе самоописаний респондентов нами были выделены характерные речевые маркеры:

– *авторитетный тип*: использует местоимения «Я», глаголы «могу», «сделаю/сделал», словосочетания, указывающие на главенство и ответственность в семье «глава семьи/главный в семье/хозяин в доме», «добытчик/кормилец», «любящий муж/отец», «требовательный муж/отец»;

– *невротичный тип*: использует местоимения «он/она/они», глагол «должен», наречие «так надо», словосочетания, указывающие на неуверенность «бываю», «иногда», «время от времени», «стараюсь быть», критические оценки при описании членов семьи «не хозяйственная», «безответственная», «непослушный» и пр.;

– *зависимый тип*: использует местоимения «мне/меня», глаголы «забочусь», «люблю», определения, содержащие критическую оценку себя, «эгоист/эгоистичный» «слабохарактерный», «нерешительный».

На основе полученных на данном этапе исследования результатов, можно сформулировать следующие рекомендации по оказанию психологической помощи мужчинам дисгармоничных типов.

Психологическая работа с мужчинами невротичного типа может вестись в таких направлениях, как: развитие навыков рефлексии, снятие внутреннего напряжения, формирование позитивного образа Я-семьянин, работа с самопринятием, развитие навыков коммуникации и конструктивного взаимодействия с членами семьи, повышение доверия к членам семьи и готовности делегировать им часть ответственности, перенос позитивных профессиональных паттернов в семейную сферу, фокусировка на положительных моментах семейной жизни.

Психологическая работа с мужчинами зависимого типа может вестись в следующих направлениях: акцентирование внимания на сильных сторонах личности и формирование позитивного образа «Я», осознание собственных чувств, потребностей и желаний и развитие самостоятельности в суждениях и принятии решений, восстановление психологических границ и умения их отстаивать,

принятие ответственности за функционирование семьи, освоение позитивных родительских паттернов и формирование ценности отцовства, повышение значимости деятельности вне семьи (хобби, профессиональная деятельность).

Об успешности проведенной психологической работы с мужчинами любого из дисгармоничных типов будет говорить общая удовлетворенность жизнью, субъективное ощущение счастья, позитивное отношение к себе как семьянину, расширение поведенческого репертуара, успешное совмещение семейных и профессиональных ролей. При этом изменения в самосознании мужчины приведут к изменениям семейной структуры в целом, делая её более гармоничной.

Выводы по второй главе

Проведенное нами эмпирическое исследование, направленное на изучение структурной организации и содержательной наполненности семейного самосознания мужчины, позволяет сделать следующие выводы:

1. При описании семейной сферы мужчины наиболее часто используют конструкты, характеризующие «наличие и состав семьи» и «главенство и материальное обеспечение семьи», что подчеркивает значимость для мужчины семьи и семейных отношений, возможности продолжения фамилии и рода, своей главенствующей роли в семье, а также ответственности за материальное обеспечение и за будущее семьи.

2. Наиболее значимыми и осознаваемыми мужчиной семейными ролями являются роли мужа и отца. Это определило стратегию исследования содержательной наполненности компонентов семейного самосознания мужчины через призму супружеских и детско-родительских отношений.

3. На основе факторного анализа содержательной наполненности структурных компонентов были выявлены общие особенности семейного самосознания мужчины: *в когнитивном компоненте* – противопоставление семейных, профессиональных ролей и хобби, парадоксальная идентификация, когнитивная простота; *в эмоциональном компоненте* – аутосимпатия, ожидание позитивного отношения от членов семьи, удовлетворенность семейной жизнью;

в поведенческом компоненте – дифференцированность паттернов супружеских и детско-родительских отношений, противоречивость воспитательной позиции, комплементарность семейных ролей, принятие ответственности за материальное благополучие семьи, делегирование психотерапевтических функций супруге.

4. Проведенный однофакторный дисперсионный анализ подтвердил предположение о существовании значимых различий в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака, отцовства и количества детей в семье.

5. На основе кластерного и факторного анализа комбинации элементов содержательной наполненности компонентов семейного самосознания мужчины была верифицирована типология и описаны особенности семейного самосознания трёх типов мужчин (авторитетный, невротичный, зависимый). Содержательный анализ самоописаний респондентов позволил выделить речевые маркеры, с помощью которых можно идентифицировать принадлежность мужчины к тому или иному типу; также были сформулированы рекомендации по оказанию психологической помощи мужчинам дисгармоничных типов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Семейное самосознание мужчины представляет собой часть его самосознания, направленную на осознание себя членом семьи, субъектом семейных отношений. Семейное самосознание мужчины имеет трёхкомпонентную структуру, каждый компонент наполнен уникальным смысловым содержанием, отражающим специфику представления мужчины о себе как о члене семьи (когнитивный), его отношение к себе как семьянину (эмоциональный), особенности реализации им семейных ролей и функций (поведенческий).

2. Наиболее значимыми для мужчины семейными ролями являются роли мужа и отца, через призму которых мужчина формирует обобщенный образ «Я-семьянин». При этом ценность семьи и семейных отношений определяется возможностью проявить маскулинность (продолжить фамилию и род, быть главой семьи, «добытчиком»).

3. Исследование содержательной наполненности структурных компонентов семейного самосознания мужчины сквозь призму супружеских и детско-родительских отношений мужчины показало следующее: описывая себя как члена семьи, мужчина видит себя любящим, внимательным, заботливым мужем и любящим, строгим, требовательным отцом (когнитивный компонент); испытывает самоуважение и самопринятие в роли супруга, ориентируется на мнение жены при оценивании себя в роли отца (эмоциональный компонент); жизнь без семьи для мужчины не привлекательна, выстраивает доверительные отношения с женой, во взаимодействии с ребёнком, компенсируя воспитательную неуверенность, проявляет авторитарность (поведенческий компонент).

4. Общие особенности семейного самосознания мужчины заключаются в противопоставлении семейных, профессиональных ролей и хобби, парадоксальной идентификации, когнитивной простоте (когнитивный компонент); аутосимпатии, ожидании позитивного отношения от членов семьи, удовлетворенности семейной жизнью (эмоциональный компонент); дифференцированности паттернов супружеских и детско-родительских отношений, противоречивости

воспитательной позиции, комплементарности семейных ролей, принятии ответственности за материальное благополучие семьи, делегировании психотерапевтических функций супруге (поведенческий компонент). При этом доминирующая роль в семейном самосознании мужчины принадлежит супружеским отношениям, в то время как отношение мужчины к себе как семьянину определяется самореализацией в отцовстве.

5. Существуют значимые различия в семейном самосознании мужчин в зависимости от стажа брака и отцовства, количества детей в семье. По мере увеличения стажа брака и отцовства наблюдается сглаживание конфликтов между семейными и профессиональными ролями, отношение к себе как члену семьи становится более позитивным, повышается самоуверенность, успешнее формируются позитивные родительские паттерны. Супружеские отношения тесно связаны со стажем отцовства и количеством детей в семье. При этом наиболее высокая степень удовлетворенности мужчины супружеством наблюдается в период перехода семьи в статус многодетной.

6. Структурно-содержательный анализ комбинации элементов позволил эмпирически верифицировать типологию и описать типы мужчин, отражающие специфику их семейного самосознания. Мужчины авторитетного типа занимают главенствующую роль в семье, характеризуются духовной близостью с женой и уверенностью в отцовской позиции, несут ответственность за успешное функционирование семьи. Мужчины невротичного типа противопоставляют роли отца и мужа, в отношениях с женой не чувствуют взаимопонимания, в общении с ребенком проявляют авторитарность, неудачи в семье компенсируют профессиональным развитием. Мужчины зависимого типа жертвуют своими интересами и профессиональным развитием ради семьи, нуждаются в поддержке и одобрении жены; непоследовательны в воспитательной позиции. Идентифицировать принадлежность мужчины к тому или иному типу позволяют речевые маркеры, содержащиеся в их самоописаниях.

Таким образом, следует считать, что задачи исследования полностью выполнены, гипотезы подтверждены, цель достигнута.

Перспективами дальнейшей работы может стать изучение семейного самосознания мужчины в разных типах семей, исследование кросс-культурных особенностей семейного самосознания мужчины, сравнительное изучение семейного самосознания различных субъектов семейных отношений, а также разработка и валидизация опросника, направленного на определение выделенных нами типов семейного самосознания мужчин.

Библиографический список

1. Адушкина, К. В. Семейное самосознание женщины [Текст] : монография / К. В. Адушкина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 194 с.
2. Аккерман, Н. Теория семейной динамики [Текст] / Н. Аккерман. – Семейная психотерапия / под ред. Э. Г. Эйдемиллера, Н. В. Александровой, В. Юстицкиса. – СПб., 2000. – 512 с.
3. Алмазова, О. В. Особенности образа взрослого сиблинга [Электронный ресурс] / О. В. Алмазова // Психологические исследования. – 2013. – № 29. – Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n29/828-almazova29> (дата обращения: 01.06.2018).
4. Алешина, Ю. Е. Индивидуальное и семейное психологическое консультирование [Текст] / Ю. Е. Алешина. – М. : Класс, 2004. – 106 с.
5. Алешина, Ю. Е. Социально-психологические методы исследования супружеских отношений [Текст] / Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская. – М. : МГУ, 1987.
6. Ананьев, Б. Г. Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – СПб. : Питер, 2001. – 288 с.
7. Андреева, Г. М. Зарубежная социальная психология XX столетия: теоретические направления [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Г. М. Андреева, Н. Н. Богомолова, Л. А. Петровская. – М. : Аспект-пресс, 2001. – 288 с.
8. Андреева, Т. В. Воспитательная роль отца и становление личности дочери [Текст] / Т. В. Андреева, С. О. Муромцева // Вестник Санкт-петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 1. – С. 188-194.
9. Андреева, Т. В. Семейная психология [Текст] : учеб. пособие / Т. В. Андреева. – СПб. : Речь, 2004. – 244 с.
10. Антонов, А. И. Социология семьи [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / А. И. Антонов, В. А. Медков. – М. : Инфра-М, 2005. – 304 с.

11. Антонюк, Е. В. Представления супругов о распределении ролей и становление ролевой структуры молодой семьи [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. Наук : 19.00.05 / Антонюк Е. В. – Москва, 1992. – 24 с.
12. Архиреева, Т. В. Основные направления исследования проблемы отцовства в психологии [Текст] / Т. В. Архиреева // Психологические проблемы современной семьи : сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2015. – С. 658-675.
13. Бакланова, О. Э. Психологические особенности мужчин и согласованность их ролевых представлений в супружестве [Текст] / О. Э. Бакланова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. – 2011. – № 3. – С. 20-28.
14. Баринаова, Е. С. К вопросу о семейном самосознании мужчины [Электронный ресурс] / Е. С. Баринаова // Психология семьи в современном мире : сборник материалов Международной научно-практической конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург: [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
15. Баринаова, Е. С. Типологические особенности семейного самосознания мужчин [Текст] / Е. С. Баринаова, Н. Н. Васягина // Педагогическое образование в России. – 2018. – № 12. – С. 139-147.
16. Баринаова, Е. С. Философско-методологический анализ самосознания [Текст] / Е. С. Баринаова // Философия и наука. – 2016. – № 15. – С. 208-213.
17. Белогай, К. Н. Структурные компоненты родительского отношения личности [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. Наук : 19.00.01 / Белогай К. Н. – Красноярск, 2006. – 21 с.
18. Берн, Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры [Текст] / Э. Берн. – М. : Эксмо, 2016. – 576 с.
19. Бим-Бад, Б. М. Модернизация института семьи: социологический, экономический и антрополого-педагогический анализ [Текст] : монография / Б. М. Бим-Бад, С. Н. Гавров. – М. : Интеллектуальная книга – Новый хронограф, 2010. – 327 с.

20. Бокша, Е. А. Особенности трансформации института семьи в современном российском обществе [Текст] / Е. А. Бокша // Педагогическое образование и наука. – 2014. – № 4. – С. 45-50.
21. Борисенко, Ю. В. Психология отцовства [Текст] / Ю. В. Борисенко – Москва-Обнинск : ИГ-СОЦИН, 2007. – 220 с.
22. Борисенков, В. П. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы [Текст] / В. П. Борисенков // Науковедение – 2014. – № 5. – С. 159.
23. Бутенко, Н. А. Основные подходы в методологии исследования семьи [Текст] / Н. А. Бутенко // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2017. – № 4-5. – С. 97-99.
24. Бурова, С. Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии [Текст] / С. Н. Бурова. – Минск : Право и экономика, 2010. – 444 с.
25. Вагапова, А. Р. Семейная идентичность супругов и их оценка степени удовлетворенности браком [Текст] / А. Р. Вагапова, С. А. Перова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – Том 4. – № 1. – С. 72-76.
26. Варга, А. Я. Структура и типы родительского отношения [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. Наук : 19.00.01 / Варга А. Я. – Москва, 1986. – 24 с.
27. Васягина, Н. Н. Диагностика и коррекция самосознания матери [Текст] : учеб.-метод. пособие / Н. Н. Васягина, Е. Н. Рыбакова. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2010. – 168 с.
28. Васягина, Н. Н. Семейное самосознание женщины: психологический практикум [Текст] / Н. Н. Васягина, К. В. Адушкина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2015. – 217 с.
29. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России [Текст] : монография / Н. Н. Васягина. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 322 с.

30. Выготский, Л. С. Собрание сочинений [Текст] : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1983.
31. Газизова, Ю. С. Репрезентация образа матери в российской ментальности [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. Наук : 19.00.01 / Газизова Ю. С. – Екатеринбург, 2015. – 23 с.
32. Гордиенко, Е. В. Проблема самосознания в философии и психологии [Текст] / Е. В. Гордиенко // Личность в изменяющихся социальных условиях : сборник статей II Международной научно-практической конференции. – 2013. – С. 187-196.
33. Глуханюк, Н. С. Практикум по психодиагностике [Текст] : учеб. пособие / Н. С. Глуханюк. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Московского психолого-социального института, 2005. – 216 с.
34. Голод, С. И. Семья и брак [Текст] : ист.-социол. анализ / С. И. Голод. – СПб. : Петрополис, 1998. – 272 с.
35. Гурко, Т. А. Брак и родительство в России [Текст] / Т. А. Гурко. – М. : Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
36. Дорохина Н. А. Взаимодействие старшего поколения семьи с детьми дошкольного возраста [Текст] : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.07 / Дорохина Н. А. – М., 2009. – 16 с.
37. Дорошина, И. Г. Влияние гендерных стереотипов на формирование толерантности в супружеских отношениях [Текст] / И. Г. Дорошина // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2014. – № 34. – С. 122-124.
38. Дорошина, И. Г. Классификация гендерных позиций в супружеских отношениях [Текст] / И. Г. Дорошина // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2010. – № 3. – С. 197-202.
39. Дружинин, В. Н. Психология семьи [Текст] / В. Н. Дружинин. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2006. – 176 с.
40. Дуров, И. С. Влияние демографической политики государства на функционирование семьи как социального института [Текст] : автореф. дис. ... канд. соц. Наук : 22.00.04 / Дуров И. С. – Ростов-на-Дону, 2008. – 24 с.

41. Евсеенкова, Ю. В. Отцовство как психологический фактор развития личности [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. Наук : 19.00.01 / Евсеенкова Ю. В. – Новосибирск, 2006. – 18 с.
42. Егоров, Р. Н. Родители и взрослые дети: особенности взаимоотношений (по материалам зарубежных источников) [Текст] / Р. Н. Егоров, И. В. Шаповаленко // Современная зарубежная психология. – 2017. – Том 6. – № 2. – С. 54-62.
43. Ермолаева, М. В. Межпоколенные отношения в пожилом возрасте [Текст] / М. В. Ермолаева // Горизонты зрелости : сборник трудов V всероссийской научно-практической конференции по психологии развития. – 2015. – С. 96-103.
44. Захарова, Е. И. Родительство как возрастно-психологический феномен [Текст] : автореф. дис. ... д-ра. психол. наук : 19.00.13 / Захарова Е. И. – М., 2017. – 48 с.
45. Ильин, Е. П. Психология общения и межличностных отношений [Текст] / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2009. – 576 с.
46. Калина, О. Г. Значение отца для развития ребенка (на материале зарубежных исследований) [Текст] / О. Г. Калина, А. Б. Холмогорова // Семейная психология и семейная терапия. – 2006. – № 1. – С. 87-99.
47. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / О. А. Карабанова. – М. : Гардарики, 2008. – 320 с.
48. Кенфилд, К. Сердце отца: Как отцы могут изменить будущее своих детей [Текст] / К. Кенфилд ; пер. А. Фищенко. – СПб. ; Киев : Руфь, 2001. – 237 с.
49. Клецина, И. С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности [Текст] / И. С. Клецина // Женщина в российском обществе. – 2009. – № 3. – С. 29-41.
50. Клецина, И. С. Психология гендерных отношений [Текст] : автореф. дис. ... д-ра психол. Наук : 19.00.05 / Клецина И. С. – СПб, 2004. – 40 с.
51. Ковалев, С. В. Психология семейных отношений [Текст] / С. В. Ковалев. – М. : Лига, 2001. – 159 с.

52. Кон, И. С. Мужчина в меняющемся мире [Текст] / И. С. Кон. – М. : Время, 2009. – 496 с.
53. Кон, И. С. Открытие «Я» [Текст] / И. С. Кон. – М. : Политиздат, 1978. – 367 с.
54. Кон, И. С. Ребёнок и общество [Текст] / И. С. Кон. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.
55. Коркина, Н. А. Отцовство в современной семье [Текст] / Н. А. Коркина // Семейная психология и семейная терапия. – 2003. – № 4. – С. 48-54.
56. Корниенко, Д. С. Отцовское отношение в связи с конфигурацией семьи [Текст] / Д. С. Корниенко, Е. Н. Красильникова, Н. В. Ротманова // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 5. – С. 627.
57. Коростылева, Л. А. Психология самореализации личности: Основные сферы жизнедеятельности [Текст] : дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.01 / Коростылева Л. А. – СПб, 2001. – 390 с.
58. Корсун, И. В. Детерминанты развития личности в процессе супружеского взаимодействия [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Корсун И. В. – Сочи, 2007. – 27 с.
59. Кошелева, Ю. П. Субъективные и объективные характеристики «значимых отношений» [Текст] / Ю. П. Кошелева // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 16 (702). – С. 157-167.
60. Крайг, Г. Психология развития [Текст] / Г. Крайг, Д. Бокум. – СПб. : Питер, 2010. – 944 с.
61. Красильникова, Е. Н. Интегральная индивидуальность отцов: личностное и временное развитие [Текст] : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Красильникова Е. Н. – Пермь, 2015. – 193 с.
62. Краснова, О. В. Роль бабушки: сравнительный анализ [Текст] / О. В. Краснова // Психология зрелости и старения. – 2000. – № 2 (10). – С. 89-114.
63. Краснова, О. В. Стереотипы и аттитюды к пожилым людям (опыт социально-психологических исследований) [Текст] / О. В. Краснова. – М. : Прометей, 2004. – 303 с.

64. Кригер, Г. Н. Самосознание современных родителей (бабушек): психологический аспект [Текст] / Г. Н. Кригер // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 162-165.

65. Куликов, Л. В. Методика «Круг основных ролей личности» [Текст] / Л. В. Куликов, Е. А. Мудрова, Т. А. Фадеева // Социальная психология: диалог Санкт-Петербург – Якутск / под ред. В. Н. Куницына, Л. А. Свенцицкого. – СПб., 2002. – С. 127-133.

66. Куфтяк, Е. В. Семейно-поколенческое исследование: теория и практика [Текст] / Е. В. Куфтяк // Вестник костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия : Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2014. – № 1. – С. 64-67.

67. Левченко, А. В. Представления о собственном отцовстве у мужчин и факторы, их обуславливающие [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Левченко А. В. – Краснодар, 2009. – 28 с.

68. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / Леонтьев А. Н. – М. : Политиздат, 1997. – 231 с.

69. Лидерс, А. Г. Психологическое обследование семьи [Текст] : учеб. пособие-практикум для студ. фак. психологии высш. учеб. заведений / А. Г. Лидерс. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 432 с.

70. Ломов, Б. Ф. Системность в психологии [Текст] : избранные психологические труды / Б. Ф. Ломов. – М. : Изд-во Института практической психологии ; Воронеж : НПО «Модэк», 2011. – 423 с.

71. Лукьянченко, Н. В. Проблема места и роли семьи в социальных контекстах жизнедеятельности личности [Текст] / Н. В. Лукьянченко // Вестник КГПУ. – 2011. – № 4. – С. 162-165.

72. Любимова, О. М. Феноменология родительского отношения и онтогенез личности [Текст] / О. М. Любимова // Известия Алтайского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 15-17.

73. Манёров, Р. В. Образ себя как отца в структуре Я-концепции мужчин [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Манёров Р. В. – СПб., 2013. – 26 с.
74. Мартынюк, О. Б. Типология супружеских отношений как разновидности семейных отношений [Текст] / О. Б. Мартынюк // Психология, педагогика, образование: актуальные и приоритетные направления исследований. – Уфа : Аэтерна, 2017. – С. 121-129.
75. Мацковский, М. С. Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики [Текст] / М. С. Мацковский. – М. : Наука, 1989. – 116 с.
76. Медков, В. М. Демография [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / В. М. Медков. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 448 с.
77. Мерлин, В. С. Структура личности: характер, способности, самосознание [Текст] / В. С. Мерлин. – Пермь : ПГПИ, 1990. – 110 с.
78. Мещерякова, С. Ю. Психологическая готовность к материнству [Текст] / С. Ю. Мещерякова // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 47-72.
79. Минеева, О. А. Возрастные и гендерные особенности содержания имплицитных теорий семьи [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Минеева О. А. – М., 2011. – 36 с.
80. Минеева, О. А. Методика исследования имплицитных теорий семьи [Текст] / О. А. Минеева, А. Г. Лидерс // Вестник Московского университета. Серия 14 : Психология. – 2011. – № 2. – С. 110-125.
81. Минюрова, С. А. Психологическое сопровождение материнства: смысловое переживание материнства [Текст] : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : [б. и.], 2005. – 166 с.
82. Минухин, С. Техники семейной терапии [Текст] / С. Минухин, Ч. М. Фишман ; пер. с англ. А. Д. Иорданского. – М. : Класс, 2012. – 304 с.
83. Мишина, Т. М. Семейная психотерапия и динамика «образа семьи» [Текст] / Т. М. Мишина // Психогигиена и психопрофилактика : сб. науч. тр. /

Ленингр. науч.-исслед. психоневролог. ин-т им. В. М. Бехтерева. – Л., 1983. – С. 21-26.

84. Морозова, Е. А. Психология семейной ментальности у молодежи [Текст] : автореф. дис. ... д-ра психол. наук : 19.00.05 / Морозова Е. А. – СПб., 2010. – 47 с.

85. Морозова, И. С. Особенности родительских установок супругов в семьях с различным стажем семейной жизни [Текст] / И. С. Морозова // Вектор науки ТГУ. Серия : Педагогика, психология. – 2017. – № 2 (29) – С. 102-108.

86. Мясищев, В. Н. Психология отношений [Текст] / В. Н. Мясищев. – М. : МПСИ, МОДЭК, 2011. – 400 с.

87. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных [Текст] : учеб. пособие / А. Д. Наследов. – СПб. : Речь, 2012. – 392 с.

88. Новейший философский словарь [Текст] / гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск : Книж. дом, 2003. – 1220 с.

89. Овчарова, Р. В. Психологическое сопровождение родительства [Текст] : учеб. пособие / Р. В. Овчарова. – М. : Ин-т психотерапии, 2003. – 319 с.

90. Осипова, Л. Б. Семья в современном российском обществе: проблемы и тенденции развития [Текст] : монография / Л. Б. Осипова. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. – 110 с.

91. Пезешкиан, Н. Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт [Текст] / Н. Пезешкиан. – М. : Культура, 1994. – 332 с.

92. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики [Текст] / В. Ф. Петренко. – 3-е изд. – М. : Эксмо, 2011. – 482 с.

93. Портнова, А. Г. Отцовство как фактор развития личности [Текст] / А. Г. Портнова, Ю. Б. Борисенко // Развитие личности. – 2006. – № 2. – С. 70-81.

94. Посохова, С. Т. Образ отца и самоактуализация личности [Текст] / С. Т. Посохова, С. В. Липпо, Р. В. Манеров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика – 2008. – № 3. – С. 23-30.

95. Прилепских, О. С. Образ отца как детерминанта развития представлений о будущем супруге у девушек [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Прилепских О. С. – Ставрополь, 2005. – 23 с.
96. Психология самосознания [Текст] : хрестоматия / ред. Д. Я. Райгородский. – Самара : Бахрах-М, 2003. – 672 с.
97. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. Е. Г. Силаевой. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 192 с.
98. Разумова, И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История [Текст] / И. А. Разумова. – М. : Индрик, 2001. – 376 с.
99. Романова, К. С. Трансформация семьи как социального института в условиях изменения государства и собственности [Текст] / К. С. Романова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – № 10. – С. 271-287.
100. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2000. – 705 с.
101. Румянцева, Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре [Текст] : учеб. пособие / Т. В. Румянцева. – СПб. : Речь, 2006. – 176 с.
102. Рыбакова, Е. Н. Структурная организация самосознания матери [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Рыбакова Е. Н. – СПб., 2007. – 24 с.
103. Сапогова, Е. Е. Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза [Текст] / Е. Е. Сапогова // Индивидуальные и стилевые особенности личности. – 2002. – С. 177-190.
104. Сапоровская, М. В. Поколения в семье: методология, теория и практика исследования [Текст] / М. В. Сапоровская // Вестник КГУ. Серия : Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – № 1-2. – С. 170-174.

105. Сатир, В. Как строить себя и свою семью [Текст] / В. Сатир ; пер. с англ. В. Н. Новикова, М. А. Макарушкина. – М. : Педагогика-Пресс, 1992. – 190 с.
106. Севастьянова, У. Ю. Исследование особенностей межпоколенной связи в семье по мужской линии (дед – отец – сын) [Текст] / У. Ю. Севастьянова // Вестник КГУ. Серия : Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2016. – № 2. – С. 90-93.
107. Севастьянова, У. Ю. Особенности отцовства мужчин с разным родительским стажем [Текст] / У. Ю. Севастьянова // Вестник КГУ. Серия : Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – № 4. – С. 39–42.
108. Семенов, Ю. И. Происхождение брака и семьи [Текст] / Ю. И. Семенов. – М. : Мысль, 1974. – 311 с.
109. Семенова, Е. А. Ретроспектива развития философско-психологических концепций самосознания [Текст] / Е. А. Семенова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3-1. – С. 171-175.
110. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии [Текст] / Е. В. Сидоренко. – СПб. : Речь, 2003. – 350 с.
111. Сидоров, В. А. Институт семьи в современных отечественных и зарубежных исследованиях [Текст] / В. А. Сидоров // Человеческий капитал. – 2014. – № 8 (68). – С. 29-31.
112. Сидорова, В. Н. Психологический анализ отношений поколений внутри семьи [Текст] / В. Н. Сидорова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 181-190.
113. Сизова, М. А. Взаимосвязь межпоколенных отношений и функциональности семьи [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Сизова М. А. – Кострома, 2012. – 24 с.
114. Соловьёв, Н. Я. Брак и семья сегодня [Текст] / Н. Я. Соловьёв. – Вильнюс, 1977. – 164 с.

115. Спиваковская, А. С. Как быть родителями: (О психологии родительской любви) [Текст] / А. С. Спиваковская. – М. : Педагогика, 1986. – 160 с.
116. Столин, В. В. Самосознание личности [Текст] / В. В. Столин. – М., 1983. – 284 с.
117. Тайкова, Л. В. Проблема межпоколенных отношений в современном обществе и семье [Текст] / Л. В. Тайкова, С. М. Тайков // Вестник НГУ. – 2015. – № 5 (88). – С. 92-95.
118. Тарарухина, М. И. Техника репертуарных решеток Дж. Келли [Текст] / М. И. Тарарухина, М. В. Ионцева // Социология. – М., 1997. – С. 114-138.
119. Тарновска-Якобец, У. Я. Особенности социализации детей с дистантным отцовством [Текст] : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / У. Я. Тарновска-Якобец. – М., 2006. – 47 с.
120. Тетерлева, Е. А. Смысловое переживание материнства как новообразование самосознания женщины [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Тетерлева Е. А. – Москва, 2006. – 24 с.
121. Ткаченко, И. В. Личностно-развивающий ресурс семьи: онтология и феноменология [Текст] : автореф. дис. ... д-ра. психол. наук : 19.00.01 / Ткаченко И. В. – Сочи, 2009. – 58 с.
122. Токарева, Ю. А. Психологические основания воспитательной деятельности отца [Текст] : автореф. дис. ... д-р. психол. наук : 19.00.07 / Токарева Ю. А. – Екатеринбург, 2012. – 49 с.
123. Трошина, Е. Ю. Образы родителей как фактор детерминации и развития супружеских отношений мужчин и женщин [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.05 / Трошина Е. Ю. – Курск, 2010. – 22 с.
124. Устинова, Н. А. Внутриличностные детерминанты самосознания матери [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.01 / Устинова Н. А. – Екатеринбург, 2009. – 26 с.
125. Филиппова, Г. Г. Психология материнства [Текст] / Г. Г. Филиппова. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. – 240 с.

126. Харчев, А. Г. Брак и семья в СССР [Текст] / А. Г. Харчев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Мысль, 1979. – 367 с.
127. Харчев, А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки [Текст] / А. Г. Харчев. – М. : Центр социал. прогнозирования, 2003. – 342 с.
128. Хьелл, Л. Теории личности: основные положения, исследование и применение [Текст] / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб. : Питер Ком, 1998. – 608 с.
129. Черников, А. В. Системная семейная терапия: интегративная модель диагностики [Текст] / А. В. Черников. – М. : Класс, 2001. – 117 с.
130. Чеснокова, И. И. Проблема самосознания в психологии [Текст] / И. И. Чеснокова. – М. : Институт психологии РАН, 1977. – 287 с.
131. Чибисова, М. Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной женщины [Текст] : автореф. дис. ... канд. психол. наук : 19.00.13 / Чибисова М. Ю. – Москва, 2003. – 24 с.
132. Шалаева, С. Л. Трансформация межпоколенных отношений в условиях современной глобализации [Текст] / С. Л. Шалаева // Конфликтология. – 2011. – № 1. – С. 129-137.
133. Шаповаленко, И. В. Родительское отношение к ребёнку: определение, типы и влияние на психическое развитие [Текст] / И. В. Шаповаленко // Семейная психология и семейная терапия – 2004. – № 3. – С. 81-91.
134. Шапошникова, Т. Е. Полинаправленность подходов в изучении семьи в современных гуманитарных науках [Текст] / Т. Е. Шапошникова // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 2. – С. 141-145.
135. Шахматов, Н. Ф. Психическое старение: счастливое и болезненное [Текст] / Н. Ф. Шахматов. – М. : Медицина, 1996. – 304 с.
136. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология [Текст] : учеб. пособие для студентов вузов / Л. Б. Шнейдер. – 2-е изд. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2006. – 768 с.
137. Штейнберг, У. Конфликты, связанные с мужской идентичностью [Текст] / У. Штейнберг // Круг внимания: клинические аспекты юнгианской

терапии / пер. Е. Самсоновой, В. Мершавки. – М. : Институт общегуманитарных исследований, 1998.

138. Шульга, Т. И. Состояние семей как ресурс воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья [Текст] / Т. И. Шульга // Актуальные проблемы психологического знания. – 2017. – № 4 (45). – С. 45-53.

139. Щенников, В. П. Проблема сознания в истории философии [Текст] / В. П. Щенников, О. П. Белоглазова // Вестник КемГУ. – 2011. – № 1 (45). – С. 195-199.

140. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи [Текст] / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – СПб. : Питер, 2015. – 672 с.

141. Эйдемиллер, Э. Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия [Текст] / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. – СПб. : Речь, 2007. – 352 с.

142. Aizenberg, R. The family in Late Life – Psychological and Demographic Consideration [Text] / R. Aizenberg, J. Treas // Handbook of the Psychology of Aging. – 2nd edition. – 1985. – P. 169-186.

143. Barnhill, L. R. Healthy family system [Text] / L. R. Barnhill // Family coordinator. – 1979. – Vol. 28. – № 1. – P. 22-37.

144. Baars, B. A cognitive theory of consciousness [Text] / B. Baars. – NY : Cambridge University Press, 1988. – 446 p.

145. Bengston, V. L. Diversity and symbolism in grandparents role [Text] / V. L. Bengston // Grand-parenthood. – 1985. – P. 141-159.

146. Cigoli, V. Family identity: ties, symbols, and transitions [Text] / V. Cigoli, E. Scabini. – London : Lawrence Erlbaum Associates, 2006. – 235 p.

147. Grupe, E. E. Mothers' and fathers' images of their changing parent role: past, present and future [Text]: Degree: M.S. / E. E. Grupe. – Michigan State University, 1990.

148. Fatherhood in the twenty-first century [Text] / N. Cabrera [et al.] // Child Development. – 2000. – Vol. 71. – № 1. – P. 127-129.

149. Fthenakis, W. E. Engagierte Vaterschaft – Die sanfte Revolution in der Familie [Text] / W. E. Fthenakis. – Herausgeber : LBS-Initiative Junge Familie ; Opladen : Leske & Budrich, 1999. – S. 352-354.

150. Marks, L. American fatherhood types: The good, the bad, and the uninterested [Text] / L. Marks, R. Palkovitz // *Fathering: A Journal of Theory, Research, and Practice about Men as Fathers*. – 2004. – Vol. 2. – № 2. – P. 113-129.

151. Nandwana, S. Perception of sibling relationship during middle adulthood years: A Typology [Text] / S. Nandwana, M. Katoch // *Journal of the Social Sciences*. – 2009. – № 21 (1). – P. 67-72.

152. Perala-Littunen, S. Cultural images of a good mother and a good father in three generations [Text]: degree: Ed. D. / S. Perala-Littunen. – University Library of Jyvaskyla, Seminaarink. 15, FI-40014 University of Jyvaskyla, Finland, 2004.

153. Robertson, J. F. Grandmotherhood: A study of role Concepts [Text] / J. F. Robertson // *Journal of Marriage and the Family*. – 1977. – № 39. – P. 165-174.

154. Steward, R. B. Adult sibling relationships: Validation of a typology [Text] / R. B. Steward, A. L. Kozak, L. M. Tingley, J. M. Goddard, E. M. Blake, W. Casse // *Personal Relationships*. – 2001. – № 8 (3). – P. 299-324.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Анкета «Я и моя семья»

Для полноты и объективности нашего исследования, пожалуйста, сообщите следующие сведения о себе:

Анкетные данные

1. Ваш возраст _____
2. Ваше образование (высшее, среднее, общее и т. д.) _____
3. Место жительства (город, поселок и т. д.) _____

Семейное положение

1. Тип брака, в котором Вы состоите (официальный, гражданский, гостевой)
2. Стаж совместной жизни _____

Родственные связи

1. Сколько у Вас детей, их пол и возраст? _____

2. Живы ли Ваши родители (или люди, которые их заменили)? _____
3. Живы ли Ваши бабушки/дедушки? _____
4. Есть ли у Вас братья/сестры? _____
5. Есть ли у Вас племянники/племянницы? _____
6. Есть ли у Вас дяди/тети? _____
7. Есть ли у Вас двоюродные братья/сестры? _____
8. Живы ли родители Вашей жены? _____
9. Есть ли у Вашей жены братья/сестры? _____
10. С кем из родственников Вы совместно проживаете? _____

Благодарим за ответы!

**Параметры содержательной наполненности структурных
компонентов семейного самосознания мужчины**

КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	
1	Полярность самооценки идентичности
2	Степень идентификации с отцом
3	Степень идентификации со счастливым мужчиной
4	Степень идентификации с несчастным мужчиной
5	Степень идентификации с идеальным мужчиной
6	Когнитивная дифференцированность
7	Коэффициент идентификации
8	Амбивалентность идентификации
9	Конфликт семейных ролей
10	Конфликт семейных и дружеских ролей
11	Конфликт семейных ролей и хобби
12	Конфликт семейных и профессиональных ролей
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ	
13	Глобальное самоотношение
14	Самоуважение
15	Аутосимпатия
16	Ожидаемое отношение от других
17	Самоинтерес
18	Самоуверенность
19	Ситуативное ожидаемое отношение от других
20	Самопринятие
21	Саморуководство
22	Самообвинение
23	Самоинтерес
24	Самопонимание
25	Зависимость от семьи
26	Ощущение самопожертвования
27	Раздражительность
28	Неудовлетворенность ролью отца
ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ	
29	Отношение к Другому профессионала
30	Невротические паттерны профессионального отношения к Другому
31	Отношение к ребёнку опытного родителя
32	Невротические паттерны родительского отношения
33	Отношение к жене «хорошего семьянина»
34	Невротические паттерны супружеского отношения
35	Воспитание детей
36	Эмоциональный климат в семье
37	Материальное обеспечение семьи
38	Организация развлечений

39	Роль хозяина/хозяйки
40	Сексуальный партнер
41	Организация семейной субкультуры
42	Доверительность общения с позиции мужа
43	Доверительность общения с позиции жены
44	Взаимопонимание с позиции мужа
45	Взаимопонимание с позиции жены
46	Сходство во взглядах
47	Общие символы
48	Лёгкость общения
49	Психотерапевтичность общения
50	Вербализация
51	Чрезмерная забота
52	Подавление воли ребёнка
53	Опасение обидеть
54	Семейные конфликты
55	Излишняя строгость
56	Исключение внесемейных влияний
57	Сверхавторитет родителей
58	Подавление агрессивности ребёнка
59	Партнерские отношения с ребёнком
60	Развитие активности ребёнка
61	Установление контакта с ребёнком
62	Безучастность жены
63	Подавление сексуальности у ребёнка
64	Доминирование отца
65	Чрезмерное вмешательство в мир ребёнка
66	Уравненные отношения с ребёнком
67	Стремление ускорить развитие ребёнка
68	Несамостоятельность отца

**Факторная структура компонентов семейного самосознания
мужчины**

	Фактор	Компоненты фактора	Нагрузки на компоненты (при $p=0,01$)
КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ	Конфликт между семейными, профессиональными ролями и хобби (18,04% от всех дисперсий)	конфликт семейных ролей	0,82
		конфликт семейных ролей и хобби	0,77
		конфликт семейных и профессиональных ролей	0,56
	Идентификация с идеальным мужчиной (16,81% от всех дисперсий)	степень идентификации с идеальным мужчиной	0,84
		степень идентификации со счастливым мужчиной	0,79
		степень идентификации с отцом	0,67
	Когнитивная простота (15,03% от всех дисперсий)	когнитивная сложность	-0,88
		амбивалентность идентификации	-0,70
		коэффициент идентификации	-0,65
	Идентификация с несчастным мужчиной (11,41% от всех дисперсий)	степень идентификации с несчастным мужчиной	0,89
		конфликт семейных и дружеских ролей	-0,50
		коэффициент идентификации	0,48
	Рельефность образа Я (9,32% от всех дисперсий)	полярность самооценки идентичности	0,87
		конфликт семейных и профессиональных ролей	-0,47
	ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ	Аутосимпатия (32,41% от всех дисперсий)	аутосимпатия
самообвинение			-0,84
самоуверенность			0,73
глобальное самоотношение			0,73
самопринятие			0,62
самоуважение			0,59
Ожидание позитивного отношения от членов семьи (13,18% от всех дисперсий)		ситуативное ожидаемое отношение от других	0,89
		ожидаемое отношение от других	0,81
		неудовлетворенность ролью отца	0,49
Отсутствие негативных переживаний, связанных с семейной жизнью (11,55% от всех дисперсий)		ощущение самопожертвования	-0,82
		раздражительность	-0,77
		зависимость от семьи	-0,71
Самопонимание (9,38% от всех дисперсий)		саморуководство	0,76
		самоуважение	0,72
		самопонимание	0,70
Самоинтерес (7,66% от всех дисперсий)	самоинтерес	0,88	
	самопринятие	0,60	

	Фактор	Компоненты фактора	Нагрузки на компоненты (при $p=0,01$)
ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ	Противоречивая позиция в воспитании ребёнка (16,60% от всех дисперсий)	развитие активности ребёнка	0,74
		чрезмерное вмешательство в мир ребёнка	0,73
		безучастность жены	0,70
		излишняя строгость	0,70
		чрезмерная забота	0,69
		подавление сексуальности ребёнка	0,68
		сверхавторитет родителей	0,68
		доминирование отца	0,66
		опасение обидеть	0,62
		установление контакта с ребёнком	0,58
	Гармоничные отношения с женой (12,54% от всех дисперсий)	легкость общения	0,81
		психотерапевтичность общения	0,79
		доверительность общения с позиции мужа	0,69
		сходство во взглядах	0,69
		воспитание детей	0,66
	Принятие роли отца (6,64% от всех дисперсий)	отношение к ребёнку опытного родителя	0,90
		невротические паттерны родительского отношения	-0,88
	Негативные моменты супружеского общения (6,42% от всех дисперсий)	взаимопонимание с позиции мужа	-0,78
		доверительность общения с позиции жены	-0,50
		отношение к Другому профессионала	-0,48
	Партнерские отношения с ребёнком (5,13% от всех дисперсий)	партнерские отношения с ребёнком	0,75
		вербализация	0,67
		уравненные отношения с ребёнком	0,60
	Сформированные супружеские паттерны (4,79% от всех дисперсий)	отношение к жене «хорошего семьянина»	0,80
		невротические паттерны супружеского отношения	-0,77
	Комплементарность семейных ролей (4,69% от всех дисперсий)	роль хозяина/хозяйки	-0,70
		материальное обеспечение семьи	-0,60
		организация развлечений	-0,50
		сексуальный партнер	-0,45
	Делегирование ответственности за эмоциональный климат семьи (3,46% от всех дисперсий)	эмоциональный климат в семье	0,81
		организация семейной субкультуры	0,61

Статистически значимые различия средних значений параметров семейного самосознания мужчин в зависимости от стажа брака, стажа отцовства и количества детей в семье

№	Параметры семейного самосознания	Стаж брака					Стаж отцовства				Количество детей						
		F	p	Средние значения по группе			F	p	Средние значения по группе				F	p	Средние значения по группе		
				3-9 лет	10-19 лет	> 20 лет			1-3 года	4-7 лет	8-11 лет	12-15 лет			1 ребёнок	2 детей	3-5 детей
КОГНИТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ																	
1	степень идент-и со счастливым мужчиной												4,56	0,01	3,6	4,0	5,2
2	степень идент-и с идеальным мужчиной	5,35	0,01	2,4	1,8	3,0							8,62	0,01	1,7	2,2	3,6
3	когнитивная дифференцированность	3,37	0,04	4,7	5,3	3,6	3,77	0,01	4,4	4,5	5,0	6,4					
4	конфликт семейных ролей						2,94	0,04	0,4	0,4	0,6	0,1	3,26	0,04	0,3	0,5	0,4
5	конфликт семейных и дружеских ролей	3,67	0,03	0,4	0,2	0,0	5,50	0,01	0,2	0,4	0,2	0,0					
6	конфликт семейных и проф. ролей	6,34	0,01	0,7	0,5	0,2	3,88	0,01	0,8	0,7	0,5	0,4					
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ																	
7	глобальное самоотношение	5,37	0,01	82,8	90,2	78,6											
8	ожидаемое отношение от других												5,05	0,01	68,6	66,1	93,1
9	самоуверенность	5,15	0,01	79,0	82,9	60,8	2,96	0,04	79,5	77,8	85,9	68,7					
10	самопонимание	3,62	0,03	65,1	76,0	76,7											
ПОВЕДЕНЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ																	
11	отношение к ребёнку опытного родителя	4,32	0,02	56,1	60,3	54,5	2,94	0,04	51,8	57,7	58,4	61,9					
12	невр. паттерны родительского отношения						4,76	0,01	48,6	38,4	36,8	33,0					
13	отношение к жене «хорошего семьянина»						3,16	0,03	58,2	60,9	60,9	68,2	7,14	0,01	59,5	61,5	71,8
14	невр. паттерны супружеского отношения												6,02	0,01	23,3	16,3	4,4
15	материальное обеспечение семьи						5,70	0,01	1,9	1,6	1,8	1,4					

№	Переменные	Стаж брака					Стаж отцовства				Количество детей							
		F	p	Средние значения по группе			F	p	Средние значения по группе				F	p	Средние значения по группе			
				3-9 лет	10-19 лет	> 20 лет			1-3 года	4-7 лет	8-11 лет	12-15 лет			1 ребёнок	2 детей	3-5 детей	
16	организация развлечений						3,32	0,02	2,7	2,8	2,8	2,4						
17	роль хозяина/хозяйки	4,16	0,02	2,3	2,4	1,9												
18	доверит-ть общения с позиции жены	3,85	0,02	2,9	3,1	2,8												
19	легкость общения												3,31	0,04	3,0	3,2	3,5	
20	чрезмерная забота	4,72	0,01	11,7	12,0	9,0	4,46	0,01	13,8	12,0	11,3	9,9						
21	сверхавторитет родителей												3,26	0,04	14,9	15,8	17,2	
22	подавление агрессивности												4,38	0,01	11,4	11,1	13,4	
23	безучастность жены						4,79	0,01	13,2	12,7	11,6	11,3						
24	доминирование отца						3,41	0,02	13,0	12,3	11,9	10,1						
25	уравненные отношения с ребёнком						6,33	0,01	13,4	16,6	15,8	14,6						
26	стремление ускорить развитие ребёнка	7,96	0,01	12,3	11,1	8,6	4,84	0,01	13,0	11,8	10,1	12,3	4,64	0,01	12,4	11,0	9,8	
27	несамостоятельность отца												4,39	0,01	15,1	15,9	17,2	

Факторные структуры самосознания мужчин разных типов

Таблица 1

Факторная структура семейного самосознания мужчин авторитетного типа

Фактор	Компоненты фактора	Нагрузка на компоненты (r) при $p=0,01$
Главенствующая роль отца в воспитании (16,79% от всех дисперсий)	сверхавторитет родителей	0,82
	безучастность жены	-0,80
	доминирование отца	0,80
	установление контакта с ребёнком	0,78
	создание безопасности	0,76
	подавление сексуальности ребёнка	0,72
	несамостоятельность отца	-0,72
Позитивное глобальное самоотношение (10,49% от всех дисперсий)	исключение внесемейных влияний	0,71
	глобальное самоотношение	0,82
	самоуверенность	0,79
	аутосимпатия	0,74
Духовная близость с женой (9,47% от всех дисперсий)	самоуважение	0,70
	общие символы	0,83
	взаимопонимание с позиции жены	0,70
	сходство во взглядах супругов	0,66
Саморуководство (7,97% от всех дисперсий)	доверительность общения с позиции мужа	0,63
	саморуководство	0,82
	партнерские отношения с ребёнком	0,82
Уверенность в отцовской позиции (7,42% от всех дисперсий)	семейные конфликты	-0,71
	когнитивная дифференцированность	0,85
	невротич. паттерны родительского отношения	-0,79
	амбивалентность идентификации	0,75
	отношение к ребёнку опытного родителя	0,75
Ощущение себя счастливым в семейной жизни (6,96% от всех дисперсий)	коэффициент идентификации	0,69
	степень идентиф-и со счастливым мужчиной	0,65
	самоинтерес	-0,65
	конфликт семейных ролей и хобби	0,63
	конфликт семейных и дружеских ролей	0,62
	степень идентификации с идеальным мужчиной	0,61
	конфликт семейных и профессиональных ролей	0,59
степень идентификации с несчастным мужчиной	-0,58	
Принятие ответственности за семейные отношения (5,99% от всех дисперсий)	самообвинение	0,89
	ожидаемое отношение от других	0,81
	психотерапевтичность общения	-0,60

Факторная структура семейного самосознания мужчин невротичного типа

Фактор	Компоненты фактора	Нагрузка на компоненты (r) при p=0,01
Раздражительность (15,22% от всех дисперсий)	раздражительность	0,73
	конфликт семейных и профессиональных ролей	0,72
	излишняя строгость	0,69
	безучастность жены	0,69
	подавление агрессивности	0,68
	установление контакта с ребёнком	0,66
	подавление сексуальности ребёнка	0,65
	доминирование отца	0,60
	развитие активности ребёнка	0,58
	чрезвычайное вмешательство в мир ребёнка	0,58
Конфликт семейных ролей (12,00% от всех дисперсий)	стремление ускорить развитие ребёнка	0,57
	конфликт семейных ролей	0,75
	несамостоятельность отца	0,65
	сходство во взглядах супругов	-0,65
	самопонимание	0,61
	партнерские отношения с ребёнком	-0,61
	конфликт семейных ролей и хобби	0,58
	самоинтерес	0,57
Сложности в общении с женой (10,23% от всех дисперсий)	самообвинение	0,56
	психотерапевтичность общения	-0,88
	воспитание детей	-0,80
	легкость общения	-0,69
	самопринятие	-0,65
	неудовлетворенность ролью отца	0,60
	взаимопонимание супругов	-0,56
Рассогласованность «Я-концепции» (8,62% от всех дисперсий)	исключение внесемейных влияний	0,56
	амбивалентность идентификации	-0,84
	эмоциональный климат в семье	-0,78
	когнитивная дифференцированность	-0,75
	коэффициент идентификации	-0,68
	невротич. паттерны проф. отношения к Другому	-0,60
Негативное переживание отцовства (7,67% от всех дисперсий)	уравненные отношения с ребёнком	-0,56
	степень идентификации с отцом	-0,82
	отношение к ребёнку опытного родителя	-0,73
	невротич. паттерны родительского отношения	0,73
Отсутствие доверия в супружеском общении (6,75% от всех дисперсий)	степень идентификации с идеальной женщиной	-0,60
	доверительность общения с позиции жены	-0,74
	роль хозяина/хозяйки	-0,73
	степень идентиф-и со счастливым мужчиной	0,66
	организация развлечений	-0,61

Ожидание позитивного отношения от членов семьи (6,14% от всех дисперсий)	ожидаемое отношение от других	0,87
	доверительность общения с позиции мужа	0,68
	саморуководство	0,66
	самоинтерес	0,58
	аутосимпатия	-0,56
Негативное отношение к жене (5,85% от всех дисперсий)	отношение к жене «хорошего семьянина»	-0,86
	невротич. паттерны супружеского отношения	0,79
	самоуважение	0,73
	самоуверенность	0,68

Факторная структура семейного самосознания мужчин зависимого типа

Фактор	Компоненты фактора	Нагрузка на компоненты (r) при p=0,01
Самопожертвование (14,19% от всех дисперсий)	ощущение самопожертвования	0,77
	опасение обидеть	0,76
	развитие активности ребёнка	0,75
	доминирование отца	0,73
	излишняя строгость	0,68
	чрезмерная забота	0,65
	зависимость от семьи	0,62
Несформированность профессиональных паттернов (12,14% от всех дисперсий)	отношение к Другому профессионала	-0,79
	невротич. паттерны проф.отношения к Другому	0,76
	саморуководство	-0,70
	установление контакта с ребёнком	0,65
	самообвинение	-0,65
	раздражительность	0,64
	самопринятие	0,57
Негативные проявления в отношении ребёнка (8,83% от всех дисперсий)	подавление сексуальности ребёнка	0,72
	общие символы семьи	0,72
	коэффициент идентификации	-0,70
	невротич. паттерны родительского отношения	0,66
	степень идентификации с несчастным мужчиной	-0,64
	самопонимание	0,64
	самоуважение	0,63
Ожидание позитивного отношения от членов семьи (8,44% от всех дисперсий)	ожидаемое отношение от других	0,81
	отношение к жене «хорошего семьянина»	0,66
	конфликт семейных и профессиональных ролей	0,63
Конфликт семейных и дружеских ролей (7,88% от всех дисперсий)	конфликт семейных и дружеских ролей	0,81
	глобальное самоотношение	0,71
	конфликт семейных ролей	0,60
Потребность в поддержке жены (5,93% от всех дисперсий)	доверительность общения с позиции мужа	0,78
	психотерапевтичность общения	0,75
	доверительность общения с позиции жены	0,68
	легкость общения	0,65
	организация семейной субкультуры	0,62
	сходство во взглядах супругов	0,60
Когнитивная сложность и запрет словесных высказываний (5,45% от всех дисперсий)	когнитивная дифференцированность	0,84
	вербализация	-0,64
Выраженный самоинтерес (5,23% от всех дисперсий)	самоинтерес	0,87
	самопринятие	0,55